ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

М. В. ЛОМОНОСОВЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ и ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. И. Львовича-Кострицы.

Съ портретомъ Ломоносова, гравированнымъ въ С.-Петербургѣ К. Адтомъ.

2-е изданіе.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ (влад. А. Э. Коллинсъ), Мал. Дворянская, 19.
1912.

ИЗД… ВА.

Литера… … *свѣдѣніе.*

Сочиненія Пушки… …графіей, 500 письмами и 160 рисунк. Полное собраніе въ 1-мъ и 10 т. Ц. 1-томн. и 10 томн. изд. одна и та же: 1 р. 50 к. За переплеты: для 1-томн. изд.—50 к. Для 10-томн. (въ 5 пер.) 3 р.

Сочиненія Н. В. Гоголя. Съ портретами, біографіей и 180 рис., ц. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 2 р.

Сочиненія Лермонтова. Полн. собр. Съ портр., біограф. и 115 рис., ц. 1 р. въ коленкор. съ золотомъ перепл. 1 р. 50 к.

Сочиненія А. И. Герцена и переписка съ Н. А. Захарьиной. Съ примѣч., указателемъ и 8 снимками (7 портр., 1 статуя). 7 томовъ, ц. по 1 р. за томъ. *Отдѣльныя произведенія* А. И. Герцена (Искандера) *безъ пропусковъ:* 1) Русской народъ и соціализмъ, ц. 10 к.; 2) Старый міръ и Россія, ц. 10 к. 3) Кто виноватъ? ц. 50 к.; 4) Робертъ Оуэнъ, ц. 12 к.; 5) Александръ I и В. Н. Каразинъ, ц. 12 к.; 6) Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, ц. 20 к.; 7) Крещеная собственность, ц. 8 к.; 8) Съ того берега, ц. 40 к.; 9) О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи, ц. 40 к.; 10) Русскій заговоръ 1825 г., ц. 6 к.; 11) Статьи о Польшѣ, ц. 60 к.

Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго. Съ портр. и факсимиле автора, статьей *Н. К. Михайловскаго* и гравюр. съ картины худ. *Наумова* «Бѣлинскій передъ смертью». Въ 4-хъ больш. том., ц. 1, 2, и 3, т. по 1 р., 4-го тома 1 р. 25 к.

Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ 6 томахъ, ц. кажд. т. по 1 р. Дополнительный выпускъ, ц. 35 к.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. 2-е изд. Въ двухъ большихъ томахъ, ц. 3 р.

Исторія новѣйшей русской литературы. (1848—1908). *А. М. Скабичевскаго.* 7-е изд. Съ 57 портр., ц. 2 р.

Исторія русск. цензуры. *Его же*, ц. 2 р.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Съ портр. и біограф. Полное собраніе въ 10 том. 1) Давидъ Копперфильдъ; 2) Домби и сынъ; 3) Холодный домъ и Повѣсть о …городахъ; 4) Крошка Дорритъ и Большія надежды; 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ; 6) Записки Пиквикскаго клуба и Тяжелыя времена; 7) Николай Никльби и Рождественскіе разсказы; 8) Мартинъ Чезльвитъ. Гимнъ Рождеству. Затравленъ; 9) Барнеби Реджъ, Тайна Эдвина Друда и Колокола; 10) Лавка древностей. Записки путешественника не по торговымъ дѣламъ. Станція Мегби. Медфогскія записки. Рецепты доктора Мериголъда и Безъ Выхода. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.

Сочиненія Эркмана-Шатріана. Въ двухъ больш. том. (1800 стр.), ц. 3 р.

Остроумно-изобрѣтательный гидальго Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Соч. Мигеля де Сервантеса Сааведра. Полный перев. съ испанскаго М. Ватсонъ (съ примѣчаніями, біограф. очерк. и портр. Сервантеса). Изд. на лучшей бумагѣ съ черными и цвѣтными рисунками, ц. за 2 т. 7 р.; изданіе только съ черными рисунками, ц. за 2 тома 3 р. Альбомъ цвѣтныхъ рисунковъ (43 рис. и 1 портр.) въ папкѣ, ц. 3 р. 50 к.

Гауптманъ Ткачи. Драма въ 5 дѣйст. 25 к.

Гёре Воспоминанія изъ жизни одного рабочаго, ц. 1 р.—Жизнь соврем. фабр. рабочаго (въ Германіи), ц. 1 р.

Исторія цивилизаціи въ Англіи. *Бокля.* Перев. *А. Н. Буйницкаго.* Съ портр. автора. Съ примѣч., ц. 1 р. 75 к.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа Съ портр. *И. С. Тургенева,* ц. 15 к.

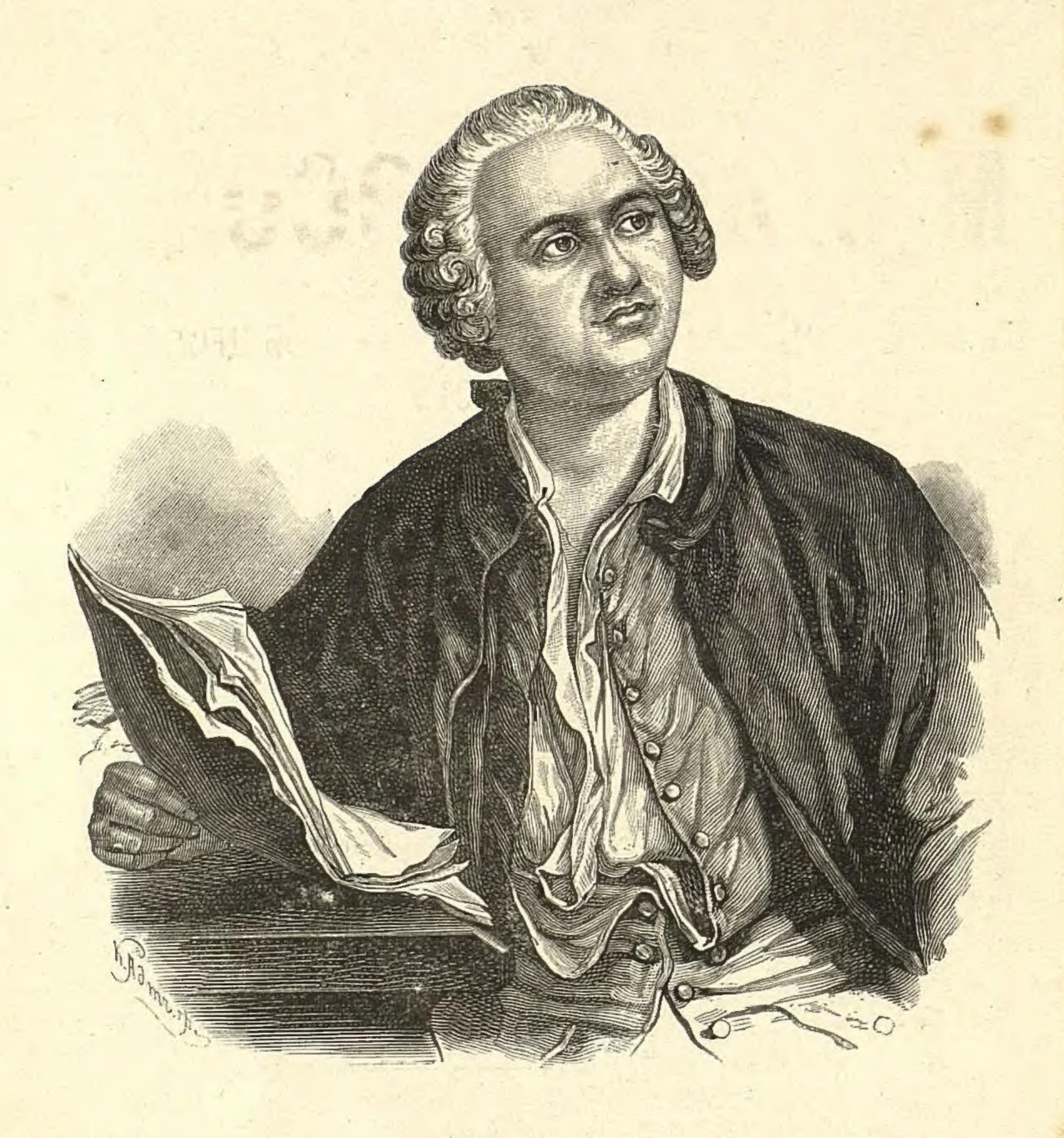
Вырожденіе. Психопатическія явленія въ обл. современ. литерат. и искусства. *Макса Нордау.* 583 стр. 2-е изданіе, ц. 1 р. 50 к.

Этика. Ученіе о нравственности. *Д. Макензи,* ц. 1 р.

Современная женщина.—Ея положеніе въ Европѣ и Америкѣ. *Б. Ф. Брандта,* ц. 60 к.

Письма о земледѣліи. Съ «вводными предложеніями» по адресу неомарксизма. *М. А. Энгельгардта,* ц. 50 к.

EX LIBRIS
Л.С. БОГДАНОВА

ЛОМОНОСОВЪ.

186

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

М. В. ЛОМОНОСОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ, НАУЧНАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

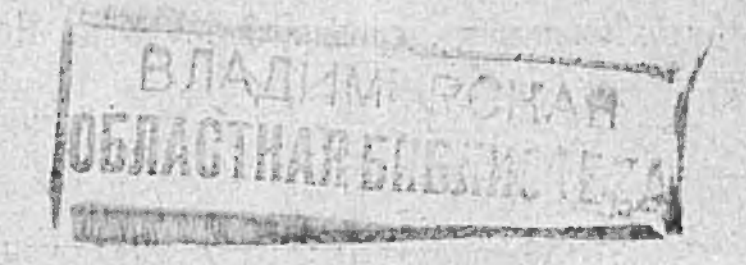
БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. І. Львовичъ-Кострица.

Съ портретомъ Ломоносова, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ (влад. А. Э. Коллинсъ), Мал. Дворянская, 19
1912.

ВЛАДИМИРСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОЧНИКИ:

1) Матеріалы для Біографіи Ломоносова.- Собранн. экстраордин. академикомъ *Билярскимъ.*—Спб. 1865 г.
2) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Ак. Наукъ въ XVIII в., изд. *А. Куникомъ.*—Спб. 1895 г.
3) Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ. Матеріалы къ столѣтней памяти его. *В. Ламанскій.* Чтен. обществ. истор. и древн.—1865 г., кн. 1.
4) Исторія Императорской Академ. Наукъ въ Петербургѣ. *Петра Пекарскаго.*—Спб. 1873 г.
5) Ломоносовъ, студентъ Марбургскаго университета. *М. И. Сухомлиновъ.*—Русск. Вѣстн. 1861 г., XXXI
6) Ломоносовъ, какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. *А. Будиловичъ.* Сбор. II отд. Ак. Наукъ т. VIII.
7) Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ. *А. Будиловичъ.*—Спб. 1869 г.
8) Исторія русской словесности. *И. Порфирьевъ.* —Казань.1886 г.
9) Исторія русской литературы *Галахова.*
10) Записки *Штелина.* Москвитянинъ. 1850 г., № 2.
11) Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова 4 апрѣля 1765—1865 г. Московскимъ университетомъ. Москва, 1865 г.
12) Въ воспоминаніе 12-го января 1855 года. Учено-литературныя статьи профессоровъ и преподавателей Московскаго университета.—Москва, 1855 г.
13) Рѣчи и отчетъ, произнесенные въ торжественномъ собраніи Московскаго университета 12 января 1851 г.—Москва, 1851 г.
и проч.

О жизни и дѣятельности М. В. Ломоносова, этой крупнѣйшей личности XVIII столѣтія послѣ Петра Великаго, въ настоящее время собранъ обширный и въ высшей степени интересный матеріалъ. Авторъ этого очерка, не имѣя никакой претензіи сказать что-либо новое о великомъ борцѣ съ «непріятелями наукъ россійскихъ», задался цѣлью, придерживаясь по возможности хронологическаго порядка, изложить всѣ наиболѣе важныя событія въ жизни М. В. Ломоносова. При выполненіи такой задачи, пришлось постоянно помнить о маленькихъ размѣрахъ этого очерка, стараться быть краткимъ и сжатымъ. Но описываемыя событія такъ интересны и такъ краснорѣчиво умѣютъ говорить сами за себя, что и не нуждаются въ какомъ-либо подробномъ разъясненіи и освѣщеніи.

Изъ числа вышеуказанныхъ источниковъ, авторъ при составленіи своего очерка болѣе всего пользовался солидными трудами нашихъ покойныхъ академиковъ Билярскаго и Пекарскаго.

ГЛАВА I.

Родина М. В. Ломоносова.—Его родители.—Злая мачиха.—Дѣтство.—Суровая природа сѣвернаго края.—Знакомство съ бытомъ сѣверныхъ обитателей.—Вліяніе условій, въ которыхъ протекало дѣтство М. В., на его характеръ.—Первый учитель Ломоносова.—Увлеченіе расколомъ.—Грамматика Смотритскаго и ариѳметика Магницкаго.—Причины, побудившія Ломоносова бѣжать въ Москву.—Поступленіе въ Заиконоспасское училище.—Просьбы отца вернуться домой.—Одинъ алтынъ.—Успѣхи юноши въ монастырѣ.—Недовольство обученіемъ въ школѣ.—Кіевская академія.—Разочарованіе.—Возвращеніе въ Москву.

Неприглядную и суровую картину представляетъ собою родина нашего великаго ученаго и поэта Михаила Васильевича Ломоносова.

Одна изъ большихъ и многоводныхъ рѣкъ Россіи, Сѣверная Двина съ давнихъ поръ служила удобнымъ торговымъ путемъ, ведущимъ къ единственному въ тѣ времена русскому морю.

Это-то обиліе даровой, стихійной силы передвиженія и море, открывающее свободный доступъ къ западнымъ государствамъ Европы, и опредѣлили, такъ сказать, русло, по которому должна была направиться вся наша первоначальная вывозная торговля. Понятно, какъ это обстоятельство должно было отразиться на увеличеніи народонаселенія по берегамъ Двины. По мѣрѣ приближенія къ Бѣлому морю, она все болѣе и болѣе расширяется, дробится на вѣтви, рукава и притоки и образуетъ множество большихъ и малыхъ острововъ; вмѣстѣ съ этимъ число деревень, селъ и городовъ все ростетъ и ростетъ. Одни изъ нихъ были построены туземцами, первоначальными обитателями Двинской земли, а другіе выходцами изъ внутренней Россіи, по преимуществу новгородцами. Со дня основанія нѣкоторыхъ изъ этихъ поселеній прошло уже нѣсколько столѣтій. Такъ, напримѣръ, противъ города Холмогоръ лежитъ на Двинѣ островъ, называющійся Куростровомъ; съ этимъ именемъ онъ встрѣчается уже въ

судной грамотѣ 1397 года и останется навсегда памятнымъ для каждаго русскаго, такъ какъ здѣсь-то и родился Ломоносовъ.

Ростъ числа поселеній, о которомъ мы только что упомянули, объясняется, съ одной стороны, обширнымъ спросомъ на рабочія руки для судоходства, выгрузки и нагрузки товаровъ, а съ другой—рыбными и солянымъ промыслами на морѣ, привлекавшими многихъ изъ жителей этихъ мѣстъ: дальній сѣверъ велъ весьма значительную торговлю солью и рыбою съ Новгородомъ, Москвою и друг. Выгоды торговли и промысловъ заставляли жителей мириться съ суровымъ климатомъ и жалкой природой этихъ мѣстъ.

Вышеупомянутый Куростровъ не представляетъ собою ничего заманчиваго для каждаго поверхностнаго наблюдателя. Это довольно большой, но такой низменный островъ, что онъ едва не затопляется въ полую воду разливомъ Двины; всюду разбросаны низенькія болотистыя кочки и невысокіе холмы, сверху до низу затянутые мхомъ; между ними лежатъ, словно погруженныя въ вѣчную дремоту, непросыхающія болотины съ грязной водой; ни лѣса, ни рощи не видно на всемъ протяженіи острова; только кое-гдѣ торчитъ жалкая, искривленная, точно больная, березка, да по береговой окраинѣ тянется безпрерывный и чахлый ивнякъ, въ какой-то грусти склонившійся надъ плавно движущимися водами рѣки.

Нѣтъ здѣсь ничего такого, на чемъ глазъ наблюдателя могъ-бы съ удовольствіемъ остановиться. И тѣмъ не менѣе длинный рядъ сѣрыхъ бревенчатыхъ избъ деревень и селъ расположился почти по всему низменному и песчанному берегу Курострова,—и здѣсь идетъ негромкая, невидная, но упорная и безпрерывная борьба за существованіе. Одна изъ этихъ деревень называется по письменному «Денисовкой», а въ просторѣчьи—«Болотомъ».

Отсюда, изъ-за ивняка, виднѣются на лѣвомъ берегу Двины Холмогоры, со своими старинными церквами, а въ другую сторону, на правомъ берегу, какъ разъ противъ Холмогоръ, древнее село Вавчуга. Во времена Петра Великаго, въ этомъ селѣ была устроена корабельная верфь, принадлежавшая арганґелогородскому купцу Боженину. Въ бытность свою въ Архангельскѣ, Петръ неоднократно посѣщалъ богатаго и умнаго владѣльца верфи и гостилъ у него по нѣсколько сутокъ.

Въ деревнѣ Денисовкѣ, уже въ началѣ XVIII столѣтія жилъ *черносошный* крестьянинъ Василій Дорофѣевъ Ломоносовъ.

Обыкновенно біографы нашего великаго борца «съ непріятелями наукъ Россійскихъ», говоря о его происхожденіи, утверж-

даютъ, что, «онъ вышелъ изъ самой низшей и простой среды народа», какъ-бы желая этимъ еще больше оттѣнить необычайность генія Ломоносова. Мнѣ кажется, что этотъ послѣдній всѣмъ сдѣланнымъ имъ такъ ярко выяснилъ свою геніальность, что въ подобныхъ способахъ оттѣненія она совсѣмъ не нуждается, тѣмъ болѣе что эти способы не вполнѣ соотвѣтствуютъ фактамъ.

Дѣло въ томъ, что Ломоносовъ-отецъ вовсе не представлялъ собою обычнаго крѣпостного крестьянина-раба того времени. Совсѣмъ напротивъ, *онъ имѣлъ участокъ земли, которымъ владѣлъ на правахъ собственности*. Это ясно слѣдуетъ изъ сохранившейся купчей крѣпости, которою Василій Ломоносовъ передавалъ за 10 рублей своему односельчанину въ полную собственность одно изъ своихъ полей. Кромѣ того, онъ «*промыселъ имѣлъ на морѣ, по Мурманскому берегу и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ для лову рыбы трески и палтосины на своихъ судахъ, изъ коихъ въ одно время имѣлъ не малой величины гуккоръ съ корабельною оснасткою,* всегда имѣлъ въ томъ рыбномъ промыслѣ счастіе, а собою былъ простосовѣстливъ и къ сиротамъ податливъ, а съ людьми обходителенъ, только грамотѣ неученъ»...

Такъ аттестуетъ отца Ломоносова нѣкій Варфоломѣевъ въ своей замѣткѣ отъ 4-го іюля 1788 года. Въ жизнеописаніи Ломоносова при академическомъ изданіи его сочиненій 1784 года читаемъ: отецъ Ломоносова былъ «промысломъ рыбакъ... и первый изъ жителей сего края состроилъ и *по европейски* оснастилъ на рѣкѣ Двинѣ подъ своимъ селеніемъ галіотъ и прозвалъ его «Чайкою»; ходилъ на немъ по сей рѣкѣ, Бѣлому морю и по Сѣверному океану для рыбныхъ промысловъ, и изъ найму возилъ разные запасы казенные и частныхъ людей города Архангельска въ Пустозерскъ, Соловецкій монастырь, Колу, Кильдинъ, по берегамъ Лапландіи, Семояди и на рѣку Мезень».

Изъ этихъ фактовъ ясно слѣдуетъ, что Ломоносовъ-отецъ былъ свободный, зажиточный крестьянинъ, вѣроятно самый богатый на всемъ Куростровѣ. Когда стали собирать на построеніе церкви въ Денисовкѣ, Василій Дорофѣевъ не задумался пожертвовать 10 рублей, т. е. стоимость, какъ мы видѣли, цѣлаго участка земли. Этотъ вкладъ по своей значительности превышаетъ всѣ прочіе, сдѣланные его односельчанами.

Такимъ образомъ на отца Ломоносова слѣдуетъ смотрѣть не какъ на простого крестьянина, а какъ на промышленника и купца. Только этою его зажиточностью и можетъ быть объясненъ его первый бракъ на дочери дьякона Еленѣ Ивановой. Отъ этого брака и родился сынъ

Михаилъ, которому суждено было впослѣдствіи прославиться на всю Россію и Европу, который въ одномъ лицѣ своемъ, какъ выразился Пушкинъ, вмѣщалъ «всю россійскую академію и университетъ».

Годъ рожденія Михаила Васильевича показывается различно. Въ конференцъ-архивѣ Императорской Академіи Наукъ хранится пачка бумагъ, среди которыхъ находится собственноручное черновое показаніе Ломоносова, написанное въ первые мѣсяцы 1754 г. Въ этомъ собственноручномъ показаніи Ломоносовъ заявляетъ, что считаетъ себѣ 42 года. Такое утвержденіе «заслуживаетъ, говоритъ Пекарскій, тѣмъ болѣе довѣрія, что прочіе выставленные въ отзывѣ годы обозначены чрезвычайно точно, что подтверждается другими современными свидѣтельствами».

Итакъ, если въ 1754 году Ломоносову было 42 года, то онъ родился въ 1712, а можетъ быть и въ 1711 году.

О раннемъ дѣтствѣ и отрочествѣ Ломоносова до насъ дошли крайне скудныя свѣдѣнія. Мнѣ не удалось встрѣтить ни одной строчки, въ которой-бы самъ Михаилъ Васильевичъ вспоминалъ о своей матери. Слѣдуетъ думать, что она умерла тогда, когда сыну ея было всего нѣсколько лѣтъ. Отецъ женился вторично на дочери крестьянина Михаила Ускаго. Эта мачиха не любила пасынка. Ломоносовъ называетъ ее злой и завистливой, говоритъ, что она «всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ» и вооружить его противъ сына.

Такія тяжелыя семейныя условія несомнѣнно имѣли большое вліяніе на складывающійся характеръ мальчика. Лишь только минуло ему 10 лѣтъ, какъ отецъ сталъ его брать съ собою на рыбную ловлю въ Бѣлое море и Сѣверный океанъ. Это дѣлалось не только потому, что Василій Дорофѣевъ хотѣлъ пріучить своего сына къ морю и приготовить изъ него добраго рыболова и моряка, но и потому еще, что отецъ просто нуждался въ помощникѣ для своего дѣла. Мальчикъ былъ здоровый, крѣпкій и сильный, такъ чтожъ ему дома сидѣть, у печки грѣться да съ мачихой ссориться!

Во время этихъ трудныхъ и продолжительныхъ переѣздовъ—по 4 и болѣе недѣль подъ-рядъ—молодой Ломоносовъ знакомится съ величественной и суровой природой Сѣвернаго океана; при этомъ ему не приходится только оставаться простымъ созерцателемъ дикихъ красотъ далекаго сѣвера; нѣтъ, весьма нерѣдко отецъ и сынъ вынуждены бывали вступать въ жестокую борьбу съ разбушевавшимся океаномъ, въ борьбу, которая могла закончиться только или побѣдою надъ грозной стихіей, или смертью ихъ обоихъ. Очень вѣроятно, что въ памяти Ломоносова ярко вставала картина за картиной

изъ его далекихъ странствованій съ отцомъ по бурному морю, когда онъ писалъ, въ 1762 г., въ одѣ на восшествіе на престолъ Петра III:

Когда по глубинѣ невѣрной
Къ невѣдомымъ брегамъ пловецъ
Спѣшитъ по дальности безмѣрной,
И не является конецъ;
Прилежно смотритъ—птицъ полёты
Въ водѣ и въ воздухѣ примѣты.
И какъ ужъ томную главу
На брегъ желанный полагаетъ,
Въ слезахъ отъ радости лобзаетъ
Песокъ и мягкую траву.

Но помимо того, что эти далекія плаванія развивали и укрѣпляли въ мальчикѣ стойкость характера, волю и смѣлость, они давали ему возможность знакомиться съ бытомъ сѣверныхъ обитателей, ихъ нравами и обычаями, со всевозможными промыслами; и вообще приходить въ сношенія со множествомъ новыхъ лицъ, весьма различныхъ по своему положенію и умственному кругозору.

Такимъ образомъ, хотя мальчикъ до 12-ти лѣтъ и не учился грамотѣ, но его здоровыя умственныя способности отнюдь не были лишены развивающей ихъ пищи. Ему приходилось сталкиваться съ самыми разнообразными явленіями жизни и строить самостоятельно свои выводы. Такъ что можно съ увѣренностью сказать, что по своему умственному развитію въ эти 12 лѣтъ Ломоносовъ стоялъ на несравненно высшей ступени, чѣмъ, напр., какой-нибудь петербургскій школьникъ, сверстникъ его по лѣтамъ, всю свою жизнь просидѣвшій въ каменномъ домѣ каменнаго города.

Первымъ учителемъ Ломоносова былъ крестьянинъ той-же куростровской волости Иванъ Шубной, сынъ котораго Федоръ Ивановичъ Шубинъ впослѣдствіи, вѣроятно не безъ содѣйствія Ломоносова, состоялъ при Академіи Художествъ.

Ученье пошло легко, такъ что мальчикъ «черезъ 2 года учинился, ко удивленію всѣхъ, лучшимъ чтецомъ въ приходской своей церкви. Охота его до чтенія на клиросѣ и за амвономъ была такъ велика, что не рѣдко бывалъ битъ не отъ сверстниковъ по лѣтамъ, но отъ сверстниковъ по ученію за то, что стыдилъ ихъ превосходствомъ своимъ предъ ними произносить читаемое къ мѣсту растановочно, внятно, а притомъ и съ особою пріятностью и ломкостью голоса». Сначала любимымъ его чтеніемъ были «житія святыхъ, напечатанныя въ прологахъ, и въ томъ былъ проворенъ, а при томъ имѣлъ у себя природную память: когда какое житіе или слово прочитаетъ, послѣ пѣ-

нія разсказывалъ сѣдящимъ въ трапезѣ старичкамъ сокращеннѣе на словахъ обстоятельно». (Путешествіе академика Ивана Лепехина. Спб. 1804 г.). Слѣдуетъ замѣтить, что въ это время «младый его разумъ уловленъ былъ раскольниками такъ называемаго толка безпоповщины; держался онаго два года, но скоро позналъ, что заблуждаетъ». Какъ извѣстно, расколъ этого толка отличался своими крайностями и горячностью отъ всѣхъ другихъ; послѣдователи его предпочитали лучше сотнями умирать въ срубахъ, построенныхъ ихъ-же собственными руками, чѣмъ отступиться отъ своихъ вѣрованій. Въ увлеченіи юнаго Ломоносова такимъ расколомъ впервые сказалась страстность его натуры. Въ семьѣ жилось плохо. Грубая и злая брань сварливой мачихи, гнѣвъ отца, толчки и побои—все это не могло удовлетворить страстной души мальчика, жаждавшей, конечно, ласки и нѣжности. Но и расколъ не далъ ему того, чего онъ искалъ. Только одна наука въ состояніи была удовлетворить его вполнѣ.

Какъ-то зайдя въ домъ односельчанина Христофора Дудина, онъ увидѣлъ въ первый разъ въ своей жизни недуховныя книги. Это были грамматика Смотритскаго и ариѳметика Магницкаго. Какъ Ломоносовъ ни просилъ старика Дудина дать ему эти книги на нѣсколько дней, дѣдъ оставался непреклоненъ и отвѣчалъ на всѣ просьбы отказомъ. Тогда Ломоносовъ избралъ другой путь. Онъ сталъ особенно ласковъ съ тремя сыновьями старика, старался имъ всячески угодить, пока наконецъ не получилъ отъ нихъ этихъ столь заманчивыхъ книгъ. «Отъ сего самаго времени не разставался онъ съ ними никогда, носилъ вездѣ съ собою и, непрестанно читая, вытвердилъ наизусть. Самъ онъ потомъ называлъ ихъ вратами своей учености».

Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ объ этихъ двухъ книгахъ. Грамматика Смотритскаго и ариѳметика Магницкаго принадлежатъ къ самымъ крупнымъ и едва-ли не единственнымъ въ своемъ родѣ представителямъ книжной мудрости въ до-Петровской Руси. Оба эти произведенія носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ польской схоластики, которая нашла себѣ гостепріимный пріютъ въ кіевской академіи и оттуда вмѣстѣ съ тамошними учеными перешла въ Москву. Грамматика Смотритскаго оказала весьма сильное вліяніе на Ломоносова; онъ не забылъ о ней даже тогда, когда составлялъ свою собственную грамматику. Объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе ниже. Здѣсь же добавимъ кстати, что уже на 15-мъ году Ломоносовъ писалъ безошибочно противъ современнаго ему правописанія. Этотъ фактъ весьма краснорѣчиво иллюстрируетъ блестящія способности крестьянскаго мальчика, особенно, если вспомнить первую извѣстную подпись Ка-

рамзина-юноши, полную такихъ ошибокъ и описокъ, что одинъ изъ его біографовъ только по одной этой причинѣ отказался вѣрить въ принадлежность ея перу столь извѣстнаго впослѣдствіи исторіографа. Что же касается до ариѳметики Магницкаго, одного изъ учителей морской академіи, основанной въ Петербургѣ въ 1715 году, то слѣдуетъ замѣтить, что многіе слишкомъ довѣрчиво отнеслись къ имѣющимся въ этой книгѣ стихамъ:

Зане разумъ весь собралъ и чинъ
Природный русскій, а не нѣмчинъ,

и стали считать Магницкаго самостоятельнымъ творцомъ этого произведенія. Теперь оказалось, что ариѳметика составлена по стариннымъ рукописямъ, несомнѣнно перешедшимъ къ намъ изъ Польши; Магницкій только скомпилировалъ, если не перевелъ, готовый матеріалъ и разукрасилъ его силлабическими виршами, дѣйствительно своего издѣлія. Такая компиляторская работа была вполнѣ по плечу для талантливаго учителя морской академіи. Магницкій зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени. «Петръ В. былъ особенно расположенъ къ нему, жаловалъ его деревнями, приказалъ выстроить ему домъ въ Москвѣ, и даже благословилъ образомъ, а за его глубокія познанія и вѣроятно привлекательную бесѣду называлъ «магнитомъ» и приказалъ писаться «Магнитскимъ»,—говоритъ Порфирьевъ. Ариѳметика Магницкаго была напечатана въ 1703 году. Это была первая въ Россіи ариѳметика съ арабскими цифрами; ранѣе же употреблялись въ ариѳметикахъ вмѣсто чиселъ славянскія буквы. Книга украшена аллегорической виньеткой и раздѣлена на 2 части: ариѳметику-политику и ариѳметику-логистику. Въ первой изложены свѣдѣнія, необходимыя для гражданина, воина и купца; во второй—для землемѣра и мореплавателя.

Юный Ломоносовъ, съ такимъ жаромъ накинувшійся на эти новыя книги, не могъ безъ посторонней помощи понять всего ихъ содержанія, особливо ариѳметику-логистику. А между тѣмъ жажда понять была очень велика. И вотъ онъ сидитъ по цѣлымъ днямъ за книгами. Сварливая мачиха сердится и бранится, всячески старается «произвести гнѣвъ» въ отцѣ его; этотъ послѣдній становится на сторону своей жены и находитъ, что сынъ его предается дѣйствительно пустымъ занятіямъ. Любознательному юношѣ не остается ничего иного, какъ удалиться изъ дому въ «уединенныя и пустыя мѣста, и терпѣть стужу и холодъ». Вскорѣ Ломоносовъ выучилъ наизусть обѣ книги. Все то, что было имъ

понято и усвоено, нисколько не удовлетворяло его любознательности, а скорѣе напротивъ—возбуждало ее.

Новиковъ, въ своемъ «Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ», писалъ всего 7 лѣтъ спустя послѣ смерти Ломоносова, что главной побудительной причиной, заставившей Михаила Васильевича покинуть отчій домъ и бѣжать въ Москву, была страсть къ стихамъ и сильное желаніе обучаться стихотворству. Эта любовь къ стихотворной формѣ была возбуждена случайно попавшейся ему псалтирью, «переложенной въ стихи Семеономъ Полоцкимъ». Товарищъ Ломоносова по Академіи Наукъ—Штелинъ утверждаетъ, что этой причиной бѣгства была жажда научнаго знанія. Священнослужитель, учившій Ломоносова грамотѣ, на вопросы его «обыкновенно отвѣчалъ ему, что для пріобрѣтенія большаго знанія и учености требуется знать языкъ латинскій, а ему не индѣ можно научиться, какъ въ Москвѣ, Кіевѣ или Петербургѣ, что въ сихъ только городахъ довольно книгъ на томъ языкѣ. Долгое время питалъ онъ въ себѣ желаніе убѣжать въ который-нибудь изъ сказанныхъ городовъ, чтобъ отдаться тамъ наукамъ».

Это объясненіе намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, хотя возможно, что на ряду съ жаждой научнаго знанія было и страстное желаніе обучиться стихотворному искусству. Нельзя сомнѣваться, что къ бѣгству побуждали также тяжелыя семейныя условія и твердое намѣреніе отца женить подростающаго парня, хотя-бы даже противъ его воли.

Въ волостной книгѣ для записей поручителей въ платежѣ податей за отлучившихся Денисовской волости—сохранилась слѣдующая отмѣтка:

„1730 года, декабря 7 дня, отпущенъ Михаилъ Васильевъ сынъ Ломоносовъ къ Москвѣ и къ морю до сентября мѣсяца предбудущаго 731 года, а порукою по немъ въ платежѣ подушныхъ денегъ Иванъ Баневъ росписался“.

Такимъ образомъ бѣгство Ломоносова совершилось около 7 декабря 1730. Паспортъ юношѣ удалось достать тайкомъ, при помощи управляющаго тогда въ Холмогорахъ земскими дѣлами Ивана Васильевича Милюкова. Сосѣдъ Ѳома Шубной, вѣроятно родственникъ первому учителю Ломоносова—Ивану Шубному, снабдилъ его на дорогу полукафтаньемъ и заимообразно 3 рублями денегъ. Ни слова не сказавъ домашнимъ о своемъ намѣреніи, онъ отправился въ путь «и дошелъ до Антоніева Сійскаго монастыря, въ разстояніи отъ Холмогоръ по петербургскому тракту во стѣ верстахъ, былъ въономъ

нѣкоторое время, отправлялъ псаломническую должность; заложилъ тутъ взятое имъ у Ѳомы Шубнаго полукафтанье мужику Емчанину, котораго послѣ выкупить не удалось, ушелъ оттолѣ въ Москву, присталъ на Сухареву башню обучиться ариѳметикѣ, которой науки показалось ему мало, то пришелъ онъ къ тогдашнему московскому архіерею, объявя себя поповскимъ сыномъ, просилъ о принятіи себя въ Заиконоспасское училище для обученія словено-греко-латинскихъ наукъ, куда былъ и принятъ».

Вотъ одна версія о бѣгствѣ Ломоносова и поступленіи въ школу; ее признаютъ въ настоящее время болѣе вѣроятной, она помѣщена въ «Путешествіи академика Лепехина». Другая версія принадлежитъ Штелину, о которомъ мы уже упоминали. Онъ сообщаетъ множество любопытныхъ подробностей, которымъ, при болѣе тщательной провѣркѣ по рукописнымъ источникамъ оказалось довѣрять нельзя, такъ какъ въ его разсказахъ попадаются крупныя неточности и невѣрности, поневолѣ заставляющія относиться сомнительно къ его сообщеніямъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ.—Но тѣмъ не менѣе мы рѣшаемся привести здѣсь повѣствованіе Штелина о бѣгствѣ Ломоносова и о томъ, какъ ему удалось попасть въ Заиконоспасское училище,—этотъ разсказъ интересенъ.

«Долгое время питалъ онъ въ себѣ желаніе убѣжать въ который нибудь изъ сказанныхъ городовъ, чтобъ отдаться тамъ наукамъ. Нетерпѣливо находилъ удобнаго случая. На семнадцатомъ году возраста своего напослѣдокъ оный открылся. Изъ селенія его отправлялся въ Москву караванъ съ мерзлою рыбою. Всячески скрывая свое намѣреніе, по утру смотрѣлъ, какъ буто изъ одного любопытства, на выѣздъ сего каравана. Слѣдующею ночью, какъ всѣ въ домѣ отца его спали, надѣвъ двѣ рубашки и нагольный тулупъ, погнался за онымъ въ слѣдъ (не позабылъ взять съ собою любезныхъ своихъ книгъ, составлявшихъ тогда всю его библіотеку: грамматику и ариѳметику). Въ третій день настигъ его въ семидесяти уже верстахъ. Караванный прикащикъ не хотѣлъ прежде взять его съ собою, но убѣжденъ бывъ просьбою и слезами, чтобъ далъ посмотрѣть ему Москвы, наконецъ согласился. Чрезъ три недѣли прибыли въ столичный сей городъ. Первую ночь проспалъ Ломоносовъ въ обшевняхъ у рыбнаго ряду. На завтрее проснулся такъ рано, что еще всѣ товарищи его спали. Въ Москвѣ не имѣлъ ни одного знакомаго человѣка; отъ рыбаковъ, съ нимъ пріѣхавшихъ, не могъ ожидать никакой помощи; занимались они продажею только рыбы своей, совсѣмъ объ немъ не помышляя. Овладѣла душою его скорбь; началъ

горько плакать; палъ на колѣни; обратилъ глаза къ ближней церкви и молилъ усердно Бога, чтобъ его призрилъ и помиловалъ.

«Какъ уже совсѣмъ разсвѣло, пришелъ какой-то господскій прикащикъ покупать изъ обоза рыбу. Былъ онъ землякъ Ломоносову, коего лицо показалось ему знакомо. Узнавъ-же, кто онъ таковъ и объ его намѣреніи, взялъ къ себѣ въ домъ и отвелъ для житья уголъ между слугами того дома.

«У караваннаго прикащика былъ знакомый монахъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, который часто къ нему хаживалъ; черезъ два дня послѣ пріѣзда его въ Москву, пришелъ съ нимъ повидаться. Представя онъ ему молодого земляка, разсказалъ объ его обстоятельствахъ, о чрезмѣрной охотѣ къ ученію, и просилъ успльно постараться, чтобъ приняли его въ Заиконоспасское училище. Монахъ взялъ то на себя и исполнилъ самымъ дѣломъ. И такъ учинился нашъ Ломоносовъ ученикомъ въ семъ монастырѣ. Дома между тѣмъ долго его искали и, не нашедъ нигдѣ, почитали пропадшимъ до возвращенія обоза по послѣднему зимнему пути: тогда уже узнали, гдѣ онъ и что онъ».

Что отецъ Ломоносова дѣйствительно зналъ, гдѣ его сынъ и что онъ дѣлаетъ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ Михаилъ Васильевичъ самъ заявилъ, что получалъ не одно письмо отъ отца, съ просьбою воротиться домой.

На первыхъ порахъ молодому человѣку пришлось довольно тяжело въ монастырѣ. Вообразите себѣ, въ какомъ положеніи очутился онъ, высокій, статный юноша, съ пробивающимся пухомъ надъ губою, когда вошелъ въ низшій классъ школы и очутился товарищемъ малолѣтнихъ школьниковъ; вообразите, съ какимъ удивленіемъ всѣ эти малые ребята уставились на него, какимъ звонкимъ, задорнымъ и неудержимымъ смѣхомъ разразились всѣ они, когда узнали что этотъ здоровенный парень пришелъ зубрить вмѣстѣ съ ними латинскую азбуку! Шуткамъ, насмѣшкамъ и издѣвательствамъ, само собою разумѣется, конца не было. Всѣ прыгали вокругъ него, кричали, хохотали, показывали на него пальцемъ: «смотрите-де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни учиться»!—такъ выразился самъ Ломоносовъ, вспоминая объ этомъ тяжеломъ для него времени. Но это еще было весьма незначительно, по сравненію съ тою бѣдностью, въ которой онъ очутился. Въ день выдавалось жалованья всего одинъ алтынъ. Изъ этой суммы онъ могъ позволить себѣ истратить только денежку на хлѣбъ, денежку на квасъ, а остальное должно было пойти на бумагу, обувь и прочія нужды. Такимъ образомъ пришлось жить

изо-дня въ день, не видя въ близкомъ будущемъ никакого улучшенія, и это послѣ того довольства-то, которымъ онъ пользовался въ отцовскомъ домѣ! А тутъ еще эти письма отца, эти постоянныя просьбы и усовѣщиванія возвратиться, понять, что для него-же, для сына, онъ копилъ копѣйку за копѣйкой, кровавымъ потомъ наживалъ состояніе, которое по смерти его расхитятъ чужіе люди. Желая во чтобы-то ни стало вернуть сына, Василій Дорофѣевичъ пишетъ ему, что такіе-то и такіе-то хорошіе люди съ радостью отдадутъ за него своихъ дочерей. Сколько соблазна! Не даромъ Ломоносовъ писалъ, вспоминая объ этой тяжелой порѣ его жизни: «Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли».

Но жажда научнаго знанія, всецѣло завладѣвшая пылкой и страстной душой нашего молодого человѣка, заставила его забывать о всѣхъ непріятностяхъ и лишеніяхъ, которыя приходилось терпѣть изо дня въ день, и не колеблясь, бзстрашной рукой порывать всѣ связи со своимъ прошедшимъ. Врядъ-ли въ это время юный Ломоносовъ зналъ, куда приведетъ его путь, избранный имъ; врядъ-ли даже жила въ немъ твердая увѣренность, что, отдавшись своему влеченію къ наукѣ, онъ достигнетъ лучшаго и болѣе свѣтлаго будущаго, чѣмъ было его прошедшее. Вѣроятнѣе всего, что даже въ мечтахъ увлекающагося юноши образъ заманчиваго будущаго не выступалъ передъ нимъ въ опредѣленныхъ очертаніяхъ и краскахъ. Мечты—въ какую-бы несбыточную и фантастическую область ни уносили насъ, всегда строятся на фундаментѣ изъ реальныхъ фактовъ прошедшаго. А Ломоносовъ, порвавъ съ прошедшимъ, вступилъ въ совершенно новую для него жизнь, ни условій, ни формъ проявленія которой онъ тогда еще не зналъ. Отсюда становится понятнымъ, въ какихъ неопредѣленныхъ и спутанныхъ линіяхъ выступало передъ нимъ это далекое будущее. Но неопредѣленное и неясное не имѣетъ въ себѣ достаточно силы, чтобы человѣкъ рѣшился сдѣлать шагъ, могущій рѣзко измѣнить все направленіе его жизни. Если-бы нашимъ юношей руководили соображенія о будущемъ, *мечты о карьерѣ* ученаго, то, навѣрное, изъ этихъ туманныхъ мыслей и эгоистическихъ волненій ничего-бы не вышло. Въ томъ-то вся и суть, что Ломоносовымъ руководила живая и напряженная страсть—жажда научнаго знанія. Эта любовь къ наукѣ, наполнявшая пылкую душу здороваго парня, заставила его подчиниться себѣ со всею беззавѣтностью. Для юноши—знаніе заключало цѣль въ самомъ себѣ, оно вызывало всѣ его стремленія и давало имъ высшее и законченное удовлетвореніе.

И замѣтьте, что сынъ рыбака совсѣмъ не представлялъ собою мечтательнаго «баловня судьбы», никогда не имѣвшаго надобности вступать въ реальную жизнь, со всею ея напряженною и грубою борьбою за существованіе. Нѣтъ, совсѣмъ напротивъ, молодой Ломоносовъ съ 10-ти лѣтняго возраста окунулся въ эту суровую школу жизни, отрокомъ уже являлся отвѣтственнымъ представителемъ интересовъ семьи, и отлично усвоилъ себѣ практическую смѣтку, чуждую всякой сентиментальности и неразборчивой довѣрчивости. Для него міръ вовсе не окрашивался въ розовыя краски и совсѣмъ не былъ полонъ добродѣтельными и благодушными людьми. Въ ту ночь, когда смѣльчакъ рѣшалъ свой побѣгъ изъ отчаго дома, и горячее сердце юноши трепетало отъ сладкой истомы охватившаго его желанія, онъ, навѣрное, крѣпко подумалъ, на что рѣшается, и совершенно отчетливо нарисовалъ себѣ ту нужду и горе, съ которыми ему неизбѣжно придется встрѣтиться. Но желаніе слишкомъ было интенсивно, чтобы могло померкнуть передъ этими мрачными картинами.

Такова была благородная, высокая и безкорыстная страсть, овладѣвшая всѣмъ существомъ молодого человѣка.

Она явилась какъ-бы откликомъ на прекрасную и плодотворную мысль Петра Великаго о необходимости для Россіи широкаго образованія; она, эта страсть, и создала того серьезнаго русскаго ученаго, въ которомъ такъ нуждалась въ то время Россія, и которымъ великій реформаторъ мечталъ увѣнчать свои заботы по насажденію наукъ въ нашемъ отечествѣ.

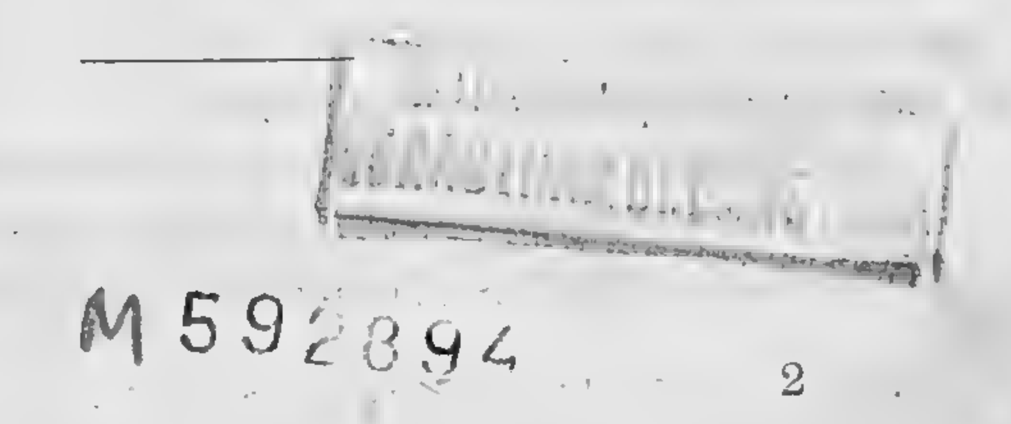
Въ Заиконоспасскомъ монастырѣ Ломоносовъ принялся учиться съ великой охотою и неослабѣвающей энергіей. По прошествіи перваго полугода его переводятъ уже изъ низшаго класса во второй; затѣмъ въ томъ-же году въ третій классъ. Черезъ два года онъ уже настолько овладѣлъ языкомъ древнихъ римлянъ, что въ состояніи былъ сочинять небольшія латинскія стихотворенія. «Тогда началъ учиться по-гречески, а въ свободные часы, вмѣсто того, что другіе семинаристы проводили ихъ въ рѣзвости, рылся въ монастырской библіотекѣ. Находимыя въ оной книги утвердили его въ языкѣ славенскомъ. Тамъ-же, сверхъ лѣтописей, сочиненій церковныхъ отцовъ и другихъ богословскихъ книгъ, попалось въ руки его малое число философическихъ, физическихъ и математическихъ книгъ. Заиконоспасская библіотека не могла насытить жадности его наукамъ, прибѣгнулъ къ архимандриту съ усиленною просьбою, чтобъ послалъ его на одинъ годъ въ Кіевъ учиться философіи, физики и математики»... разсказываетъ Штелинъ. На эту просьбу архимандритъ от-

вѣтилъ согласіемъ и выдалъ ему деньги на проѣздъ. Этотъ фактъ показываетъ, какъ уже въ то время начальство училища серьезно смотрѣло на занятія Ломоносова. Къ сожалѣнію, того, что онъ надѣялся получить отъ Кіевской академіи, она ему не дала. Тамъ все подчинила себѣ польская схоластика, и вмѣсто положительныхъ знаній, которыхъ такъ жаждалъ юноша, онъ встрѣтилъ здѣсь, правда весьма изощренныя, но за то и достаточно безсодержательныя философскія и богословскія пренія. Въ этомъ, главнымъ образомъ, и заключались всѣ занятія въ академіи. «Навостриться спорить» тутъ Ломоносовъ могъ прекрасно, но не это манило его къ себѣ: не прошло и года, какъ онъ, разочарованный въ Кіевской школѣ, возвратился назадъ въ Москву, гдѣ его ожидали крупныя событія, открывшія наконецъ ему свободный доступъ къ изученію западно-европейской науки.

Памятниками ученическихъ годовъ Ломоносова въ Москвѣ остались, во первыхъ, стихи, которые онъ долженъ былъ сочинить въ наказаніе за какой-то школьническій проступокъ:

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетѣвши сѣли,
Въ радости запѣли.
Егда стали ясти,
Попали въ напасти,
Увязли-бо ноги.
Ахъ, плачутъ, убоги:
Меду полизали,
А сами пропали.

А во вторыхъ—учебникъ, писанный рукою Ломоносова и находящійся нынѣ въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. Этотъ учебникъ заключаетъ въ себѣ риторику на латинскомъ языкѣ. По сравненіи этой риторики съ «Краткимъ руководствомъ къ краснорѣчію, или риторикѣ», составленной Ломоносовымъ и въ первый разъ изданной въ 1848 году, въ обѣихъ оказывается немалое число вполнѣ тождественныхъ опредѣленій, хотя различно расположенныхъ.

ГЛАВА II.

Исторія возникновенія Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ.— Сношенія Петра съ Лейбницемъ и Вольфомъ.—Хлопоты Лейбница объ учрежденіи академіи. — Совѣты Вольфа учредить университетъ, а не академію. — Проектъ нашей Академіи. — Екатерина I. — Три отдѣленія Академіи. — Математическія науки занимаютъ господствующее положеніе.—Подозрительное отношеніе къ наукѣ.—Злополучія Академіи при Петрѣ II.—Совмѣщеніе Академіи Наукъ съ академіей художествъ и ремеслъ.—Долги Академіи.—Блюментростъ.— Баронъ Корфъ. — Выборъ 12 учениковъ изъ Заиконоспасскаго монастыря. — Ломоносовъ въ числѣ ихъ. — Пріѣздъ въ Петербургъ.—Отъѣздъ заграницу. — Марбургъ.—Занятія Ломоносова. — Увлеченіе Ломоносова и товарищей разгуломъ.—Долги. — Переводъ въ Фрейбергъ къ Генкелю.—Отношенія между Генкелемъ и Ломоносовымъ —Ода на взятіе Хотина. — Ссоры съ бергъ-ратомъ. — Путешествіе Ломоносова въ Лейпцигъ, Кассель и въ Марбургъ.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Смерть отца.—Жена Ломоносова.

Вся дальнѣйшая жизнь и дѣятельность Ломоносова тѣсно связана съ С.-Петербургской Императорской Академіей Наукъ. Поэтому находимъ здѣсь не лишнимъ разсказать, хотя въ самыхъ сжатыхъ чертахъ, исторію возникновенія этой академіи.

Петръ Великій, во время своихъ двухъ путешествій по Европѣ, приложилъ не мало стараній, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе точное представленіе о всѣхъ европейскихъ учрежденіяхъ, посвященныхъ наукѣ и служащихъ для распространенія научнаго образованія. При этомъ онъ вступалъ въ продолжительныя бесѣды со всѣми выдающимися учеными и своимъ благосклоннымъ и любезнымъ обращеніемъ старался упрочить это знакомство съ ними, имѣя въ виду въ ближайшемъ будущемъ воспользоваться ихъ знаніями. По возвращеніи изъ-за границы, съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ вступилъ въ продолжительную переписку.

Для исторіи русскаго образованія особенно важны и интересны сношенія Петра I съ Лейбницемъ и Вольфомъ. Эти два философа и ученыхъ энциклопедиста стояли тогда во главѣ всей европейской науки.

Первый изъ нихъ, заслужившій себѣ безсмертную славу своей теоріей о безконечно-малыхъ величинахъ, обладалъ широкимъ обобщающимъ умомъ и между прочимъ стремился отыскать универсальный языкъ для всѣхъ народовъ.

Лейбницу принадлежитъ «грандіозная идея объ ученомъ обществѣ, или братствѣ во всемъ мірѣ, которое, на основаніи научныхъ стремленій, должно было привлечь къ себѣ не только науку, но и

всѣ дѣла государства и даже цѣлаго человѣчества. Съ этой идеей были связаны его старанія возбуждать къ основанію академій въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ. Онъ смотрѣлъ на академію, какъ на общую мастерскую, гдѣ нѣсколько рукъ вмѣстѣ работаютъ надъ наукой, потому что для дальнѣйшаго ея возрастанія общества служатъ лучше, чѣмъ отдѣльные люди»—говоритъ Порфирьевъ. Эта идея породила другую — о возможности отыскать универсальный языкъ, на которомъ всѣ народы алгебраически могли бы понимать другъ друга.

Съ знаменитымъ ученымъ Петръ I встрѣтился еще во время своего перваго путешествія въ 1697 г. въ городѣ Торгау и пожаловалъ ему званіе тайнаго совѣтника съ жалованьемъ по 1,000 рейхсталеровъ въ годъ. За это Лейбницъ составлялъ разные планы и проекты для просвѣщенія Россіи. Онъ находилъ необходимымъ для нея учредить 9 коллегій: государственную, военную, финансовую, полицейскую, юридическую, торговую, вѣроисповѣданій, ревизіонную и ученую. Изъ городовъ, въ которыхъ должны были возникнуть академіи, университеты и школы, Лейбницъ указывалъ на Москву, Кіевъ, Астрахань и Петербургъ. Всѣ эти разсадники просвѣщенія должны были помѣщаться въ удобныхъ и обширныхъ зданіяхъ, владѣть библіотеками, обсерваторіями, снабженными инструментами, и музеями и т. д. Эти проекты, какъ и многіе другіе, о которыхъ мы здѣсь не упоминаемъ, были слишкомъ обширны и, конечно, въ то время не могли быть выполнены въ Россіи, которая едва только начинала учиться. Но они всетаки не остались безъ послѣдствій на реформахъ Петра. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подъ вліяніемъ этихъ-то проектовъ великаго энциклопедиста и возникла мысль Петра объ учрежденіи коллегій, академіи наукъ въ Петербургѣ, затѣмъ посылка Беринга для открытія пролива между Азіей и Америкой и т. д.

Еще болѣе сдѣлалъ для нашей Академіи Наукъ другой главарь тогдашней европейской науки, Христіанъ Вольфъ, ученикъ Лейбница. Онъ состоялъ сначала профессоромъ въ Лейпцигѣ, затѣмъ въ Галле и наконецъ въ Марбургѣ. Его философія хотя и не могла претендовать на самостоятельную оригинальность, но отличалась строго-логической послѣдовательностью и ясностью. Благодаря этимъ качествамъ, философія Вольфа пріобрѣла обширную школу послѣдователей и господствовала въ Германіи вплоть до Канта. Рядомъ съ этимъ, Вольфъ, какъ и большинство ученыхъ энциклопедистовъ того времени, занимался математикой, физикой, химіей и другими науками.

Сношенія Петра съ Вольфомъ начались съ 1715 г., когда нѣкій Орифеусъ распустилъ слухъ, что ему удалось устроить perpetuum mobile. Великій реформаторъ отлично зналъ, какъ многочисленны и важны могутъ быть послѣдствія такого изобрѣтенія. Ему захотѣлось воспользоваться имъ для Россіи, и онъ предложилъ Вольфу, черезъ своего лейбъ-медика Блументроста, вступить въ русскую службу на какихъ угодно условіяхъ, лишь-бы изобрѣтеніе Орифеуса было удачно усовершенствовано. Вольфъ отказался отъ такого предложенія,—но заведенныя съ нимъ сношенія на этомъ не порвались. Вскорѣ императоръ предложилъ ему пріѣхать въ Россію и приступить къ устроенію академіи наукъ; предложеніе было нѣсколько разъ повторено, причемъ ученаго соблазняли мѣстомъ президента Академіи. Но Вольфъ оставался непреклоннымъ, отговариваясь то нездоровьемъ, то суровымъ климатомъ Россіи, то боязнію преслѣдованія со стороны русскаго духовенства.

Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ знаменитый ученый совсѣмъ не находилъ практичнымъ открывать въ Петербургѣ академію наукъ; при этомъ онъ указывалъ на берлинскую академію, которая «по имени извѣстна всему свѣту, но пользы никому и ничему еще не принесла». «Обыкновенный университетъ,—писалъ онъ,—гдѣ ученые будутъ преподавать то, что распространитъ наука между русскими, не только полезнѣе для страны чѣмъ академія наукъ, но также къ тому поведетъ, что въ нѣсколько лѣтъ академія наукъ будетъ состоять изъ русскихъ, которые потомъ настоящую славу доставятъ своему государству».

Таковы были совѣтники Петра въ дѣлѣ устроенія нашей академіи наукъ. Въ 1724 году онъ повелѣлъ составить проектъ академіи вышеупомянутому Блументросту.

Этотъ послѣдній, вѣроятнѣе всего, ограничился въ своемъ проектѣ только тѣми соображеніями, которыя были переданы ему самимъ императоромъ. Вліяніе Лейбница и Вольфа также сказалось на этомъ проектѣ: Петръ В. вздумалъ включить въ составъ Академіи и университетъ, обязанный приготовить академиковъ изъ русскихъ студентовъ, и гимназію, гдѣ бы воспитывались слушатели для университета. При этомъ предполагалось, что въ университетѣ будутъ читать публичныя лекціи «о художествахъ и наукахъ» сами академики, а въ гимназіи—ихъ адъюнкты. Но энергическому реформатору не удалось привести этотъ проектъ въ исполненіе.

Академія Наукъ была открыта только черезъ полгода послѣ смерти Петра, его супругою Екатериною I, 27 декабря 1725 г., если счи-

тать ея основанie со дня перваго торжественнаго засѣданія. Конечно, на первыхъ порахъ не было никакой возможности открыть сразу академію вмѣстѣ съ университетомъ и гимназіей при ней. Ограничились одной частью проекта—открыли собственно Академію Наукъ. Она сначала раздѣлялась на три отдѣленія: 1) *математическое*—низшая и высшая математика, астрономія и географія, чистая и прикладная механика, 2) *физическое*—общая физика, физіологія, анатомія, химія, ботаника, 3) *историческое*—метафизика, логика, мораль, политика, элоквенція, исторія, естественное и публичное право. Президентомъ академіи былъ назначенъ составитель проекта — Блюментростъ. Онъ еще въ сентябрѣ 1725 года, когда только что пріѣхали приглашенные въ Россію ученые, составилъ уставъ для академическаго ученаго общества. Въ него вошли въ распространенномъ видѣ всѣ статьи доклада, или проекта Блюментроста, поданнаго еще Петру I. Екатерина I, хотя и весьма благосклонно относившаяся къ Академіи, почему-то не утвердила этотъ уставъ. Такимъ образомъ академія наукъ была съ перваго же года своего существованія отдана на безотчетный произволъ лицъ, которымъ поручалось ея управленіе, что и повлекло за собою въ самомъ непродолжительномъ времени, съ одной стороны—полное разстройство всей хозяйственной части ея управленія, а съ другой—внутренніе безконечные раздоры между учеными и управителями, «считавшими себя въ правѣ распоряжаться по своему усмотрѣнію судьбами этого учрежденія» и безцеремонно доказывавшими это свое право на дѣлѣ,

Выборомъ ученыхъ людей, изъ которыхъ должна была составиться наша академія, руководилъ тотъ самый Христіанъ Вольфъ, который какъ мы уже видѣли, былъ лично противъ учрежденія академіи въ Россіи и вмѣсто нея совѣтовалъ открыть университетъ. Но, принявши на себя косвенное участіе въ устроеніи нашего ученаго общества, онъ исполнилъ принятое имъ на себя порученіе съ замѣчательной добросовѣстностью. Его выборъ и рекомендація пали только на тѣхъ лицъ, которыя уже обладали крупными заслугами и пользовались солидной извѣстностью. Очевидно Вольфъ намѣревался создать блестящее ученое общество и—вполнѣ достигъ своей цѣли. Такіе ученые, какъ Германъ, Николай и Даніилъ Бернулли, Бильфингеръ, Байеръ, Делиль и мн. др., съ первыхъ же годовъ существованія Академіи успѣли упрочить за нею положеніе одного изъ выдающихся ученыхъ обществъ въ Европѣ. «Академическіе Комментаріи» впервые вышли въ свѣтъ въ 1728 году и у всѣхъ европейскихъ ученыхъ встрѣтили самый лестный пріемъ. Приглашенные Вольфомъ

академики вполнѣ серьезно понимали всю важность значенія академіи и доказали это своимъ строгимъ выборомъ молодыхъ людей, которыхъ пригласили ѣхать съ собою въ Россію въ качествѣ ихъ адъюнктовъ. Юные ученые оказались на столько свѣдущими въ избранныхъ ими наукахъ и настолько даровитыми, что въ короткое время, сдѣлавшись членами нашей Академіи, они въ свою очередь съумѣли обратить вниманіе своими талантливыми работами. Таковыми были: Эйлеръ, Мюллеръ, Гмелинъ, Крафтъ и Вейтбрехтъ.

Вслѣдстіе великихъ открытій въ области математики, физики и астрономіи—Коперника, Кеплера, Ньютона и Лейбница—преобладающимъ направленіемъ въ европейской наукѣ того времени было направленіе математическое, реальное. Какъ-бы отзывнымъ эхомъ этого характернаго явленія той эпохи, и въ нашей Академіи, съ самаго ея основанія, математическія науки заняли господствующее положеніе, получили особливое значеніе и развитіе. Понятно, что этому оказало не малое содѣйствіе то обстоятельство, что выборомъ академиковъ руководилъ Вольфъ, ученикъ Лейбница, самъ всю жизнь занимавшійся математической и физическими науками. Съ другой же стороны, математическія науки могли и должны были занять господствующее значеніе по самому характеру ихъ. «Математика, имѣя дѣло съ умозаключеніями, которыхъ первое условіе опредѣленность и очевидность, въ то же самое время поставлена въ такое счастливое положеніе, что въ ея области можно дѣлать великія открытія, производить перевороты и пр.,—все это безъ малѣйшаго соотношенія къ послѣдовательному развитію идей политическихъ и религіозныхъ, которыя имѣютъ такое преобладающее значеніе въ наукахъ политическихъ и историческихъ».

Въ описываемую эпоху къ наукѣ относились не только вообще безъ особеннаго уваженія, но и съ весьма щепетильной подозрительностью. Такое отношеніе проявлялось иногда даже со стороны тѣхъ лицъ, которыхъ собственно и было священною обязанностью оказывать свое содѣйствіе ученымъ въ ихъ стараніяхъ пріобрѣсти свѣдѣнія, необходимыя для разрѣшенія тѣхъ или другихъ научныхъ вопросовъ. Эта подозрительность весьма нерѣдко заставляла такихъ лицъ становиться въ прямо враждебныя отношенія къ академикамъ и всѣми силами тормозить ихъ дѣло. Такъ поступали выдающіеся всетаки по своему положенію и образованію люди,—что-жъ говорить о всемъ остальномъ непросвѣщенномъ русскомъ обществѣ?!...

Когда математическія знанія прилагались къ практическому дѣлу, когда Эйлеръ объяснялъ, какъ устроить чувствительныя вѣсы для

взвѣшиванія монетъ, указывалъ, какъ удобнѣе поднять большой колоколъ на одну изъ московскихъ колоколенъ, составлялъ географическія карты и проч., тогда всѣ оставались покойны, и, пожалуй, проникались нѣкоторымъ уваженіемъ къ наукѣ. Но лишь только эта послѣдняя дотрогивалась до одного изъ воззрѣній, утвердившихся въ русскомъ человѣкѣ втеченіе предшествовавшихъ вѣковъ, до одного изъ этихъ китовъ, на которыхъ, по его увѣренію, держалась земля, какъ всѣ набрасывались на эту же самую науку, обвиняли ее въ ереси, въ кощунствѣ и т. п.

Рѣчь Делиля о вращеніи земли печатать по-русски нашли невозможнымъ, сочиненіе Фонтенеля о множествѣ міровъ не рѣшились издать безъ разрѣшенія высшаго начальства и т. д., и т. д.

При такомъ отношеніи къ наукѣ и ея представителямъ, что-жъ удивительнаго, что въ самомъ непродолжительномъ времени при выборѣ въ члены Академіи совсѣмъ забыли о принципѣ, котораго держался Христіанъ Вольфъ, и стали руководствоваться соображеніями, съ наукой ничего общаго неимѣющими! Понадобился человѣкъ, умѣющій бойко писать стихи на иллюминаціи и фейерверки и сочинять аллегоріи, давай его сюда, въ члены Академіи! (Штелинъ, Юнкеръ). Не мѣшало угодить тогдашнему временщику Бирону, отчего-же не сдѣлать изъ секретаря и учителя его дѣтей двухъ новыхъ академиковъ... (Штрубе де-Пирмонъ и Ле-Руа). Угождая сильнымъ міра сего, правители Академіи надѣялись упрочить свое положеніе и пріобрѣсти большее право на бюрократическое распоряженіе ученымъ учрежденіемъ. И не ошиблись въ своемъ разсчетѣ!...

Злополучія Академіи и членовъ ея начались вскорѣ по воцареніи Петра II. Лишь только этотъ государь отправился со своимъ дворомъ въ Москву, Блюментростъ оставилъ Академію и опустѣвшую гимназію на произволъ-судьбы и Шумахера, своего усерднаго, но еще болѣе деспотическаго секретаря,

Проходили мѣсяцы за мѣсяцами, а назначенной на Академію суммы и не думали выдавать. Жалованье академикамъ канцелярія платить перестала, прекратила уплату и по всѣмъ другимъ нуждамъ Академіи. Дошло, наконецъ, до того, что изобрѣтательный Шумахеръ ухитрился однажды занять желѣзо у бергъ-коллегіи, якобы необходимо нужное на академическія постройки, и... продалъ его въ частныя руки, — такова была потребность въ деньгахъ! Но и помимо задержекъ въ выдачѣ денегъ на Академію, она все таки должна была крайне нуждаться въ деньгахъ. Дѣло въ томъ, что при Академіи съ перваго же года ея существованія стали заво-

дить различныя и довольно обширныя мастерскія, содержаніе которыхъ стоило очень дорого. Такъ устроены были: большая типографія со своею словолитнею, переплетная, мастерская для рѣзьбы на камняхъ; кромѣ того, приглашены были граверы и живописцы и къ нимъ опредѣлено значительное число учениковъ, отчего образовались палаты «грыдыровальная» (гравировальная) и рисовальная. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ эти мастерскія при нашей Академіи имѣли весьма серьезное вліяніе на распространеніе разныхъ ремеслъ и промысловъ, не только въ Петербургѣ, но и въ другихъ русскихъ городахъ. И тѣмъ не менѣе мы не можемъ не согласиться со взглядомъ академиковъ того времени, что всѣ эти мастерскія не должны были устраиваться при Академіи Наукъ. Всѣ члены ея вполнѣ признавали пользу для Россіи отъ учрежденія академіи живописи, скульптуры и архитектуры, но считали вреднымъ и безполезнымъ для Академіи Наукъ, когда при ней еще существуетъ академія художествъ и ремеслъ.

Конечно, можно весьма краснорѣчиво доказывать, какъ науки вліяютъ на художества и ремесла, можно, пожалуй, съ серьезнымъ видомъ утверждать, что эти художества и ремесла должны были обаятельно дѣйствовать на общество и подымать въ немъ уваженіе къ Академіи, къ наукѣ и ея представителямъ. Но для всякаго здравомыслящаго человѣка такое соединеніе науки и ремесла въ одно цѣлое останется въ той-же мѣрѣ несообразнымъ.

Для нашихъ академиковъ такое явленіе не только казалось нелѣпымъ, но и прямо нарушающимъ интересы науки. Суммы, назначенныя Петромъ Великимъ собственно на Академію, теперь не были увеличены и стали расходоваться также на указанныя обширныя мастерскія. Правители Академіи не задумывались урѣзывать расходы по ученой части, имъ необходимо было содержать большую канцелярію и развивать мастерскія. Ученые нуждались въ химической лабораторіи, въ физическомъ кабинетѣ, анатомическомъ театрѣ, въ инструментахъ для обсерваторіи и какъ ни доказывали важность всего этого для Академіи, но добиться отъ канцеляріи соотвѣтствующихъ ассигновокъ не могли. Да канцелярія и не могла ничего дать: у Академіи съ перваго же года ея существованія оказался дефицитъ, который возросъ въ 1732 году уже до громадной суммы по тому времени—35,818 рублей.

Уже въ 1729 году наши ученые подавали на имя Петра II прошеніе, въ которомъ жаловались, что президентъ унизилъ ихъ, поручивъ въ свое отсутствіе управленіе Академіей Шумахеру, который

сталъ распоряжаться академическими суммами по своему усмотрѣнію и ввелъ Академію въ долги. Затѣмъ ученые просили выбрать директора изъ среды ихъ и ходатайствовали объ утвержденіи академическаго регламента. Прошеніе оставлено было безъ послѣдствій.

Президентъ Блюментростъ хлопоталъ, уже по возвращеніи своемъ изъ Москвы, у императрицы Анны объ устроеніи хозяйственной части Академіи и просилъ выдать на 1732 годъ вдвое болѣе денегъ, чѣмъ назначилъ Петръ В. на содержаніе ея. Но хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ.

Болѣе посчастливилось слѣдующему президенту Академіи, Кейзерлингу, вступившему въ свою должность 18 іюля 1733 г. Ему удалось добиться назначенія единовременнаго пособія въ размѣрѣ 30.000 рублей, которыя хоть временно облегчили тяжелое положеніе Академіи.

Въ 1734 году, съ 18 сентября, президентомъ Академіи состоитъ уже новое лицо—баронъ Корфъ, съ титуломъ главнаго командира Академіи наукъ. И этотъ начальникъ, подобно своимъ предшественникамъ, прилагалъ старанія улучшить хозяйственную часть Академіи.

Въ первомъ представленіи его по этому предмету въ сенатъ онъ доказывалъ, что на содержаніе Академіи необходимо 64.086 рублей. Изъ этой суммы предполагалось на академическую канцелярію 4.900 р., на библіотеку и кунсткамеру 2.350 р., а на гимназію всего 3.840; о лабораторіяхъ, кабинетахъ и инструментахъ, столь необходимыхъ для ученыхъ работъ, совсѣмъ не упоминалось и, вѣроятно, на всѣ эти предметы полагалось расходовать изъ 1.000 р., назначенныхъ въ примѣрномъ штатѣ «на прочіе расходы».—Баронъ Корфъ также, какъ и всѣ его предшественники, отстаивалъ необходимость обширной канцеляріи и всѣхъ заведеній по части художествъ и ремеслъ. Сенатъ, разсмотрѣвъ это представленіе, сократилъ сумму, исчисленную барономъ Корфомъ, чуть не на 10 тысячъ, причемъ на гимназію назначилъ нѣсколько болѣе, а именно 4.398 р. 25 к. и, получивъ на это согласіе президента, представилъ докладъ императрицѣ 30 іюля 1735 г. Но докладъ остался безъ послѣдствій, и президенту такъ и не удалось дождаться до утвержденія составленнаго при немъ академическаго устава. Что дѣла Академіи въ это время были въ очень плачевномъ состояніи, свидѣтельствуетъ слѣдующее напоминаніе барона Корфа о необходимости поспѣшить утвержденіемъ вышеупомянутаго сенатскаго доклада: «ежели Академія скорой помощи не получитъ и не приведена будетъ въ надлежащее опредѣленное состояніе, то имѣетъ она безъ сомнѣнія разрушиться и толь многія тысячи купно съ оною честію, которую Академія у иностранныхъ

себѣ получила, пропадутъ безъ всякія пользы». Императорскій кабинетъ ограничился въ отвѣтъ на это только пособіемъ единовременнымъ въ первый разъ въ 10 тыс., а во второй въ 20 тыс. Но такія паліативныя, временныя мѣры, конечно, не приводили и не могли привести Академію въ лучшее состояніе.

Гимназія, которая получила свое основаніе вскорѣ по учрежденіи Академіи, во времена барона Корфа была въ самомъ жалкомъ видѣ. Съ отъѣздомъ Петра II она совсѣмъ опустѣла. Всѣ, кто могли, покидали тогда нелюбимый Петербургъ и переселялись со своими семействами на жительство въ Москву. Съ этихъ поръ въ академическую гимназію «знатные люди» перестали отдавать своихъ дѣтей, и она стала существовать только для бѣдняковъ. Ученики жили по своимъ квартирамъ и весьма нерѣдко совсѣмъ не являлись въ школу; бывали дни, когда въ ней находили одного—двухъ воспитанниковъ, а нерѣдко и ни одного. Понятно, что такая гимназія не могла дать достаточно подготовленныхъ слушателей для университета. Поставщикомъ студентомъ являлась, и притомъ не всегда, московская Академія. Оставалось, вмѣстѣ съ учеными, выписывать изъ за границы и студентовъ, къ чему и прибѣгали на первыхъ порахъ. При открытіи академіи было вывезено изъ Германіи 8 студентовъ, изъ которыхъ впослѣдствіи четверо, сдѣлались академиками. Отсутствіе слушателей заставило профессоровъ волей-неволей читать лекціи другъ для друга; дѣйствительными слушателями являлись адъюнкты, а профессора ходили на лекціи товарищей изъ любопытства и «больше для вида».

Баронъ Корфъ, хорошо понимая, что при такомъ положеніи гимназіи и университета нельзя мечтать о распространеніи просвѣщенія въ Россіи, обратился къ сенату: «не соблаговолено-ли будетъ приказать, чтобы изъ монастырей, гимназій и школъ въ здѣшнемъ государствѣ двадцать человѣкъ чрезъ означенныхъ къ тому отъ Академіи людей выбрать, которые столько научились, чтобъ съ нынѣшняго времени они у профессоровъ сея Академіи слушать и въ вышнихъ наукахъ съ пользою происходить могли». Сенатъ далъ свое согласіе и указалъ при этомъ на Заиконоспасскій монастырь. Баронъ Корфъ, очевидно принимавшій близко къ сердцу все это дѣло, не замедлилъ обратиться къ архимандриту этого монастыря Стефану съ просьбою прислать отроковъ «добрыхъ, которые бы въ приличныхъ къ украшенію разума наукахъ довольное знаніе имѣли и вамъ бы самимъ честь и отечеству пользу учинить могли». Архимандритъ избралъ двѣнадцать учениковъ «остроумія не послѣдняго» и препроводилъ ихъ въ Петербургъ.

Въ числѣ этихъ 12 юношей былъ и Ломоносовъ, котораго, вѣроятно, посвятили-бы въ священническій чинъ и отправили-бы въ Корелу, если бы не этотъ неожиданный и счастливый случай.

2-го января 1736 года Ломоносовъ вмѣстѣ съ 11 товарищами былъ представленъ въ Академію Наукъ отставнымъ прапорщикомъ Василіемъ Поповымъ, который и привезъ ихъ изъ Москвы.

Въ Петербургѣ Михаилъ Васильевичъ пробылъ только до осени. Вотъ какъ это случилось.

Еще въ 1735 году баронъ Корфъ старался пріискать за границею астронома и химика, свѣдующаго и въ горномъ дѣлѣ, для отправленія ихъ въ ученое путешествіе по Сибири. Астронома удалось найти, а химика—нѣтъ. Когда начальникъ Академіи обратился за рекомендаціей къ Іоганну Фридриху Генкелю, доктору и горному совѣтнику, пользовавшемуся большою извѣстностью, то этотъ послѣдній прямо объявилъ, что такого химика указать не можетъ и предложилъ прислать къ нему въ обученіе нѣсколькихъ молодыхъ людей, достаточно приготовленныхъ къ слушанію лекцій. Это предложеніе было принято, сенатъ утвердилъ докладъ барона и назначилъ на годичное содержаніе и ученіе 3 молодыхъ людей—Виноградова, Ломоносова и Рейзера—1200 р. Но Генкель потребовалъ за обученіе ихъ такую сумму, которой Академія не располагала. Тогда баронъ Корфъ обратился къ извѣстному уже намъ Вольфу. Тотъ далъ свое согласіе, и наши юноши, получивъ подробную инструкцію, какъ имъ обучаться и вести себя, отправились на кораблѣ въ Германію, 8 сентября 1736 года. Но сильная буря заставила ихъ вернуться, и имъ удалось только 23-го числа того же мѣсяца выѣхать изъ Кронштадта, а 3 ноября они уже прибыли въ Марбургъ къ Вольфу.

Здѣсь-то и получилъ Ломоносовъ свое обширное и основательное образованіе. У Вольфа онъ слушалъ философію, логику, математику и физику, а у профессора Дуйцинга занимался химіей. Изъ отзывовъ, которые были выданы этими профессорами Ломоносову, когда онъ отправлялся въ Фрейбергъ къ горному совѣтнику Генкелю,—ясно слѣдуетъ, что Михаилъ Васильевичъ отдался научнымъ занятіямъ со страстнымъ увлеченіемъ. Оба профессора въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ говорятъ объ его прилежаніи, о любви къ наукѣ и основательности, съ какою онъ пріобрѣталъ научныя познанія. Всю жизнь потомъ Ломоносовъ съ теплымъ чувствомъ и глубокимъ уваженіемъ вспоминалъ своего знаменитаго учителя Вольфа, называлъ его своимъ благодѣтелемъ, перевелъ его экспериментальную физику на русскій языкъ и постоянно переписывался съ нимъ по своемъ пріѣздѣ въ Россію. Отъ

Вольфа Ломоносовъ усвоилъ тотъ взглядъ на науку, который такъ опредѣленно высказывается въ его ученыхъ трудахъ.

Уже 4 октября 1738 года, онъ послалъ въ Академію донесеніе на нѣмецкомъ языкѣ о лекціяхъ, которыя онъ посѣщалъ, и о пріобрѣтенныхъ имъ книгахъ; къ этому донесенію онъ приложилъ свое первое ученое разсужденіе по одному изъ вопросовъ физики и стихотворный переводъ оды Фенелона, воспѣвающей счастье сельскаго уединенія вдали отъ сутолоки городской жизни, подъ кровомъ музъ. Переводъ сдѣланъ четырехстопными хореями,—размѣръ, какъ извѣстно, введенный у насъ Тредіаковскимъ. Хотя видно, что Ломоносовъ въ своихъ стихахъ подражаетъ этому послѣднему, но все-таки, при всей тяжеловатости своей, они благозвучнѣе стихотворныхъ произведеній Тредіаковскаго.

Въ 1739 году Ломоносовъ посылаетъ въ академію двѣ новыхъ диссертаціи, одну по физикѣ, а другую по химіи.

Но если Ломоносовъ обязанъ Марбургскому университету своими обширными познаніями въ наукахъ и солиднымъ умственнымъ развитіемъ, то здѣсь-же, среди студенческой молодежи, развились и слабыя стороны его характера, особенно пристрастіе къ крѣпкимъ напиткамъ, пристрастіе, отъ котораго нашъ ученый не могъ отдѣлаться втеченіе всей своей жизни и которое и свело его преждевременно въ могилу.

Студенческая молодежь германскихъ университетовъ того времени не умѣла, да отчасти и теперь еще не умѣетъ, находить отдыхъ отъ утомительныхъ ученыхъ занятій въ скромныхъ развлеченіяхъ, способныхъ давать на ряду съ удовольствіемъ и нѣчто облагораживающее юную душу. Все свободное время, весь избытокъ молодыхъ, горячихъ силъ студенты безрасчетно истрачивали на картежную игру и безшабашныя попойки, сплошь да рядомъ сопровождавшіяся буйствомъ, всевозможными подвигами здоровенныхъ мускуловъ и грубыми чувственными наслажденіями.

Въ такую-то разгульную среду попадаютъ наши юноши. Замѣтьте, что двое изъ нихъ, Виноградовъ и Ломоносовъ, собственно не получили никакого воспитанія. Заиконоспасская школа могла обучить ихъ латинскому языку и кое-чему по наукамъ, но отнюдь не вкоренить въ нихъ гуманное начало, способное управлять страстями и подавлять проявленія грубыхъ инстинктовъ. Здоровый, высокій, широкоплечій, недюжинно сильный бурсакъ Ломоносовъ и почти такой-же его товарищъ Виноградовъ, пріѣхавъ въ Марбургъ, впервые вкусили всю сладость безконтрольной свободы. Они по нѣсколько лѣтъ просидѣли въ четырехъ стѣнахъ, голодая и терпя всевозможныя лишенія. Вѣдь только послѣдній годъ на всѣ ихъ потребности

выдавалось по 4 денежки каждому на день. Теперь все перемѣнилось. Весь вечеръ твой, дѣлай съ нимъ что хочешь, въ карманѣ звенятъ деньги, и не мѣдяки какіе-нибудь, а рублевики и золотые: имъ вѣдь выдали по 300 рублей на человѣка, впередъ за годъ. Вокругъ студенты-нѣмцы кутятъ и веселятся. Какъ же имъ было не примкнуть къ товарищамъ, не увлечься бѣшеннымъ разгуломъ? Какая сила могла ихъ удержать?! Вѣроятно вялый, хотя и благовоспитанный Рейзеръ, вмѣсто того, чтобы остановить товарищей, самъ идетъ за ними, подчиняется ихъ настроенію.

И вотъ всѣ трое неудержимо предаются кутежу и, конечно, со всѣми безобразіями, на какія способенъ, кажется, одинъ подгулявшій русскій человѣкъ. Цѣны деньгамъ они не знали, обращаться съ ними не умѣли, и тратили ихъ безъ зазора совѣсти. Конечно, должны были прійти и вскорѣ пришли тяжелые дни, когда въ ихъ карманахъ не оказалось ни гроша. Но въ университетскихъ городахъ Германіи студентъ съ давнихъ поръ пользовался кредитомъ. Раздобыли его и наши молодые люди, однако отстать отъ разгула имъ было уже нелегко. Ихъ руководитель Вольфъ замѣтилъ, что они покучиваютъ. Добродушный нѣмецъ вѣроятно сдѣлалъ имъ отеческое наставленіе и этимъ ограничился. Впрочемъ онъ написалъ въ академію, что «не мѣшало-бы напомнить имъ, чтобы они были бережливѣе, а то въ случаѣ отозванія ихъ окажутся долги, которые могутъ замедлить ихъ отъѣздъ».

Академія не замедлила послать свое наставленіе: «...вообще не тратить денегъ на наряды и пустое щегольство... остерегаться дѣлать долги» и т. д. Весьма понятно, что и это наставленіе не возымѣло надлежащаго дѣйствія. Къ 1739 году у студентовъ уже было долгу 1370 рейхсталеровъ. Вольфъ, извѣщая академію объ этомъ печальномъ фактѣ, присовокупляетъ: «Лучше всего будетъ, конечно, если они оставятъ университетъ и поступятъ къ химику, потому что у него они не будутъ имѣть той свободы, которой ихъ въ университетѣ никакъ нельзя лишить».

Академія послѣдовала этому совѣту знаменитаго профессора и рѣшила первести ихъ въ Фрейбергъ къ Генкелю, который долженъ былъ обучать ихъ металлургіи и вообще горному дѣлу.

Вотъ какъ описываетъ Вольфъ отъѣздъ нашей молодежи изъ Марбурга: «Студенты уѣхали отсюда 20 іюля (1739 г.) утромъ послѣ 5 часовъ и сѣли въ экипажъ у моего дома, причемъ каждому при входѣ въ карету вручены деньги на путевыя издержки. Изъ-за Виноградова мнѣ пришлось еще много хлопотать, чтобы предупре-

дить столкновенія его съ разными студентами, которые могли замедлить отъѣздъ. Ломоносовъ также еще выкинулъ штуку, въ которой было мало проку и которая могла послужить только задержкою, если-бы я, по теперешнему своему званію проректора, не предупредилъ этого... Причина ихъ долговъ обнаруживается лишь теперь, послѣ ихъ отъѣзда. Они чрезъ мѣру предавались разгульной жизни и были пристрастны къ женскому полу.

«Пока они еще сами были здѣсь на лицо, всякій боялся сказать про нихъ что-нибудь, потому что они угрозами своими держали всѣхъ въ страхѣ... Когда они увидѣли, сколько уплачивалось за нихъ денегъ (около 2 тысячъ рейхсталеровъ), и услышали, какія имъ дѣлали затрудненія при переговорахъ о сбавкѣ, тогда только стали они раскаяваться и не только извиняться предо мною, что они надѣлали мнѣ столько хлопотъ, но и увѣрять, что впередъ хотятъ вести себя совершенно иначе, и что я нашелъ-бы ихъ совершенно другими людьми, если-бы они только нынѣ явились въ Марбургѣ. Я убѣждалъ ихъ, что имъ теперь необходимо опять загладить свой проступокъ предъ вашимъ превосходительствомъ (т. е. барономъ Корфомъ) и Академіей Наукъ, а что обо мнѣ имъ нисколько не нужно безпокоиться. При этомъ особенно Ломоносовъ отъ горя и слезъ не могъ промолвить ни слова»...

Не правда-ли, какая прелесть это простое, безъискусственное письмо, а вѣдь почтенный профессоръ все-таки писалъ къ своему начальству, вѣдь онъ состоялъ членомъ нашей академіи и получалъ ежегодный пансіонъ въ 300 талеровъ! Сколько добродушія, сколько снисходительности, сколько отеческой ласки сквозитъ въ этомъ письмѣ и особенно въ этихъ словахъ: «а что обо мнѣ имъ нисколько не нужно безпокоиться». Такъ и видится, какъ знаменитый ученый, убѣленный сѣдинами, стоитъ передъ этою напроказившей молодежью и по тонкимъ губамъ его бѣгаетъ добрая улыбка: «ну, что-жъ, молодость должна быть молодостью!»...

Круто пришлось нашимъ студентамъ во Фрейбергѣ, у Генкеля. Баронъ Корфъ написалъ ему весьма опредѣленную инструкцію: «эти три лица въ прилежаніи и успѣхахъ своихъ очень не равны между собою; въ мотовствѣ-же какъ-бы превосходятъ другъ друга... Вслѣдствіе этого Академія Наукъ нашла себя вынужденною уменьшить отнынѣ стипендію трехъ студентовъ и каждому изъ нихъ, вмѣсто прежде назначенныхъ въ годъ 300 рублей, выдавать на содержаніе только половину, т. е. 150 рублей». Письмо заканчивалось просьбою къ Генкелю: «чтобы то, что должно быть израсходовано на сту-

дентовъ, было уплачено вами самими тѣмъ, кому слѣдуетъ; студентамъ-же кромѣ одного талера въ мѣсяцъ, назначеннаго имъ на карманныя деньги и разныя мелочи, не выдавать никакихъ денегъ на руки, а между тѣмъ объявить вездѣ по городу, чтобы никто имъ не вѣрилъ въ долгъ, ибо если это случится, то Академія Наукъ за подобный долгъ никогда не заплатитъ ни одного гроша»...

Сначала отношенія между Генкелемъ и студентами были хорошія. Ломоносовъ усиленно занялся металлургіей. Кромѣ того, втеченіе 4 мѣсяцевъ переводилъ и составлялъ различные экстракты по соляному дѣлу для Готлиба-Фридриха-Вильгельма Юнкера, члена нашей Академіи, пріѣхавшаго въ Фрейбергъ для изученія соляного промысла и впослѣдствіи состоявшаго надзирателемъ соляныхъ заводовъ въ Бахмутѣ.

Тогда-же Ломоносовъ сочинилъ оду по случаю взятія русскими войсками турецкой крѣпости Хотина. Въ этой одѣ замѣтно подражаніе нѣмецкому поэту Гюнтеру, а отчасти и Буало. Она написана ямбами, размѣромъ, до того времени небывалымъ въ русскихъ стихотвореніяхъ, и по языку стоитъ много выше послѣднихъ. Ломоносовъ, посылая свое произведеніе въ Академію Наукъ, приложилъ къ нему большое письмо, въ которомъ разсказываетъ, какъ онъ началъ писать стихи тоническимъ размѣромъ, и приводитъ образчики своихъ опытовъ. Между прочимъ онъ пишетъ: «Я не могу довольно о томъ нарадоваться, что россійскій нашъ языкъ не токмо бодростію и героическимъ звономъ греческому, латинскому и нѣмецкому не уступаетъ, но и подобную онымъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацію имѣть можетъ», и затѣмъ онъ пускается въ описаніе красотъ различныхъ размѣровъ.

Съ начала 1740 года отношенія между Генкелемъ и Ломоносовымъ начинаютъ портиться и скоро доходятъ до полнаго разрыва.

Генкель самъ видѣлъ, что его «ученикамъ нѣтъ никакой возможности изворачиваться двухстами рейхсталеровъ въ годъ,» — двухстами, такъ какъ ему удалось уже выхлопотать прибавку студентамъ по 50 талеровъ на годъ. Аккуратный бергъ-ратъ строго держался указаній, полученыхъ имъ отъ Академіи Наукъ, и на просьбы Ломоносова дать ему денегъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Это и повело къ ссорѣ, закончившейся тѣмъ что Михаилъ Васильевичъ, никого не спросясь, покинулъ Фрейбергъ.

И Генкель, и Ломоносовъ въ письмахъ своихъ въ Академію, къ Шумахеру, не пожалѣли густыхъ красокъ, представляя другъ друга въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Первый распространился о

пьянствѣ, буйствѣ, дракахъ, неприличной брани второго и даже о «подозрительной перепискѣ» съ какой-то марбургской дѣвушкой. Второй изобразилъ перваго злымъ, алчнымъ, хитрымъ, завистливымъ и даже малосвѣдущимъ... «Сего господина могутъ почитать идоломъ только тѣ, которые коротко его не знаютъ. Я-же не хотѣлъ-бы промѣнять на него свои, хотя и малыя, но основательныя знанія, и не вижу причины, почему мнѣ его почитать своею путеводною звѣздою и единственнымъ своимъ спасеніемъ. Самые обыкновенные процессы, о которыхъ почти во всѣхъ химическихъ книжкахъ говорится, онъ держитъ въ секретѣ и сообщаетъ ихъ неохотно»... и т. д.

Изъ Фрейберга онъ отправился въ Лейпцигъ, гдѣ надѣялся встрѣтить русскаго посланника барона Кейзерлинга. Но дипломатъ выѣхалъ уже изъ Лейпцига въ Кассель. Ломоносовъ отправился туда-же, но и тутъ ему не удалось застать нашего посланника. Волей-неволей пришлось возвратиться въ Марбургъ, гдѣ у него были друзья, на помощь которыхъ онъ разсчитывалъ. Здѣсь съ нимъ произошло событіе, о которомъ онъ потомъ молчалъ цѣлыхъ два года. Въ Марбургской реформатской церкви сохранилась слѣдующая запись въ церковной книгѣ: «6 іюня 1740 г. обвѣнчаны: Михаилъ Ломоносовъ, кандидатъ медицины, сынъ *архангельскаго торговца* Василія Ломоносова, и Елизавета-Христина Цильхъ, дочь умершаго члена городской думы и церковнаго старосты Генриха Цильха».

Нужда въ деньгахъ и потеря всякаго кредита не дали ему возможности успокоиться и пожить семейнымъ счастьемъ. Вскорѣ онъ отправился во Франкфуртъ, а оттуда водою въ Роттердамъ и Гагу. Графъ Головкинъ отказалъ ему въ помощи, совсѣмъ не желая ввязываться въ дѣло. Ломоносовъ добрался до Амстердама, гдѣ и встрѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ купцовъ изъ Архангельска. Эти лица отсовѣтовали ему безъ приказанія Академіи возвращаться въ Петербургъ, разъяснивъ весь рискъ и опасность такого далекаго путешествія. Молодой ученый рѣшилъ вторично вернуться въ Марбургъ и просить Генкеля о присылкѣ денегъ.

На возвратномъ пути съ нимъ приключилась пренепріятная исторія, которую мы разскажемъ со словъ Штелина. Какъ мы уже говорили, къ повѣствованіямъ его необходимо относиться съ большой осторожностью. Но въ этомъ разсказѣ, какъ показали многіе другіе факты, имѣется значительная доза правды.

«По дорогѣ въ Дюсельдорфъ, въ разстояніи двухдневнаго пути отъ Марбурга, зашелъ онъ (Ломоносовъ) на большой дорогѣ въ мѣстечко, гдѣ хотѣлъ переночевать въ гостинницѣ. Тамъ нашелъ онъ

королевско-прусскаго офицера, вербующаго рекрутъ съ солдатами и съ нѣсколькими новобранцами, которые весело пировали. Нашъ путешественникъ показался имъ пріятною находкою. «Несчастная слабость Ломоносова къ спиртнымъ напиткамъ сослужила и здѣсь свою скверную службу. Они принялись угощать его ужиномъ, все время подливая вина въ его стаканъ и расхваливая королевско-прусскую службу. Ломоносовъ напился до такой степени, что на другой день не могъ припомнить, какъ онъ провелъ ночь. Непріятное было пробужденіе. На шеѣ у него былъ уже надѣтъ красный галстукъ, а въ карманѣ звенѣли прусскія монеты. И вотъ черезъ нѣсколько дней Ломоносовъ очутился въ качествѣ королевско-прусскаго рейтара, въ крѣпости Везель. Само собою разумѣется, что нашъ молодой ученый съ перваго же дня сталъ обдумывать свой побѣгъ. За нимъ постоянно слѣдили. Онъ притворился въ высшей степени довольнымъ своимъ новымъ положеніемъ, и, конечно, надзоръ за нимъ немного ослабѣлъ. Онъ спалъ въ караульнѣ, заднее окно которой выходило прямо на крѣпостной валъ. Онъ (Ломоносовъ) каждый вечеръ заранѣе ложился спать на свою скамейку, такъ что высыпался довольно, когда его товарищи едва засыпали, и всегда искалъ случая убѣжать. Однажды онъ проснулся около полуночи. Всѣ спали глубокимъ сномъ. Кошкой выползъ онъ изъ своего окна, на четверенькахъ взлѣзъ на валъ, спустился съ него, безшумно переплылъ черезъ ровъ, опять взобрался на валъ, также переплылъ черезъ второй ровъ, «потомъ вскарабкался на контръ-эскарпъ, перелѣзъ чрезъ частоколъ и палисадникъ, и съ гласиса выбрался въ открытое поле». Дремавшіе часовые прозѣвали его. Во чтобы то дѣло ни стало нужно было до разсвѣта достигнуть вестфальской границы, а она отстояла на цѣлую нѣмецкую милю. Мокрая шинель и платье мѣшали идти. Забрезжилъ разсвѣтъ, и вдругъ раздался съ крѣпости пушечный выстрѣлъ, обычный сигналъ, возвѣщающій о побѣгѣ солдата. Съ новой энергіей бросился бѣжать измученный Ломоносовъ. Онъ оглянулся. Позади его, по дорогѣ мчался во весь карьеръ догонявшій бѣглеца кавалеристъ. Но смѣльчакъ уже перешагнулъ границу и очутился въ вестфальской деревнѣ. Однако, остаться въ ней ему мѣшалъ страхъ,—онъ спрятался въ ближайшемъ лѣсу, снялъ мокрое платье, развѣсилъ его, что бы просохло, а самъ, совсѣмъ обезсиленный, свалился на землю и проспалъ до сумерокъ».

Вернувшись наконецъ въ Марбургъ, онъ снова обратился за деньгами къ Генкелю и получилъ вторичный отказъ на свою просьбу. Тогда-то онъ и писалъ къ Шумахеру, столь рѣзко отзываясь объ

ученомъ бергъ-ратѣ. Вскорѣ Академія черезъ Вольфа прислала Ломоносову вексель въ 100 рублей, съ приказаніемъ немедленно вернуться въ Петербургъ. Почтенному профессору опять пришлось хлопотать о своемъ ученикѣ, въ которомъ онъ предвидѣлъ будущее свѣтило науки. Ему пришлось поручиться за Ломоносова по его долгамъ, такъ какъ ста рублей едва хватало на экипировку и поѣздку.

Штелинъ разсказываетъ, что Ломоносовъ, когда плылъ моремъ, возвращаясь въ свое отечество, видѣлъ вѣщій сонъ. Ему приснилось, что отецъ его, потерпѣвъ кораблекрушеніе, выброшенъ мертвымъ на берегъ необитаемаго острова въ Бѣломъ морѣ. Островъ не имѣлъ даже названія, но Ломоносовъ хорошо его помнилъ, такъ какъ однажды буря прибила къ нему ихъ судно. Возвратившись въ Петербургъ, онъ вскорѣ узналъ, что отецъ его пропалъ безъ вѣсти. Тогда Ломоносовъ послалъ письмо къ знакомымъ рыбакамъ, въ которомъ сообщалъ имъ цѣлый рядъ указаній, гдѣ искать трупъ его несчастнаго отца и умолялъ ихъ, найдя его, предать погребенію. Рыбаки, слѣдуя совѣтамъ Ломоносова, вскорѣ нашли на этомъ именно островѣ мертвое тѣло Василія Дорофѣева и тамъ же похоронили его.

8-го іюня 1741 года Ломоносовъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Жена же его осталась въ Марбургѣ на произволъ судьбы. О ней онъ вспомнилъ и выписалъ ее къ себѣ только черезъ 2 года.

Это одна изъ темныхъ страницъ въ жизни нашего знаменитаго ученаго, хотя и существуютъ, какъ увидимъ, нѣкоторыя извиняющія обстоятельства.

ГЛАВА III.

Ученыя занятія Ломоносова.—Ода Іоанну VI Антоновичу.—Новыя диссертаціи.—Вступленіе на престолъ Елизаветы Петровны.—Прошеніе на высочайшее имя. — Ломоносовъ — адъюнктъ академіи. — Предложеніе устроить химическую лабораторію.—Отношенія къ Шумахеру.—Избіеніе нѣмцевъ.—Послѣдствія боя для Ломоносова.—Арестъ Шумахера.—Партовъ.—Доносъ на Шумахера академическихъ служителей, студентовъ и переводчиковъ.—Ломоносовъ присоединяется къ доносителямъ.—Новая ода.—Рѣшительныя дѣйствія академиковъ.—Неприличное поведеніе Ломоносова.—Его арестъ.—Шумахеръ вновь управляетъ Академіей.—Прошеніе Ломоносова «для его довольнаго обученія». — Половина оклада.—Ломоносовъ извиняется передъ академиками.—Занятія его подъ арестомъ.—Пріѣздъ жены изъ Германіи.

Вернувшись въ Петербургъ, Ломоносовъ нѣсколько дней спустя уже засѣлъ за работу. Сначала онъ сталъ заниматься по естествен-

ной исторіи съ академикомъ Аманомъ, который завѣдывалъ коллекціями по естественн. наукамъ, а затѣмъ молодому ученому было поручено закончить каталогъ минералогическаго отдѣла этихъ собраній.

Въ это-же время, а именно ко дню рожденія малолѣтняго императора Іоанна VI Антоновича, 12 августа 1741 года, Ломоносовъ написалъ оду, которая была напечатана въ тогдашнихъ «Примѣчаніяхъ къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ». Въ ней Ломоносовъ описываетъ, какъ «Веселящаяся Россія» лобзаетъ очи, ручки и ножки императора. Касательно послѣднихъ поэтъ выражаетъ такое желаніе:

Въ Петровъ и Аннинъ слѣдъ вступите.

Для Россіи дѣйствительно могло быть полезно, если бы юный монархъ пошелъ по стопамъ Петра; но врядъ-ли для нашего отечества могло улыбаться возвращеніе временъ Анны Іоанновны и ея фаворита Бирона. Впрочемъ Ломоносовъ какъ-то отдѣляетъ государыню отъ ея министра и по адресу послѣдняго посылаетъ рядъ сильныхъ и весьма нелестныхъ выраженій.

Вскорѣ послѣ 23 августа, дня побѣды надъ шведами при Вильманстрандѣ, нашъ поэтъ напечаталъ въ тѣхъ-же «Примѣчаніяхъ» хвалебное стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Первые трофеи Его Величества Іоанна VI».

Безспорно, стихи Ломоносова и указанные въ особенности, кажутся въ настоящее время холодными и напыщенными, тяжеловѣсными и неуклюжими по языку. Но если вспомнить стихотворенія и прозаическія произведенія, которыя подносились до этого времени русскому читателю, то становится вполнѣ понятнымъ, какими благозвучными по языку и глубокими по мысли должны были показаться тогда эти первые печатные опыты Ломоносова. Они сразу привлекли къ себѣ всеобщее вниманіе. Съ этого же времени и Академія стала уважительнѣе относиться къ молодому ученому.

24 августа Ломоносовъ представилъ на прочтеніе академиковъ двѣ новыхъ диссертаціи, одну по физикѣ и другую по химіи. Онъ надѣялся, что ихъ одобрятъ, а ихъ автора, согласно данному Академіей обѣщанію при отправкѣ его заграницу, произведутъ въ экстроординарные академики.

Но мѣсяцы смѣнялись мѣсяцами, а нашъ ученый не получалъ никакого назначенія. Въ ожиданіи онъ занялся переводами статей академика Крафта для вышеуказанныхъ «Примѣчаній». Эти переводы, отличающіеся ясностью и правильностью языка, онъ подписывалъ двумя буквами: К. (Крафтъ) и Л. (Ломоносовъ).

Наконецъ, 25 ноября 1741 года, вступила на престолъ импера-

трица Елизавета. Анна Леопольдовна, съ малолѣтнимъ императоромъ и отцемъ-генералисимусомъ, очутились въ заточеніи. Шумахеръ въ это время сталъ полновластнымъ распорядителемъ академіи, такъ какъ Карлъ Бреверпъ, смѣнившій барона Корфа, былъ уволенъ отъ должности, и Академія оставалась безъ президента. Сообразительный и ловкій Шумахеръ съ рвеніемъ, достойнымъ лучшей доли, старательно уничтожилъ всѣ посвященія въ книгахъ низложенному императору и его матери, ихъ портреты и даже упоминанія о нихъ. Этотъ секретарь канцеляріи почувствовалъ легкое колебаніе почвы подъ ногами. Еще задолго до воцаренія новой императрицы, въ народѣ, не только въ Петербургѣ, но и въ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи, какова напримѣръ Сибирь, ходили упорные слухи, что на престолъ взойдетъ цесаревна Елизавета и что эта дочь Петра Великаго не благоволитъ къ иноземцамъ и не позволитъ имъ угнетать русскихъ. Такой взглядъ на Елизавету Петровну съ восшествіемъ ея на престолъ перешелъ во всеобщее убѣжденіе.

Иностранцы перетрусили, въ томъ числѣ и Шумахеръ. Ему казалось необходимымъ чѣмъ-нибудь заявить о своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ и приверженности къ престолу. Штелинъ выручилъ своего собрата, написавъ оду, конечно, по нѣмецки. Теперь этому оффиціальному одописцу предшествовавшихъ царствованій, послѣ столькихъ прославленій императрицы Анны, ея племянницы, Бирона и даже всѣхъ членовъ его семьи, пришлось въ высокопарныхъ выраженіяхъ увѣрять, «что именно въ тѣ самыя времена, которыя онъ до того воспѣвалъ какъ райское блаженство, музы были въ страхѣ, виднѣлись грозныя волны бѣдъ, и всѣ будто восклицали:

Избавь, избавь россійску кровь
От злаго скорбныхъ дней начала!..»

Но не будемъ слишкомъ строги къ Штелину, а вмѣстѣ съ нимъ и къ Ломоносову, который переложилъ его оду въ русскіе стихи. Въ тѣ времена ни у насъ, ни въ Европѣ поэзія еще не занимала самостоятельнаго высокаго положенія. Она стояла еще на степени простого ремесла. Писать надгробныя, хвалебныя рѣчи, стихи королямъ и высокопоставленнымъ лицамъ, торжественныя оды на разныя событія и т. д. считалось дѣломъ обычнымъ и отнюдь не зазорнымъ. Существовала даже такса, опредѣляющая вознагражденіе за такія произведенія. Такъ, въ Марбургѣ за нихъ платилось обыкновенно по 12 талеровъ. «Удивительно-ли, замѣчаетъ профессоръ Сухомлиновъ, что Ломоносовъ, по примѣру тогдашнихъ ученыхъ и литераторовъ, привыкъ смотрѣть на торжественную лирику, какъ на оффиціальную обязанность?»

Но всетаки признаніе за собой такой оффиціальной обязанности

и сочиненіе хвалебныхъ одъ малолѣтнему Іоанну VI и вслѣдъ затѣмъ свергнувшей его Елизаветѣ можетъ быть объяснено только полнѣйшимъ политическимъ безразличіемъ вмѣстѣ съ желаніемъ выдвинуться съ помощью «сильныхъ міра сего».

Какъ-бы ни было, новое стихотворное произведеніе Ломоносова произвело впечатлѣніе на все общество, понравилось и при дворѣ.

Ободренный такимъ успѣхомъ и убѣжденный въ томъ, что императрица не намѣрена покровительствовать иноземцамъ, Ломоносовъ рѣшается подать прошеніе на высочайшее имя о назначеніи его въ академики. На этотъ разъ прошеніе возымѣло надлежащее дѣйствіе. Шумахеръ поторопилъ академиковъ высказать свое мнѣніе о диссертаціяхъ Ломоносова. 8-го января 1742 года, секретарь канцеляріи уже подписалъ слѣдующее постановленіе: «Понеже сей проситель, студентъ Михайло Ломоносовъ, специменъ своей науки еще въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго 1741 году въ конференцію подалъ, который отъ всѣхъ профессоровъ оной конференціи такъ аппробованъ, что сей специменъ и въ печать произвесть можно; къ тому жъ покойный профессоръ Амманъ—его, Ломоносова, канцеляріи рекомендовалъ; къ тому-же оный Ломоносовъ въ переводахъ съ нѣмецкаго и латинскаго на россійскій языкъ довольно трудился, а жалованья и мѣста понынѣ ему не опредѣлено; то до дальняго указа изъ правительствующаго сената и нарочнаго Академіи опредѣленія быть ему, Ломоносову, адъюнктомъ физическаго класса. А жалованья опредѣляется ему съ 1742 года января съ 1 числа по 360 рублей на годъ, счисляя въ то число квартиру, дрова и свѣчи»...

Такое жалованье было далеко не ничтожнымъ. Въ то время въ Петербургѣ фунтъ говядины стоилъ отъ $1^1/_2$—2 к.; соотвѣтственно съ этимъ были дешевы и всѣ остальные продукты. Въ 1741 году Эйлеръ, покидая столицу, продалъ свой домъ, въ которомъ жилъ со всею многочисленною семьею, всего за 300 рублей и находилъ, что совершилъ эту продажу очень удачно.

Ломоносовъ могъ-бы недурно существовать на свое жалованье, если-бы оно выплачивалось аккуратно. Но въ томъ-то и была вся бѣда, что Академія не располагала деньгами и за цѣлый 1742 годъ выдала нашему ученому, и то послѣ его усиленныхъ просьбъ, по 5—10 рублей, только около одной трети вышеуказанной суммы. Волей-неволей Ломоносову приходилось должать, гдѣ только можно было. Конечно, въ такихъ условіяхъ ему затруднительно было выписать изъ Марбурга жену съ ребенкомъ.

Вступивъ въ должность, Ломоносовъ почти тотчасъ-же обратился

съ предложеніемъ устроить химическую лабораторію, которой до сихъ поръ еще не было при Академіи Наукъ. Но это первое предложеніе не обратило на себя никакого вниманія. Молодому ученому пришлось втеченіе цѣлыхъ 8 лѣтъ доказывать необходимость лабораторіи для химіи и неоднократно подавать свои прошенія, пока наконецъ лѣтомъ 1748 года не было приступлено къ возведенію зданія лабораторіи, на что были отпущены деньги изъ императорскаго кабинета.

Сначала Ломоносовъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Шумахеромъ и прочими нѣмцами. Въ ожиданіи, когда будетъ устроена столь необходимая для молодого ученаго лабораторія, онъ занялся составленіемъ «Первыхъ основаній металлургіи или рудныхъ дѣлъ»; затѣмъ перевелъ цѣлый рядъ статей Крафта для «Примѣчаній къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ»; занятія его литературой также не прекращались, онъ писалъ оду за одой, пользуясь всякимъ подходящимъ случаемъ, а также переводилъ стихами произведенія Штелина, извѣстнаго уже намъ Юнкера и т. д.

Шумахеръ былъ очень доволенъ Ломоносовымъ и говорилъ про него, что «если-бы только не было у него одного недостатка, то отъ него должно было бы ожидать много хорошаго»... Но вскорѣ характеръ его отношенія къ иноземцамъ Академіи рѣзко измѣнился. 26 сентября 1742 г., нашъ знаменитый писатель, подъ вліяніемъ, конечно, винныхъ паровъ, произвелъ крупное побитіе нѣмцевъ. Вотъ какъ это произошло.

Ломоносовъ забрался въ кухню своего сосѣда, академическаго садовника Штурма, занимавшаго квартиру въ томъ же самомъ домѣ, въ которомъ были отведены двѣ коморки и для Михаила Васильевича по пріѣздѣ его изъ-за границы. Въ кухнѣ была новая кухарка Штурма— Прасковья Васильева, жена канцелярскаго солдата Василья Арлукова. Какого рода происходила бесѣда между нашимъ поэтомъ и указанною женщиною—документальныхъ данныхъ не сохранилось. Только вскорѣ Ломоносовъ вошелъ въ комнату къ Штурму, у которого въ это время собрался кружокъ сослуживцевъ, и съ негодованіемъ заявилъ хозяину, какіе у него «нечестивые гости сидятъ»—«епанчу его украли». На это отвѣчалъ лекарь ингерманландскаго полка Брашке, что Ломоносову «непотребныхъ рѣчей не надлежитъ говорить при честныхъ людяхъ». Тогда Ломоносовъ, недолго думая ударилъ лекаря по головѣ, схватилъ «на чемъ парики вѣшаютъ, и началъ всѣхъ бить и слугѣ своему приказывалъ бить всѣхъ до смерти»... Штурмъ выскочилъ изъ окна, выбѣжалъ на улицу и сталъ кричать караулъ; его-же примѣру послѣдовалъ словолитный мастеръ Битнеръ. Штурмъ возвратился съ 6 караульными солдатами. Къ этому

времени Ломоносовъ успѣлъ уже жестоко переколотить гостей академическаго садовника. Его беременная жена, съ подбитымъ глазомъ и синяками на плечахъ и рукахъ, рѣшилась тоже выскочить изъ окна. Особенно досталось тестю Штурма, переводчику Ивану Грове и академическому бухгалтеру Прейсеру, которые были биты «до полусмерти» и слегли потомъ въ постели. Оказалась здорово поколоченной и вышеупомянутая служанка Прасковья, которая собственно и была поводомъ, какъ Елена прекрасная, къ столь кровопролитному сраженію. Ломоносову передъ натискомъ 6-ти караульныхъ солдатъ пришлось уступить. Его отправили на съѣзжій дворъ, откуда капитанъ Матюнинъ при «репортѣ» представилъ его въ полицейскую канцелярію, а эта послѣдняя «съ промеморіей отправила его въ Десьянсъ Академію». Ломоносовъ, вмѣсто того, чтобы явиться въ академическую канцелярію, прямо отправился къ себѣ на квартиру и слегъ въ постель. Битва не прошла ему даромъ. Когда канцелярія потребовала его къ отвѣту, нашъ поэтъ «объявилъ, что ему итти въ канцелярію никакъ невозможно, понеже онъ ногою и другими членами весьма боленъ» и просилъ прислать доктора. Пришедшій къ нему докторъ Вильде писалъ потомъ въ своемъ рапортѣ между прочимъ слѣдующее: «А какъ его спросилъ, чѣмъ онъ неможетъ, то отвѣчалъ онъ мнѣ на сіе, что у него почти всѣ члены болятъ, а особливо чувствуетъ въ грудяхъ ломъ и плюетъ кровью. Притомъ-же показалъ онъ мнѣ лѣвое колѣно, которое совсѣмъ распухло, такъ что тою ногою ни ступить, ни ходить не можетъ. Еще показалъ онъ мнѣ рубецъ на брюхѣ по лѣвую сторону, про что онъ сказывалъ, что въ томъ мѣстѣ рублено шпагою. Еще видѣлъ я у него на правой рукѣ на ладони рубецъ и притомъ припухлой и синей глазъ. Понеже вышеозначенный Ад. Л—овъ за распухлымъ колѣномъ вытти изъ квартиры не можетъ, а особливо для лома груднаго сего дѣлать отнюдь ему не надлежитъ, того ради во первыхъ для отвращенія харканія кровью надобно принимать ему потребныя къ тому лекарства и притомъ совѣтую ему пустить кровь»...

Неизвѣстно, послѣдовалъ-ли нашъ адъюнктъ этому совѣту, но мощный организмъ Ломоносова въ самомъ непродолжительномъ времени справился со всѣми этими непустячными поврежденіями. 11-го октября тотъ-же Штурмъ подалъ въ канцелярію Академіи Наукъ «покорнѣйшее прошеніе», въ которомъ онъ сообщилъ, что Ломоносовъ навелъ на него «великій страхъ, ибо онъ 8 числа сего мѣсяца двумъ его дѣвкамъ сказалъ, что ему руку и ногу переломитъ и такимъ образомъ его убить хочетъ». Затѣмъ Штурмъ ходатайствовалъ,

чтобы Ломоносовъ далъ ему «надежныхъ порукъ», что онъ его оставитъ въ покоѣ.

Со стороны канцеляріи за все это безобразное буйство Ломоносовъ не былъ подвергнутъ никакому наказанію: 7 октября 1742 г. произошла крупная перемѣна въ управленіи нашей Академіи.

Еще въ концѣ 1734 года, когда баронъ Корфъ только-что вступилъ въ должность «главнаго командира» Академіи и въ первый разъ присутствовалъ на академическомъ собраніи, астрономъ Николай-Іосифъ Делиль въ своей привѣтственной рѣчи новому президенту довольно обстоятельно изложилъ весь вредъ, происходящій отъ того, что наши академики находились въ полной «зависимости отъ канцеляріи и подчинены ей даже по такимъ дѣламъ, по которымъ рѣшеніе могли дать только спеціалисты и ученые». «А что больше жалобы достойно,—замѣчаетъ Делиль,—оная канцелярія неправеднымъ образомъ взяла команду и надъ Академіей Наукъ и во всемъ опредѣляетъ сама собою. Къ сему якобы вышнему суду надлежитъ идти просить милости для вспомоществованія во всякихъ потребностяхъ и выходатайствовать выдачу жалованья и прочихъ расходовъ и иждивеній, которые часто для Академіи учинить надобно, которой выдачи только тогда и имѣть можно, когда деньги послѣ расходу на ремесленныхъ людей останутся за излишествомъ»...

Баронъ Корфъ, этотъ великій охотникъ до книгъ для своей библіотеки, не внялъ представленію Делиля. Ловкій Шумахеръ, отлично знавшій о легкомъ способѣ составлять обширныя библіотеки въ долгъ, вскорѣ добился вліянія на новаго президента и сталъ пользоваться безусловнымъ его довѣріемъ. Понятно, что Делиль впалъ въ немилость и подъ конецъ вынужденъ былъ совсѣмъ прекратить посѣщеніе академическихъ засѣданій. А Шумахеръ, по представленію барона Корфа въ императорскій кабинетъ, былъ произведенъ въ совѣтники канцеляріи и принялъ на себя храненіе всѣхъ денежныхъ суммъ Академіи подъ своимъ ключемъ и печатью. Всѣ родственники и свойственники новаго академическаго совѣтника не замедлили получить повышенія и разныя прибавки жалованья.

За все это онъ съумѣлъ отблагодарить достойнымъ образомъ своего покровителя. Когда баронъ Корфъ въ апрѣлѣ 1740 года получилъ дипломатическое назначеніе и уѣхалъ изъ Петербурга, Шумахеръ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, представилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ о взысканіи съ бывшаго президента 4.339 р. 40 к., которые числились за нимъ въ академической книжной лавкѣ.

Замѣчательно, что лѣтъ черезъ 15 послѣ этого баронъ Корфъ

высказалъ мнѣніе, котораго онъ совсѣмъ не держался, когда стоялъ во главѣ управленія Академіей. Онъ назвалъ канцелярію «ярмомъ для Академіи, а Шумахера «неученымъ сочленомъ и канцелярскимъ деспотомъ».

Съ воцареніемъ Елизаветы Петровны наступило тревожное время для Шумахера. Тогда Академія была безъ президента,—Бревернъ, замѣститель барона Корфа, вышелъ въ отставку. Вражда русскихъ къ иноземцамъ стала высказываться явно. Академія, въ которой всѣ мѣста, кромѣ самыхъ незначительныхъ, были заняты нѣмцами, не могла пользоваться сочувствіемъ и со стороны правительственныхъ сферъ. Сообразительный Шумахеръ все это отлично понималъ и пустилъ въ ходъ всю свою ловкость и пронырливость, чтобы подыскать «важное лицо въ президенты, изъ-за спины котораго деспотическому совѣтнику удобно было-бы по прежнему самовластно распоряжаться ученымъ обществомъ». Эти хлопоты въ самомъ разгарѣ своемъ были прерваны новымъ донесеніемъ Делиля, а потомъ Нартова въ Сенатъ.

Сущность донесенія вышепоименованнаго астронома такова-же, какъ и его привѣтственной рѣчи барону Корфу, о которой мы уже говорили. Токарь-же Петра Великаго, состоявшій при Академіи съ званіемъ совѣтника, Андрей Константиновичъ Нартовъ въ своей жалобѣ писалъ объ обидахъ, учиненныхъ ему Шумахеромъ. Токарь считалъ себя членомъ Академіи, а совѣтникъ канцеляріи въ изданномъ имъ описаніи подъ заглавіемъ «Палаты Академіи» имени Нартова не помѣстилъ въ числѣ академиковъ. Все донесеніе этого чиновнаго токаря было написано весьма нетолково. Проступки, въ которыхъ онъ обвинялъ Шумахера, были изложены неопредѣленно и являлись бездоказательными; кромѣ того Нартовъ пересыпалъ эти обвиненія выходками лично оскорбленнаго самолюбія. Вѣроятнѣе всего, что и это донесеніе осталось-бы безъ послѣдствій, еслибы петровскій токарь, въ іюлѣ того-же 1742 года, не поѣхалъ самъ въ Москву къ государынѣ, захвативъ съ собою донесеніе на Шумахера трехъ академическихъ служителей: коммисара Камера, канцеляриста Грекова и копіиста Носова. Въ это-же время студенты Пухортъ, Шишкаревъ и Ковринъ, ученикъ гравера Поляковъ и переводчики Горлицкій и Поповъ послали также свое прошеніе къ императрицѣ.

Всѣ эти лица утверждали, что Шумахеръ присвоилъ себѣ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей изъ академическихъ суммъ; что онъ былъ врагомъ русскаго народа и что наконецъ всячески и притомъ умышенно старался уничтожить намѣренія Петра Великаго, указанныя въ проектѣ Академіи Наукъ.

Поѣздка Нартова въ Москву увѣнчалась полнымъ торжествомъ: 30 сентября императрица Елизавета подписала указъ о назначеніи слѣдственной коммиссіи. Предсѣдателемъ ея былъ назначенъ адмиралъ графъ Н. Ѳ. Головкинъ, а сама коммиссія состояла изъ двухъ членовъ: С.-Петербургскаго коменданта генералъ-лейтенанта Игнатьева и президента коммерцъ-коллегіи, князя Бориса Юсупова. Вышепоименованный указъ императрицы былъ полученъ въ Петербургѣ только 7 октября, и въ этотъ-же день Шумахеръ, контролеръ Гофманъ, книгопродавецъ Прейсеръ и канцеляристъ Паули были арестованы «со всѣми ихъ имѣніями». Тогда-же всѣ академическія дѣла были поручены Нартову.

Шумахеръ содержался подъ строгимъ домашнимъ арестомъ, причемъ всѣ комнаты его были опечатаны. То же было продѣлано и со всей Академіей: опечатали не только бумаги, касающіяся общаго дѣлопроизводства, но даже и архивъ конференціи, въ которомъ, конечно, могли храниться только ученая переписка да статьи, имѣющія исключительное отношеніе къ наукамъ. Опечатаніе академическаго архива было произведено по распоряженію Нартова, которому впредь до указа приказано было исполнять должность Шумахера.

Новый правитель канцеляріи съ первыхъ-же шаговъ своей дѣятельности показалъ себя человѣкомъ безтактнымъ, невѣжественнымъ и не менѣе своего предшественника самовластнымъ. Онъ счелъ своимъ долгомъ препоручить наблюденіе за всѣмъ, что происходило въ Академіи, тѣмъ лицамъ, которые писали жалобы на Шумахера. Къ нимъ присоединился и Ломоносовъ. Всѣ они, начиная съ Нартова и кончая Михаиломъ Васильевичемъ, были увѣрены, что и академики, какъ иноземцы, находятся теперь подъ ихъ надзоромъ. Ободренные успѣхомъ, доносители считали свое дѣло выиграннымъ и праздновали уже побѣду надъ нѣмцами. При этомъ больше всѣхъ другихъ шумѣлъ и безобразничалъ Ломоносовъ.

Высокоучрежденная коммисія приказала, «чтобъ для безпрепятственнаго теченія дѣлъ помянутую архиву всегда отворять, ежели нужда того потребуетъ, а потомъ, вынявши надобное дѣло, опять запечатывать». Понадобилось навести какую-то справку профессору Винцгейму. Онъ явился въ сопровожденіи прикомандированнаго къ коммиссіи маіора и, въ присутствіи Ломоносова, Камера и Пухорта, намѣревался достать понадобившіяся бумаги изъ архива. Всѣмъ тремъ поименованнымъ лицамъ казалось, что въ ученой перепискѣ заключаются «великія тайности». Ломоносовъ сталъ пересматривать бумаги, требовать отъ Винцгейма отвѣтовъ, почему то или другое

написано, насмѣхаться и въ ругательныхъ выраженіяхъ говорить объ ученыхъ дѣлахъ. Вскорѣ послѣ этого Ломоносовъ съ товарищами, подъ предлогомъ осмотра печатей, вошли «съ немалымъ безстыдствомъ и дерзостью» въ ученую конференцію и своимъ шумнымъ поведеніемъ прервали ее. Эти поступки заставили академиковъ жаловаться на Ломоносова и его товарищей въ коммиссію.

Странно, что молодой адъюнктъ, когда коммиссія потребовала его къ отвѣту, «уклонился отъ дачи какихъ-бы то ни было отзывовъ, такъ что, несмотря на высокое положеніе въ тогдашнемъ обществѣ членовъ коммиссіи, они оказались безсильными, чтобы заставить незнатнаго ни родомъ, ни званіемъ академическаго адъюнкта исполнить требованіе ихъ и притомъ—надо сознаться—законное. Объяснить это для тѣхъ временъ весьма необыкновенное явленіе теперь можно только чрезвычайными литературными успѣхами Ломоносова при елисаветинскомъ дворѣ»—говоритъ Пекарскій.

Въ то самое время, когда коммиссія требовала нашего ученаго къ отвѣту, возвратилась въ Москву императрица Елизавета. Это возвращеніе Ломоносовъ воспѣлъ въ одѣ, которая теперь кажется чрезвычайно длинной и напыщенной и которая въ то время возбудила всеобщій восторгъ. Но даже и значительно позже это новое произведеніе нашего поэта заставляло многихъ восторгаться чистотой и плавностью языка, изумляться выборомъ благородныхъ и звучныхъ выраженій, движеніемъ страстей и т. д.

Однако академики стали дѣйствовать рѣшительнѣе, не обращая вниманія на успѣхи поэта при дворѣ. 21 и затѣмъ 26 февраля 1743 года Ломоносовъ опять являлся въ академическія засѣданія, но ученые прямо ему заявили, что не желаютъ его видѣть въ своей средѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ отзыва на представленія о немъ еще въ декабрѣ 1742 года.

Но и это не произвело надлежащаго впечатлѣнія на молодого адъюнкта, и 26 апрѣля онъ опять, на этотъ разъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, ворвался въ залъ академическихъ засѣданій и началъ съ того, что сдѣлалъ Винцгейму «непристойный знакъ изъ пальцевъ», затѣмъ направился въ географическій департаментъ и разразился бранью на этого непонравившагося ему академика. Адъюнктъ Трюскотъ сталъ останавливать Ломоносова. Тотъ закричалъ на него: «ты-де что за человѣкъ? Ты-де адъюнктъ, кто тебя сдѣлалъ? Шумахеръ!.. Говори со мною по латыни». Трюскотъ отказался, а Ломоносовъ продолжалъ: «ты-де дрянь, никуда не годишься и недостойно произведенъ!..» Бранныя слова посыпались по адресу Шу-

махера и другихъ иноземцевъ академіи, а Винцгейму обѣщалъ, если только тотъ произнесетъ еще одно слово, поправить ему всѣ зубы. Къ нему онъ опять вернулся изъ географическаго департамента и сталъ доказывать ему, что онъ и его товарищи не имѣли права не допускать его до академическихъ засѣданій, причемъ академикамъ онъ далъ лестные эпитеты Hundsfötter и Spitzbuben. Винцгеймъ заявилъ ему о своемъ намѣреніи занести все это въ протоколъ. Разбушевавшійся адъюнктъ отвѣтилъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства: «Ja, ja, schreiben sie nur; ich verstege so viel wie ein Professor und bin ein Landeskind *). Такое поведеніе вызвало вторичную жалобу академиковъ на безпокойнаго поэта.

Но сколько разъ коммиссія не требовала Ломоносова для допроса, онъ не явился, отговариваясь тѣмъ, что коммиссія не имѣетъ надъ нимъ главной команды, что только Академія можетъ требовать отъ него отвѣта. Члены коммиссіи, выведенные наконецъ изъ терпѣнія такимъ упорствомъ, постановили 28 мая арестовать адъюнкта и содержать его подъ карауломъ. Такъ и было поступлено,—нашему поэту пришлось отсидѣть нѣсколько мѣсяцевъ.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ видно, что Ломоносовъ въ то время относился къ дѣлу низверженія Шумахера и удаленія изъ Академіи иноземцевъ весьма несерьезно. На самого Нартова, предводителя бунтовщиковъ, онъ смотрѣлъ свысока, насмѣхался надъ нимъ и напрямикъ отказывался отъ исполненія его приказаній. Существуетъ множество мелкихъ фактовъ, которые краснорѣчиво подтверждаютъ, что Ломоносовъ довольно равнодушно относился къ дѣлу Шумахера и не старался ни сплотить враговъ его, ни поддержать ихъ своей энергіею. Ясно, что нашъ ученый въ это время еще не составилъ себѣ опредѣленнаго взгляда на Академію и не выяснилъ причинъ ея бѣдственнаго положенія. Иноземцевъ онъ не любилъ, а страсть къ спиртнымъ напиткамъ и несдержанная молодость наталкивали его на всѣ эти буйства.

Шумахеръ, на первыхъ порахъ не на шутку перетрусившій и чистосердечно сознавшійся, что онъ бралъ изъ погребовъ Академіи «казенное французское и прочее вино въ домъ свой для домашняго своего расходу», отлично разсмотрѣлъ своихъ враговъ, и вѣроятно каждая штука, выкидываемая Ломоносовымъ, доставляла ему искреннее удовольствіе.

---

*) «Да, да пишите; я смыслю столько-же, сколько и профессоръ, а притомъ я природный русскій!»

Грубое обращеніе Нартова съ академиками, которымъ онъ вздумалъ писать указы и требовать исполненія ихъ, затѣмъ безсмысленное опечатываніе конференцскаго архива и буйства Ломоносова вызвали среди всѣхъ ученыхъ ропотъ недовольства. Многіе изъ нихъ стали давать показанія въ пользу Шумахера и желать его возвращенія къ управленію академическими дѣлами; нѣкоторые даже принялись хлопотать объ этомъ у высокопоставленныхъ лицъ.

Шумахеръ между тѣмъ оглядѣлся, успокоился, бросилъ чистосердечныя признанія и принялся съ нахальной беззастѣнчивостью доказывать свою невиновность. Теперь ужъ онъ не говорилъ, что бралъ вино для домашняго расхода, нѣтъ—онъ бралъ его «на содержаніе монстровъ»: «Монстры отъ двора и отъ разныхъ мѣстъ не только къ нему, но и къ президентамъ присылались въ ночное время и требовали въ то время необходимо налитія тѣмъ спиртомъ, чтобъ не могли испортиться». Вскорѣ среди доносителей отыскался предатель, который передавалъ Шумахеру о каждомъ шагѣ, сдѣланномъ его врагами; будущій зять его Таубертъ также не мало постарался облегчить горькую участь заключеннаго. Вліятельные придворные, хотя и чисторусскаго происхожденія, но обладавшіе удивительной чувствительностью къ похваламъ иноземцевъ, тоже помогли попавшемуся правителю канцеляріи выкарабкаться изъ бѣды.

Число сторонниковъ Шумахера стало расти съ каждымъ днемъ. Делиль, сначала дѣйствовавшій съ Нартовымъ за одно, теперь сталъ высказываться противъ него. На сторону «канцелярскаго деспота» перешли не только иноземцы, но даже и русскіе: такъ, Ададуровъ, Тепловъ и Тредіаковскій подали отзывы за Шумахера и его владычество надъ Академіей.

Коммиссія, 24-го декабря 1742 года, уже представила объ освобожденіи изъ подъ ареста Шумахера, такъ какъ до сихъ поръ она не нашла никакого важнаго преступленія въ его дѣйствіяхъ. Шумахера освободили и распечатали все его имущество, а почти черезъ годъ послѣ этого, 4 декабря 1743 года, по указу императрицы сенату, Шумахеръ вновь назначался къ дѣламъ «въ Академіи по прежнему» и приказывалось выдать ему жалованье за все то время, втеченіе котораго онъ былъ лишенъ его.

Такъ было проиграно правое дѣло,—правое, потому что проступки Шумахера не подлежали никакому сомнѣнію.

Слѣдственная коммиссія закончила свои засѣданія въ половинѣ іюля 1744 года. Она признала Шумахера виновнымъ въ употребленіи казеннаго вина, приговорила его за это къ уплатѣ 109 рублей

съ копѣйками и въ то-же время представила его къ производству въ статскіе совѣтники съ назначеніемъ директоромъ Академіи. Къ счастью это представленіе не получило высочайшей санкціи. Обвинителей Шумахера приговорили къ наказанію, однихъ—плетьми, другихъ, батожьемъ, а Горлицкаго, который такъ витіевато расписывалъ казни «супостатовъ нѣмцевъ», нашли достойнымъ даже смертной казни, но смягчили это наказаніе и замѣнили плетьми, послѣ чего его надлежало сослать съ семьею на вѣчное жительство въ Оренбургъ. Однако императрица приказала не подвергать наказанію легковѣрныхъ обвинителей и оставить ихъ по прежнему при Академіи. Но незадолго передъ этимъ мстительный Шумахеръ уже успѣлъ распорядиться удалить всѣхъ доносителей, кромѣ Попова, изъ Академіи и замѣнить ихъ новыми лицами.

Чѣмъ-же закончилась вся эта исторія для Ломоносова? Въ началѣ 1744 года сенатъ изъ доклада коммиссіи узналъ о проступкахъ Ломоносова и о наказаніи, которому онъ былъ подвергнутъ, какъ мы уже говорили, съ 28 мая 43 года.

Сенаторы, подъ вліяніемъ-ли придворныхъ почитателей молодого поэта, а можетъ быть по личному приказанію императрицы, которой очень нравились его оды, относились съ поразительной дя того времени снисходительностью къ проступкамъ Ломоносова.

Если вспомнить, какъ жестоко былъ избитъ бѣдный Тредіаковскій не за ослушаніе и насмѣшки надъ приказаніями знатныхъ, не за неприличныя выходки и буйство, а просто за ничтожное замѣчаніе кадету, посланному къ нему отъ министра, то покажется положительно страннымъ приговоръ сенаторовъ, которымъ Ломоносовъ, «для его довольнаго обученія», какъ сказано въ сенатскомъ указѣ отъ 18 января 1744 г., освобождался отъ наказанія и приказывалось «въ объявленныхъ, учиненныхъ имъ продерзостяхъ у профессоровъ просить ему прощенія, а что онъ такіе непристойные поступки учинилъ въ коммиссіи и въ конференціи, яко въ судебныхъ мѣстахъ, за то давать ему, Ломоносову, жалованья въ годъ по нынѣшнему его окладу половинное». При этомъ добавлялось, что впредь за такія «продерзости» поступлено будетъ съ нимъ «по указамъ неотмѣнно».

27 января 1744 года Ломоносовъ просилъ прощенія въ конференціи у всѣхъ академиковъ, а 15 іюля послѣдовалъ «милостивый и за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ» указъ о производствѣ нашему поэту прежняго жалованья.

Нельзя не упомянуть здѣсь, что заключеніе подъ арестомъ весь-

ма недурно подѣйствовало на Ломоносова. Онъ усердно принялся за ученыя и литературныя занятія. Написалъ вторичное прошеніе о необходимости «учредить» химическую лабораторію, которую просилъ поручить ему. Это прошеніе за неимѣніемъ денегъ въ Академіи опять-таки было оставлено безъ вниманія. Не смущаясь такимъ отказомъ, Ломоносовъ въ своемъ заключеніи продолжалъ заниматься физикой и математикой, что видно изъ его требованій выдать ему физику Ньютона и универсальную ариѳметику. Въ это-же время онъ работалъ надъ составленіемъ своей риторики.

Литературныя его занятія выразились въ сочиненіи нѣсколькихъ одъ и въ лучшемъ его стихотвореніи: «Вечернее размышленіе о Божьемъ величіи, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія». Это стихотвореніе одно изъ немногихъ вполнѣ самобытныхъ литературныхъ произведеній нашего поэта и, какъ плодъ свободнаго творчества, своей мыслью и языкомъ производитъ благопріятное впечатлѣніе и справедливо считается наиболѣе удачнымъ. Впослѣдствіи извѣстный Мартосъ, подъ вліяніемъ этого стихотворенія, представилъ Ломоносова на памятникѣ, который воздвигнутъ ему въ Архангельскѣ, какъ-бы созерцающимъ сѣверное сіяніе. Въ глазахъ нашего поэта выражается восторгъ и удивленіе. Не отрывая своего взора отъ неба, Ломоносовъ протянулъ руку, чтобы взять лиру, которую предлагаетъ ему геній, и намѣревается воспѣть величественное явленіе «полнощныхъ странъ».

Матеріальное положеніе заключеннаго адъюнкта было по истинѣ ужасное. Изъ прошенія его въ іюлѣ мѣсяцѣ 43 года явствуетъ, что имъ было получено только еще двѣ трети жалованья за 42-й годъ. Ломоносовъ «пришелъ въ крайнюю скудость». Не на что было купить не только лекарства, но даже «дневной пищи», а взаймы достать денегъ онъ не могъ. Академія отпускала ему по 5, 10 рублей и то только послѣ его прошенія, а иногда за неимѣніемъ наличныхъ суммъ выдавала «для его пропитанія» академическія изданія, которыя Ломоносовъ и продавалъ за то, что дадутъ.

Въ это время пріѣхала къ нему изъ Германіи жена съ ребенкомъ. Какъ произошло это событіе—трудно сказать,—объ этомъ не сохранилось никакихъ документовъ. Штелинъ-же въ своемъ повѣствованіи на эту тему такъ заврался, что нѣтъ никакой возможности вѣрить его разсказу. Онъ утверждаетъ, что на другой-же день по полученіи письма отъ жены, на что она рѣшилась только спустя два года послѣ отъѣзда своего мужа изъ Германіи, Ломоносовъ выслалъ ей 100 рублей (!). Жена нашла Ломоносова «обрадованнымъ», «здоровымъ и

веселымъ, въ довольно-хорошо устроенной академической квартирѣ при химической лабораторіи»... Мы знаемъ уже, что Ломоносовъ жилъ въ двухъ коморкахъ, и тогда химическая лабораторія если и существовала, то только въ мечтахъ молодого адъюнкта.

Съ возвращеніемъ жены Ломоносова, характеръ его поведенія значительно измѣняется. «Вспышки молодости», какъ выражается Билярскій, вскорѣ совсѣмъ прекращаются и вмѣстѣ съ этимъ дѣятельность нашего ученаго становится болѣе широкой и плодотворной.

ГЛАВА IV.

Ученыя и литературныя занятія Ломоносова въ 1744 и 45 годахъ. — Подача прошенія о назначеніи профессоромъ. — Ломоносовъ вмѣстѣ съ Мюллеромъ подаетъ въ сенатъ заявленія о преступленіяхъ Шумахера. — Ломоносовъ хлопочетъ о распространеніи образованія въ Россіи. — Новый президентъ. — Переводъ экспериментальной физики Вольфа. — Новый уставъ Академіи. — Графъ Кириллъ Разумовскій. — Григорій Тепловъ. — Вліяніе Шумахера. — Постройка химической лабораторіи. — Лаборантъ. — Новые студенты. — Тредіаковскій отправляется въ Новгородъ и Москву. — Выборъ учениковъ. — Разсмотрѣніе университетскаго регламента. — Риторика. — Новая ода. — „2000 рублевъ въ награжденіе". — Эпиграмма на Сумарокова. — Перемѣна въ дѣятельности Ломоносова. — Похвальное слово императрицѣ. — Рѣчь Мюллера. — Столкновеніе съ нимъ. — Занятія исторіею. — Сближеніе съ И. Шуваловымъ. — Ученыя работы. — Новыя Комментаріи. — Отзывъ Эйлера.

Въ 1744 и 45 годахъ Ломоносовъ проявляетъ особенную энергію въ своихъ ученыхъ занятіяхъ. Имъ написано за это время четыре новыхъ диссертаціи, которыя были впослѣдствіи, въ 1750 и 51 годахъ, напечатаны въ академическихъ Комментаріяхъ и еще ранѣе заслужили одобрительный отзывъ академическаго собранія и знаменитаго Эйлера. Тогда-же онъ перевелъ «Сокращенную экспериментальную физику» Вольфа и снова подавалъ прошеніе о необходимости химической лабораторіи, причемъ прилагалъ и подробный проектъ ея устройства.

Вскорѣ по возвращеніи двора въ Петербургъ, Ломоносовъ рѣшается подать прошеніе о назначеніи его профессоромъ академіи. Шумахеръ передалъ эту просьбу въ собраніе академиковъ, которые высказали, что «поданныя отъ г. адъюнкта ученія его специмены достойны профессорскаго званія». Тогда же академикъ Гмелинъ объявилъ, что онъ готовъ уступить Ломоносову кафедру химіи, ибо самъ онъ слишкомъ занятъ натуральной исторіей. Узнавъ о такомъ опре-

дѣленіе академиковъ, Шумахеръ послалъ представленіе въ сенатъ, причемъ просилъ, за неимѣніемъ въ академіи президента утвердить Ломоносова профессоромъ химіи. Сенатъ утвердилъ это представленіе 7 августа 1745 года.

Ставъ академикомъ, Ломоносовъ не отставалъ отъ своихъ товарищей по борьбѣ противъ Шумахера. Возвратившійся къ управленію Академіей совѣтникъ канцеляріи сталъ дѣйствовать еще самовластнѣе прежняго и своимъ дерзкимъ обращеніемъ заставилъ ученыхъ жаловаться на него въ сенатъ. Ломоносовъ, вмѣстѣ съ Мюлеромъ, неоднократно подавалъ въ сенатъ представленія отъ имени всѣхъ академиковъ. Проступки, въ которыхъ обвинялся Шумахеръ, были все тѣ-же, какъ и въ 1742 году: самовластіе, ничтожные успѣхи Академіи въ учебномъ дѣлѣ, безотчетное употребленіе академическихъ денегъ на свои расходы или на вспомоществованіе свойственникамъ и пріятелямъ. Но сенатъ не обращалъ никакого вниманія на эти жалобы, вѣроятно потому, какъ выразился Ломоносовъ, что ученые «пріобыкли быть всегда при наукахъ и, не навыкнувъ разносить по знатнымъ домамъ поклоновъ, не могли сыскать себѣ защищенія».

Убѣдившись, что канцелярія оставляетъ его просьбы объ устроеніи химической лабораторіи безъ послѣдствій, Ломоносовъ обратился къ академическому собранію и побудилъ его подать просьбу объ этомъ предметѣ прямо въ сенатъ, помимо канцеляріи.

Съ 1746 года Ломоносовъ начинаетъ выступать на поприщѣ общественнаго дѣятеля: онъ затрогиваетъ вопросы объ образованіи русскаго юношества и вообще о распространеніи просвѣщенія въ Россіи. Еще 17 октября 1745 г. сенатъ, въ указѣ объ изданіи въ свѣтъ Ломоносовскаго перевода «Экспериментальной физики» Вольфа, предписывалъ нашему профессору читать лекціи на русскомъ языкѣ. Такое распоряженіе становится понятнымъ, когда прочтешь слѣдующія строки въ предисловіи къ указанному переводу: «сія книжица почти только для того сочинена и нынѣ переведена на Россійскій языкъ, чтобы по ней показывать и толковать физическіе опыты»... Канцелярія распорядилась объ исполненіи упомянутаго предписанія сената, но Ломоносовъ ни въ этомъ, ни въ слѣдующемъ году не читалъ лекцій по физикѣ, хотя и приготовлялся къ нимъ. Такъ, онъ просилъ академическое собраніе выдать ему физическіе инструменты, которые ему нужны при чтеніи лекцій; затѣмъ онъ предложилъ, чтобы студенты прилежнѣе посѣщали аудиторіи и чтобы академія хлопотала черезъ сенатъ о высылкѣ большого числа учениковъ изъ невской и новгородской семинаріи. Когда наконецъ въ Академію

вступилъ новый президентъ графъ Кирилъ Разумовскій, то, въ іюнѣ мѣсяцѣ, академическая канцелярія разослала увѣдомленіе о предполагавшихся лекціяхъ по всѣмъ учрежденіямъ, въ которыхъ могли найтись охотники слушать ихъ. Ломоносовъ составилъ приглашеніе къ любителямъ физики. Лекціи предполагалось читать дважды въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ, по 2 часа въ день. Но почему-то этимъ первымъ чтеніямъ на русскомъ языкѣ не суждено было осуществиться ни въ этомъ году, ни въ слѣдующихъ.

Тѣмъ не менѣе переводъ Ломоносова «Вольфіанской экспериментальной физики» заслуживаетъ на столько вниманія, чтобы о немъ сказать нѣсколько словъ.

Въ предисловіи, которое переводчикъ прилагаетъ къ своему труду послѣ посвященія его графу Михаилу Воронцову, Ломоносовъ весьма ясно и толково разсказываетъ объ успѣхахъ наукъ въ XVII и началѣ XVIII столѣтій. «Славный и первый изъ новыхъ философовъ Картезій,—говоритъ нашъ профессоръ,—осмѣлился Аристотелеву философію опровергнуть и учить по своему мнѣнію и вымыслу. Мы кромѣ другихъ его заслугъ особливо за то ему благодарны, что онъ тѣмъ ученыхъ людей ободрилъ противъ Аристотеля, противъ себя самого и противъ прочихъ философовъ въ правдѣ спорить, и тѣмъ самымъ открылъ дорогу къ вольному философствованію и къ вящему наукъ приращенію... Въ новѣйшія времена науки столько возрасли, что не токмо за тысячу, но и за сто лѣтъ жившіе едва могли того надѣяться. Сіе больше отъ того происходитъ, что нынѣ ученые люди, а особливо испытатели натуральныхъ вещей, мало взираютъ на родившіеся въ одной головѣ вымыслы, но больше утверждаются на достовѣрномъ искусствѣ. Главнѣйшая часть натуральной науки физика нынѣ ужé на одномъ ономъ свое основаніе имѣетъ. Мысленныя разсужденія произведены бываютъ изъ надежныхъ и много разъ повторенныхъ опытовъ»...

Не слѣдуетъ забывать, что это говорилось въ то время, когда въ Россіи, во всѣхъ духовныхъ училищахъ,—этихъ почти единственныхъ тогда разсадникахъ просвѣщенія въ Россіи—царила еще схоластика, и Аристотелево ученіе, къ тому-же еще въ искаженномъ видѣ, пользовалось безусловнымъ авторитетомъ. Весь переводъ физики сдѣланъ яснымъ, простымъ и точнымъ языкомъ, при этомъ Ломоносовъ ввелъ множество новыхъ научныхъ терминовъ, изъ которыхъ многими мы до сихъ поръ продолжаемъ пользоваться. Вообще надо сказать, что нашъ знаменитый поэтъ былъ великій мастеръ слова. По своему простому, ясному и въ то-же время изящному языку Ломо-

носовъ, выражаясь фигурально, стоялъ цѣлою головою выше своихъ современниковъ. Это достоинство за нимъ признала Академія и сплошь-да-рядомъ поручала ему не только переводить различныя сочиненія, но и исправлять труды спеціальныхъ переводчиковъ. Иванъ Голубцовъ, бывшій товарищъ Ломоносова по Заиконоспасскому монастырю, считался однимъ изъ лучшихъ переводчиковъ своего времени. Его переводъ «Краткаго введенія въ геометрію» Георга Крафта былъ отданъ для исправленія Ломоносову, и этотъ послѣдній исчеркалъ своими поправками всю рукопись Голубцова.

Эти переводныя работы, а въ особенности оды, которыми Ломоносовъ не переставалъ восхвалять императрицу Елизавету, вскорѣ создали ему репутацію знатока русскаго языка. Ломоносову пришлось разсматривать и давать отзывы о переводахъ Кондратовича словарей Кнапія и Целарія, затѣмъ много позже о русско-латино-французско-итальянскомъ словарѣ Дандоло; впослѣдствіи-же и самъ онъ сталъ работать надъ составленіемъ словаря. Кромѣ этихъ занятій, ему приходилось еще переводить стихами нѣмецкія надписи, которыя въ первое время царствованія Елизаветы всегда сочинялъ къ иллюминаціямъ академикъ Штелинъ.

Въ 1747 году наконецъ былъ утвержденъ новый уставъ для Академіи Наукъ и штаты, по которымъ на ученое общество назначалась сумма, вдвое превышавшая ту, какая отпускалась до сихъ поръ. Это собственно единственное достоинство новаго устава.

Дѣло въ томъ, что къ управленію академическими дѣлами былъ привлеченъ человѣкъ умный, вкрадчивый, ловкій и не менѣе Шумахера властолюбивый, нѣкій Григорій Тепловъ. Онъ былъ наставникомъ графа Разумовскаго и имъ назначался теперь ассесоромъ академической канцеляріи. Понятно, что Тепловъ пользовался большимъ вліяніемъ на молодого и равнодушнаго къ наукамъ графа. Шумахеръ, съумѣвшій превосходно обойти новаго президента и добиться его благорасположенія, конечно сейчасъ-же постарался вступить въ пріятельскія отношенія и съ Тепловымъ. Когда этотъ послѣдній приступилъ къ составленію новаго академическаго устава то, несомнѣнно, Шумахеръ сообщилъ ему цѣлый рядъ указаній и совѣтовъ, которыми тотъ и воспользовался. Ассесоръ канцеляріи не счелъ нужнымъ обратиться къ академикамъ за ихъ мнѣніемъ и написалъ регламентъ, котораго всѣ пункты, отъ перваго до послѣдняго, клонились къ поддержанію неограниченной власти президента и академической канцеляріи. Конечно, такое полное подчиненіе ученыхъ и ихъ дѣятельности волѣ президента, а въ отсутствіе его—академи-

ческой канцеляріи, не могло нравиться ни Ломоносову,ни его товарищамъ. Несмотря на это, нашему поэту пришлось написать восторженную оду и прославлять новыя постановленія для Академіи.

Графъ Разумовскій, хотя и находился подъ вліяніемъ Шумахера и Теплова, но все-таки не могъ не замѣтить заслугъ Ломоносова.

Въ концѣ 1747 года по приказанію президента, весь домъ, въ которомъ Ломоносовъ ранѣе занималъ всего двѣ каморки, былъ отданъ для помѣщенія его съ семействомъ. Тогда-же отведено было мѣсто на дворѣ этого дома для предполагавшейся лабораторіи. Только лѣтомъ 1748 года приступлено было къ постройкѣ самаго зданія, которое воздвигалось, какъ мы уже говорили ранѣе, на деньги отпущенныя изъ императорскаго кабинета. Работы производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ нашего ученаго и шли довольно успѣшно. Къ октябрю зданіе уже почти было готово, и Ломоносовъ заготовлялъ всѣ необходимыя для этого учрежденія вещи и матеріалы. Теперь академическая канцелярія не ставила ему никакихъ препятствій и, даже напротивъ, оказывала свое содѣйствіе. Въ февралѣ мѣсяцѣ 49 года Ломоносовъ доносилъ академической канцеляріи, что лабораторія «уже по большей части имѣетъ къ химическимъ трудамъ надлежащія потребности и въ будущемъ мартѣ мѣсяцѣ, какъ скоро великіе морозы пройдутъ, должна будетъ вступить въ безпрерывное продолженіе химическихъ опытовъ». Свое донесеніе Ломоносовъ заканчивалъ просьбой о назначеніи лаборанта. Это требованіе нашего ученаго было удовлетворено, и 1-го мая въ эту должность вступилъ нѣкій Іоганнъ Менеке, котораго Ломоносовъ самъ отъэкзаменовалъ по химіи и нашелъ его познанія достаточными для лаборанта.

Мы еще вернемся къ дѣятельности этой первой лабораторіи въ Россіи, теперь-же замѣтимъ, что устройство ея при Академіи составляетъ одну изъ крупныхъ заслугъ Ломоносова, который на это дѣло не щадилъ своей энергіи и настойчивости.

Въ томъ-же 48 гооу было обращено большое вниманіе на предложеніе Ломоносова объ истребованіи учениковъ изъ новгородской и невской семинарій и вообще изъ школъ при монастыряхъ. Ссылаясь на 37 § новаго регламента, академическая канцелярія постановила выбрать для университета 30 человѣкъ изъ указанныхъ духовныхъ училищъ. Духовное начальство этихъ школъ встрѣтило такое требованіе съ открытымъ неудовольствіемъ, потому что эта мѣра должна была непремѣнно повести къ недостатку въ способныхъ людяхъ при замѣщеніи наиболѣе важныхъ должностей по духовному вѣдомству.

По братъ Разумовскаго, да и самъ онъ пользовались большимъ значеніемъ при дворѣ, такъ-что настойчивому Григорію Теплову удалось скоро добиться желаемаго рѣшенія этого дѣла. Въ Новгородъ и Москву былъ посланъ Тредіаковскій—и исполнилъ данное ему порученіе очень удачно.

Нѣсколько позже было приступлено къ разсмотрѣнію университетскаго регламента, который собственно былъ составленъ знаменитымъ исторіографомъ Мюллеромъ; канцелярія-же сдѣлала въ уставѣ свои поправки и въ такомъ измѣненномъ видѣ отдала его на обсужденіе академиковъ.

Ломоносовъ, какъ и многіе изъ его сотоварищей, высказывалъ желаніе, чтобы нашъ первый университетъ по своему устройству походилъ на заграничные. «Студентовъ раздѣлить на три класса», писалъ нашъ академикъ въ «Прибавленіи къ моему мнѣнію о университетскомъ регламентѣ»; «перваго класса студенты ходятъ на всѣ лекціи для того, чтобы имѣть понятія о всѣхъ наукахъ, и чтобы всякъ могъ видѣть, къ какой кто наукѣ больше способенъ и охоту имѣетъ. Второго класса студенты ходить должны на лекціи только того класса, въ которомъ ихъ наука. Третьяго класса студенты тѣ, которые опредѣлены уже къ одному профессору и упражняются въ одной наукѣ. Симъ послѣднимъ должно, по моему мнѣнію, опредѣлить рангъ армейскаго прапорщика; а производить ихъ въ временные переводчики въ поруческій рангъ, а изъ нихъ въ адъюнкты». Впрочемъ нельзя не прибавить, что участіе Ломоносова въ составленіи университетскаго регламента было пока весьма незначительно. Онъ еще, такъ сказать, только приготовлялся къ будущимъ сраженіямъ съ канцеляріей изъ-за этого-же предмета,

1748 годъ былъ особенно удачнымъ для нашего поэта въ литературномъ отношеніи. Въ этомъ году наконецъ вышло его «Краткое руководство къ краснорѣчію, книга перьвая, въ которой содержится Риторика, показующая общія правила обоего краснорѣчія, то есть ораторіи и поэзіи, сочиненная въ пользу любящихъ словесныя науки».

Ломоносовская риторика со стороны своего содержанія не можетъ претендовать на полную самостоятельность. Митрополитъ Евгеній, этотъ замѣчательно образованный для своего времени человѣкъ, первый замѣтилъ, что сочиненіе Ломоносова заключаетъ въ себѣ не мало выборокъ изъ риторикъ Кауссина и Помея. Болѣе позднія изслѣдованія показали, что многія риторическія правила заимствованы имъ у Готшеда, а параграфы «о сопряженіи идей» и «объ изобрѣтеніи доводовъ» взяты у Вольфа.

Однако трудъ Ломоносова имѣетъ въ себѣ столько достоинствъ, что становится понятнымъ тотъ восторгъ, который возбуждала эта книга не только въ современникахъ, но и въ потомкахъ, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ выхода ея въ свѣтъ, а также и то значеніе, которая она пріобрѣла въ нашей литературѣ. Прежде всего замѣтимъ, что это была первая риторика на русскомъ языкѣ; ранѣе-же въ школахъ она преподавалась исключительно на латинскомъ языкѣ. Затѣмъ въ книгѣ было помѣщено множество отрывковъ и даже цѣлыхъ произведеній въ стихахъ и прозѣ, оригинальныхъ и переводныхъ. Эти вставки служили для разъясненія и подтвержденія различныхъ риторическихъ правилъ. И переводчиковъ, и авторовъ всѣхъ этихъ примѣровъ «совмѣщало одно лицо—Ломоносовъ!»—замѣчаетъ Пекарскій. Нужно отдать полную справедливость нашему поэту, что выборъ этихъ образцовъ и примѣровъ сдѣланъ имъ съ замѣчательнымъ литературнымъ вкусомъ и свидѣтельствуетъ о широкомъ образованіи и громадной начитанности автора. Все лучшее; что заключала въ себѣ въ то время весьма небогатая русская литература. было помѣщено въ риторикѣ. Это обстоятельство дѣлало произведеніе Ломоносова неоцѣненнымъ, такъ какъ въ то время почти не было книгъ для легкаго чтенія. Языкъ, которымъ написана была вся книга, на столько стоялъ выше современнаго ему, что еще слишкомъ черезъ 50 лѣтъ риторика Ломоносова продолжала вызывать восхищеніе.

Въ томъ-же году Ломоносовъ написалъ новую «Оду на день восшествія на престолъ Ея Величества Государыни Императрицы Елизаветы Петровны». Это произведеніе было поднесено ей во дворцѣ графомъ Разумовскимъ. Ода понравилась, и государыня пожаловала Ломоносову «двѣ тысячи рублевъ въ награжденіе».

Деньги пришлись какъ разъ кстати. Ломоносовъ частенько таки осаждалъ канцелярію просьбами о выдачѣ жалованья, и притомъ не за прошлое время, какъ это было раньше, а впередъ, за будущее. 660-и рублей оказывалось недостаточно для его хозяйства, и у него изъ года въ годъ стали накопляться долги. Неожиданно полученные 2000 рублей дали возможность расплатиться съ ними.

Впрочемъ въ 48 году нашъ ученый сталъ получать на 200 рублей больше, которые были ему назначены за работы по «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ». Ему поручено было исправлять всѣ переводы для этой газеты, «послѣднюю оныхъ ревизію отправлять и надъ всѣмъ тѣмъ, что къ тому принадлежитъ, трудъ нести».

Кромѣ этого порученія на Ломоносова возлагали, какъ и въ предшествующіе годы, просмотры многихъ переводовъ книгъ, которыя печата-

лись при Академіи Наукъ. Между прочимъ нашему поэту пришлось разсматривать произведенія Сумарокова, а именно: трагедію Гамлетъ и двѣ эпистолы. Въ то время Ломоносовъ не былъ еще въ ссорѣ съ россійскимъ Расиномъ, который въ одной изъ этихъ эпистолъ называлъ нашего академика Пиндаромъ. Хотя Михаилъ Васильевичъ и похвалилъ трудъ Сумарокова, но не удержался о отъ эпиграммы на него.

Гертруда, уличенная сыномъ своимъ въ убійствѣ перваго мужа и пришедшая въ раскаяніе, говоритъ своему супругу:

Вы всѣ свидѣтели безбожныхъ дѣлъ,
Того противна дня, какъ ты на тронъ взошелъ,
Тѣхъ пагубныхъ минутъ, какъ честь я потеряла
И на супружню смерть не тронута взирала.

«Ломоносовъ,—говоритъ Шишковъ въ своемъ «Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ»,—похуляя сей послѣдній стихъ и доказывая, что въ немъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, въ какомъ сочинитель его употребилъ, написалъ слѣдующіе стихи:

Женился Стилъ, старикъ безъ мочи,
На Стеллѣ, что въ пятнадцать лѣтъ,
И, не дождавшись первой ночи,
Закашлявшись, оставилъ свѣтъ:
Тутъ Стелла бѣдная вздыхала,
Что на супружню смерть не тронута взирала.

Съ 1749 года въ дѣятельности Ломоносова начинаетъ замѣчаться крупная перемѣна. Онъ постепенно оставляетъ занятія естественными науками, отдается словеснымъ—исторіи и литературѣ—и приступаетъ къ практическимъ дѣламъ.

Для торжественнаго собранія Академіи въ этомъ году Ломоносову поручено было написать похвальное слово императрицѣ, а Мюллеру приготовить рѣчь историческаго содержанія. Ломоносовъ удачно справился съ возложеннымъ на него порученіемъ и его «Слово» вызвало всеобщій восторгъ. Послѣ всевозможныхъ восхваленій добродѣтелей Елизаветы, восхваленій, вылившихся въ витіеватыхъ и пышныхъ фразахъ, причемъ онъ подражалъ древнимъ классикамъ, а иногда и прямо заимствовалъ ихъ обороты рѣчи, Ломоносовъ говоритъ, что нигдѣ, кромѣ «пространной и безмятежной» Россіи, нѣтъ столько удобныхъ условій для процвѣтанія наукъ.

Рѣчь Мюллера «Происхожденіе народа и имени россійскаго» была встрѣчена совсѣмъ инымъ образомъ. Она возбудила въ академическихъ засѣданіяхъ бурныя пренія и наконецъ совсѣмъ была запрещена, какъ неудобная для чтенія на актовомъ собраніи Академіи. «До весьма недавняго времени, замѣчаетъ Пекарскій, существовало убѣжденіе,

что всѣ преслѣдованія противъ этого произведенія Мюллера были возбуждены по наущенію Ломоносова. Но послѣ обнародованія значительной массы матеріаловъ для жизнеописанія послѣдняго оказалось, что преслѣдованія эти начались изъ Москвы отъ Теплова, управлявшаго всѣми дѣйствіями тогдашняго президента Академіи графа Разумовскаго, и потомъ поддерживались Шумахеромъ въ Петербургѣ».

Мы не станемъ входить въ подробности этого продолжительнаго спора между Ломоносовымъ и знаменитымъ исторіографомъ. Замѣтимъ только, что въ своей «неисторической критикѣ историческаго сочиненія», какъ выражается Билярскій, нашъ ученый преимущественно руководствовался патріотическимъ воззрѣніемъ.

«Правда, что г. Мюллеръ говоритъ: прадѣды ваши отъ славныхъ дѣлъ славянами назывались, но сему во всей своей диссертаціи противное показывать старается, ибо на всякой почти страницѣ русскихъ бьютъ, грабятъ, *благополучно* скандинавы побѣждаютъ... Сіе такъ чудно, что еслибы г. Мюллеръ умѣлъ изобразить живымъ штилемъ, то бы онъ Россію сдѣлалъ толь бѣднымъ народомъ какимъ еще ни одинъ и самый подлый народъ ни отъ какого писателя не представленъ».

Споръ продолжался чуть не цѣлый годъ, и оба противника въ пылу раздраженія доходили до курьезныхъ крайностей.

Съ тѣхъ поръ Ломоносовъ началъ обращать особенное вниманіе на науку, которой собственно ранѣе никогда серьезно не занимался и къ изученію которой не имѣлъ никакой солидной подготовки: русская исторія стала новымъ предметомъ его ученыхъ занятій.

Однако не слѣдуетъ думать, что исключительной побудительной причиной въ данномъ случаѣ явился этотъ споръ, затронувшій страстную и несдержанную душу нашего ученаго. Тутъ были причины и другія. Прежде всего укажемъ на сближеніе Ломоносова съ фаворитомъ императрицы Елизаветы—Ив. Шуваловымъ. Этотъ любитель изящной словесности, конечно, восхищался литературными произведеніями нашего поэта и не обращалъ никакого вниманія на занятія Ломоносова естественными науками. И. Шуваловъ, какъ теперь оказывается, самъ пробовалъ сочинять стихотворенія и переводить стихами, хотя не имѣлъ къ этому никакого дарованія. Желая овладѣть изящнымъ слогомъ и стихотворной формой, онъ бралъ уроки у Ломоносова. Что-же удивительнаго, что покровитель нашего академика сталъ совѣтовать ему бросить занятія физикой и химіей и углубиться въ исторію. Во вторыхъ, сама государыня, въ бытность Ломоносова въ Москвѣ, черезъ камергера Шувалова, «изволила объявить.... что ея величество охотно желала-бы видѣть россійскую исторію его штилемъ»...

Однако Ломоносовъ не вполнѣ поддался совѣтамъ своего покровителя. «Что-же до другихъ моихъ въ физикѣ и въ химіи упражненій касается, чтобы *ихъ вовсе покинуть*, то нѣтъ въ томъ ни нужды, ни возможности»—писалъ онъ въ письмѣ къ И. Шувалову. «Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ, упокоенія... И такъ уповаю, что и мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и на сочиненіе россійской исторіи и на украшеніе россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько времени, чтобы ихъ употребить на физическіе и химическіе опыты, которые мнѣ не токмо отмѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лекарства служить имѣютъ». Ломоносовъ остался вѣренъ этимъ словамъ: онъ до конца дней своихъ продолжалъ дѣлать опыты и изысканія въ области химіи и физики, но дѣйствительно сталъ удѣлять имъ, за недосугомъ, все меньше и меньше времени. Объ этомъ слѣдуетъ только пожалѣть, такъ какъ работы его за первые 10 лѣтъ академической службы были настолько глубоки, серьезны и замѣчательны, что заставляли геніальнаго Эйлера восхищаться ими.

Въ 1750 году, въ первомъ томѣ «Новыхъ Комментарій» были напечатаны четыре его сочиненія. Вотъ ихъ заглавія:

1) «Размышленія о причинахъ теплоты и стужи»; 2) «Опытъ теоріи о упругости воздуха» и «Дополненія къ размышленіямъ объ упругости воздуха»; 3) «Разсужденіе о дѣйствіи химическихъ растворяющихъ средствъ» и 4) «О движеніи воздуха въ рудникахъ».

Всѣ эти диссертаціи, за исключеніемъ послѣдней, были представлены Ломоносовымъ на судъ академическаго собранія. За эти работы Ломоносовъ признанъ былъ достойнымъ званія профессора. Тогда Шумахеръ, съ какою-то тайною цѣлью, послалъ эти сочиненія къ Эйлеру и просилъ дать о нихъ свой отзывъ.

Вотъ отвѣтъ геніальнаго ученаго: «Всѣ сіи диссертаціи не токмо хороши, но и весьма превосходны, ибо онъ пишетъ о матеріяхъ физическихъ и химическихъ весьма нужныхъ, которыя по нынѣ не знали и истолковать не могли самые остроумные люди, что онъ учинилъ съ такимъ успѣхомъ, что я совершенно увѣренъ о справедливости его изъясненій». (Переводъ самого Ломоносова),

Странно, что всѣ эти диссертаціи, такъ понравившіяся главарю всей европейской науки того времени, прошли почти незамѣченными въ ученомъ мірѣ, когда появились въ нашихъ «Комментаріяхъ».

ГЛАВА V.

Практическій характеръ работъ въ химической лабораторіи. — Разноцвѣтныя стекла. — Разнообразныя занятія. — Ломоносовъ подноситъ Государынѣ мозаичный образъ. — Требованіе учениковъ для обученія мозаичному искусству. — „Всенижайшее предложеніе о учрежденіи здѣсь мозаичнаго дѣла“. — Портретъ Петра Великаго. — Просьба въ сенатъ о пособіи для устройства стеклянной фабрики. — Удача. — Письмо о пользѣ стекла. — Поѣздка въ Москву. — Столкновеніе съ Шумахеромъ. — Полученіе паспорта. — Высочайшее именное повелѣніе. — „Надпись на оказаніе высочайшей милости Ея Величества, 1753 года“. — Крупный заказъ. — „Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ“. — Смерть Рихмана. — Письмо къ И. Шувалову. — Отзывы объ этомъ «Словѣ» профессоровъ Любимова и Спасскаго. — Отношеніе къ той же работѣ сотоварищей Ломоносова. — Отзывъ Эйлера. — Старанія иноземцевъ-академиковъ повредить славѣ Ломоносова. — Заграничныя сатиры на нашего ученаго. — Мнѣніе Эйлера. — Безтактность Ломоносова. — Двѣ литературныя партіи. — И. Шуваловъ стравливаетъ Ломоносова съ Сумароковымъ для своей потѣхи. — Отношеніе нашего поэта къ „сильнымъ міра сего“.

Съ первымъ-же годомъ существованія химической лабораторіи при академіи, Ломоносовъ придалъ своимъ работамъ по химіи практическій характеръ. На это слѣдуетъ смотрѣть не только, какъ на свидѣтельство того, что свѣтлый, могучій и пытливый умъ нашего ученаго, постоянно стремившагося къ широкимъ научнымъ обобщеніямъ, не чуждъ былъ и практическаго направленія въ своей мысли. Мы уже упоминали, что общество современное Ломоносову, вслѣдствіе своего низкаго уровня образованія, признало за наукой дѣйствительно серьезныя заслуги только тогда, когда научныя открытія имѣли непосредственное отношеніе къ повседневной жизни и облегчали выполненіе тѣхъ или другихъ практическихъ задачъ. Нашъ академикъ былъ страстный поклонникъ наукъ, постоянно хлопоталъ о процвѣтаніи и распространеніи ихъ въ Россіи и отлично понималъ, насколько необходимо для этого убѣдить и заставить вѣрить окружающее его общество въ пользѣ, приносимой научными истинами. Ломоносовъ торжествовалъ каждый разъ, когда ему удавалось сдѣлать что-нибудь въ этомъ направленіи.

Еще въ январьскую треть 1749 года онъ приступилъ уже къ опытамъ, «до крашенія стеколъ надлежащимъ». Съ тѣхъ поръ работы по изысканію способовъ приготовленія красокъ для стеколъ, затѣмъ берлинской лазури, бакана венецейскаго и т. д. не прекращались втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ-рядъ.

Какъ видно изъ собственноручныхъ докладовъ Ломоносова, работы его по приготовленію разноцвѣтныхъ стеколъ въ 50 и 51 году шли весьма успѣшно, хотя въ то-же время ему приходилось заниматься разсмотрѣніемъ и исправленіемъ переводовъ, сочиненіемъ стихотворныхъ надписей на иллюминаціи, подготовительными работами по исторіи, составленіемъ новой теоріи о цвѣтахъ, сочиненіемъ, по приказанію Императрицы, двухъ трагедій «Тамира и Селимъ» и «Демофонтъ», которыя впрочемъ не имѣли никакого успѣха, изобрѣтеніемъ новыхъ физическихъ инструментовъ и производствомъ многочисленныхъ физическихъ и химическихъ опытовъ; тогда-же онъ началъ составлять новую грамматику, сочинилъ «начало третьей книги краснорѣчія о стихотворствѣ вообще», читалъ лекціи по химіи, давалъ уроки студенту Поповскому и И. Шувалову, составлялъ съ Кондратовичемъ словарь, работалъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, спорилъ съ Мюллеромъ и т. д. и т. д. Нельзя не удивляться многочисленности и разнообразію всѣхъ этихъ занятій, такъ ярко показывающихъ поразительное разнообразіе его способностей. Невольно припоминаются здѣсь слова Пушкина: «Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Жажда науки была сильнѣйшею страстію сей души, исполненной страстей. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ, онъ все испыталъ и все проникъ».

Однако вернемся къ химической лабораторіи.

Въ августѣ мѣсяцѣ 51 г. Ломоносовъ уже рѣшился представить императрицѣ, черезъ графа Воронцова, пробы мозаичныхъ составовъ. Ученый пользовался удобнымъ случаемъ и просилъ своего покровителя Шувалова похлопотать за него, чтобы ему удобнѣе и свободнѣе было «производить въ дѣйствіе» его «въ наукахъ предпріятія». Вѣроятнѣе всего, что представленныя государынѣ пробы мозаики произвели на нее благопріятное впечатлѣніе: вскорѣ послѣ этого Ломоносовъ занялся составленіемъ мозаичнаго образа, который онъ окончилъ къ сентябрю 1752 года, и 4-го числа того-же мѣсяца поднесъ его императрицѣ. Образъ, по словамъ нашего ученаго, «составленъ... съ оригинала славнаго римскаго живописца Солимена; всѣхъ составныхъ кусковъ поставлено больше 4000, все его руками; а для изобрѣтенія составовъ сдѣлано 1184 опыта въ стеклянной печи».

Первый опытъ вышелъ весьма удачнымъ. 24 сентября 52 г.,

Ломоносовъ просилъ академическую канцелярію дать ему учениковъ для обученія мозаичному дѣлу, «ибо онъ, изобрѣвъ къ сему дѣлу всѣ способы и показать можетъ довольно, но самъ всегда въ томъ не можетъ упражняться, желая служить отечеству другими знаніми и науками». Канцелярія не замедлила распорядиться о прикомандированіи къ нашему ученому двухъ учениковъ «изъ вѣдомства мастера Гриммеля», а именно Васильева и Мельникова. Но Ломоносову этого было уже мало, и 25 сентября 52 г. онъ подалъ «всенижайшее предложеніе о учрежденіи здѣсь мозаичнаго дѣла». Въ этомъ предложеніи нашъ академикъ убѣдительно объяснялъ, что изобрѣтенные имъ мозаичные составы нисколько не уступаютъ римскимъ; что изъ нихъ можно набирать образа и портреты и что для учрежденія мозаичнаго дѣла слѣдуетъ отдать 6 учениковъ въ обученіе къ нему, назначить особый домъ изъ числа конфискованныхъ правительствомъ, а на содержаніе всего заведенія отпускать ежегодно 3710 р. Ломоносовъ увѣрялъ далѣе, что если будутъ изготовляться «на продажу мозаичные столы, кабинеты, зеркальныя рамы, *шкатули*, табакерки и другіе домашніе уборы и галантереи, то будутъ сіи заводы сами себя окупать и со временемъ приносить прибыль... Сіе все имѣетъ служить къ постоянному украшенію церквей и другихъ знатныхъ зданій, а особливо къ славѣ Ея Императорскаго Величества».

Правительство не дало утвержденія этому проекту; вѣроятнѣе всего, что затраты, исчисленныя Ломоносовымъ весьма скромно, всетаки показались несоразмѣрно большими по сравненію съ той пользой, которую могло принести это предпріятіе.

Но Ломоносовъ былъ не изъ числа людей, складывающихъ оружіе при первой-же неудачѣ. Напротивъ, нашъ академикъ, не теряя времени, сталъ съ своими учениками набирать портретъ Петра Великаго и, спустя нѣкоторое время, подалъ въ сенатъ прошеніе, въ которомъ просилъ правительственнаго пособія для устройства «фабрики дѣланія изобрѣтенныхъ имъ разноцвѣтныхъ стеколъ, и изъ нихъ бисеру, пронизокъ и стеклярусу и всякихъ другихъ галантерейныхъ вещей и уборовъ, чего еще по нынѣ въ Россіи не дѣлаютъ, но привозятъ изъ-за моря великое количество»...

Въ своей просьбѣ онъ ссылался на регламентъ мануфактуръ-коллегіи. «которымъ позволены всякаго чина людямъ въ Россіи, гдѣ кто заблагоразсудитъ, фабрики и мануфактуры заводить и распространять, какія въ чужестранныхъ государствахъ находятся, а особливо такія, для которыхъ матеріалы въ Россійскомъ государствѣ

найтись могутъ, обѣщая тѣмъ заводчикамъ денежное и всякое Высочайшее обнадеживаніе».

На основаніи этого Ломоносовъ просилъ, чтобы ему для его фабрики «отвесть въ Копорскомъ уѣздѣ село Ополье или въ другихъ уѣздахъ С.-Петербурга не далѣе полутораста верстъ, гдѣ-бы мужескаго пола около 200 душъ имѣлось, съ принадлежащими угодьями, и потому-же лѣсу и крестьянамъ быть при той фабрикѣ вѣчно и никуда ихъ не отлучать, ибо наемными людьми, за новостью, той фабрики въ совершенство привести не можно»... Но академикъ хорошо предвидѣлъ, что сенатъ, отказывая въ его просьбѣ, могъ-бы сослаться на то, что въ указанномъ регламентѣ ничего не говорится о раздачѣ деревень для заведенія фабрикъ. Ломоносовъ доказывалъ, что это заключается «подъ именемъ всякаго вспоможенія». Затѣмъ онъ просилъ о единовременномъ пособіи въ 4.000 рублей, которые обѣщался выплатить въ 5 лѣтъ, и о выдачѣ ему монополіи на 30 лѣтъ.

Сенатъ нашелъ ходатайство нашего академика заслуживающимъ полнаго удовлетворенія и подалъ государынѣ докладъ съ такимъ представленіемъ, что «не соизволитъ-ли Ея Императорское Величество то село Ополье, для заведенія вышеобъявленной нужной государству фабрики, со всѣми къ тому селу принадлежащими угодьями ему Ломоносову пожаловать и быть тому селу при оной фабрикѣ... вѣчно неотъемлему, дабы онъ, Ломоносовъ, имѣя въ томъ твердую надежду и проча ее себѣ и потомкамъ своимъ, могъ тому своему художеству, употребя изъ находящихся въ ономъ селѣ молодыхъ людей, совершенно обучить»... Далѣе сенатъ ходатайствуетъ объ удовлетвореніи всѣхъ просьбъ Ломоносова, за исключеніемъ только одной. Нашъ академикъ просилъ, чтобы былъ запрещенъ ввозъ изъ-за границы всѣхъ товаровъ, которые онъ намѣревался приготовлять на своей фабрикѣ. Сенатъ по поводу этого ограничился только однимъ замѣчаніемъ: «о томъ надлежащее распоряженіе учинено будетъ въ то время, какъ его фабрика въ размноженіе придетъ и вышеозначенныхъ вещей съ довольствомъ дѣлано будетъ».

Это сенатское представленіе было утверждено съ нѣкоторыми измѣненіями только въ 53 году. Между тѣмъ въ декабрѣ мѣсяцѣ того-же 52 года велѣно было академической типографіи печатать его знаменитое стихотвореніе «Письмо о пользѣ стекла» къ И. Шувалову. О причинахъ, побудившихъ Ломоносова написать это произведеніе, разсказывается слѣдующій анекдотъ.

Однажды нашъ поэтъ, въ кафтанѣ со стеклянными пуговицами,

обѣдалъ у И. Шувалова. Одинъ изъ знатныхъ гостей, разсматривая знаменитаго ученаго, замѣтилъ эти пуговицы и будучи, надо полагать, аккуратнымъ послѣдователемъ моды, не удержался отъ замѣчанія, что такихъ пуговицъ теперь больше не носятъ. Ломоносовъ возразилъ, что носитъ стеклянныя пуговицы не по модѣ, а изъ уваженія къ стеклу, и нашъ ученый съ такимъ воодушевленіемъ сталъ разсказывать о пользѣ, приносимой стекломъ въ домашнемъ быту, въ ремеслахъ, художествахъ, наукахъ и т. д.. что хозяинъ пришелъ отъ этихъ изъясненій въ восторгъ и просилъ его написать все это въ стихахъ. Ломоносовъ исполнилъ его просьбу.

Пекарскій въ своемъ солидномъ трудѣ высказываетъ соображеніе, что «навѣрное въ тѣ времена были скептики, не вѣрившіе въ великія выгоды, которыя обѣщались Россіи отъ учрежденія съ значительнымъ пособіемъ отъ казны такой фабрики, и этихъ-то скептиковъ имѣлъ въ виду Ломоносовъ, начиная свое письмо:

Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ,
Приманчивымъ лучомъ блистающимъ въ глаза:
Не меньше пользы въ немъ, не меньше въ немъ краса.

При этомъ въ выноскѣ Пекарскій говоритъ: «Что такіе скептики существовали, это доказываетъ отзывъ десятилѣтняго Великаго Князя Павла Петровича, когда онъ узналъ о смерти Ломоносова, что его нечего жалѣть: «казну только разорялъ и ничего не сдѣлалъ». Разумѣется, что эти слова могли относиться ни къ чему другому, какъ къ мозаичной фабрикѣ Ломоносова, и Великій Князь говорилъ такъ со словъ другихъ». (Русскій архивъ, 1869, № 1, стр. 13).

Мнѣ кажется, что эти соображенія гораздо менѣе вѣроятны, чѣмъ приведенный незатѣйливый анекдотъ. Этому противорѣчитъ спокойное, хотя и высокопоэтическое вдохновеніе, съ какимъ написано все стихотвореніе. Когда Ломоносовъ защищается отъ нападеній враговъ, имъ всегда овладѣваетъ всецѣло раздраженіе и негодованіе, не допускающія ни спокойствія, ни вдохновенія. Страстный и несдержанный, онъ въ походахъ противъ своихъ непріятелей всегда является, такъ сказать, вооруженнымъ дубиной, которой и бьетъ по головѣ врага со всего размаха. Что-же касается до скептиковъ, упоминаемыхъ Пекарскимъ, то вѣроятно они имѣлись въ наличности и въ то время,—но нельзя же подтверждать это вышеуказаннымъ замѣчаніемъ великаго князя Павла. Рѣзкое замѣчаніе малолѣтняго великаго князя было высказано почти черезъ 13 лѣтъ послѣ

того, когда Ломоносовъ просилъ о разрѣшеніи устроитъ стеклянную фабрику. Тогда, конечно, могли явиться скептики, такъ какъ дѣла фабрики были въ неказистомъ видѣ.

Дни проходили за днями, а сенатское представленіе все еще не получало высочайшаго утвержденія.

Ломоносовъ рѣшился лично обратиться къ государынѣ съ прошеніемъ, а для этого ему нужно было ѣхать въ Москву, куда незадолго передъ этимъ опять отправился весь дворъ.

Пришлось просить Шумахера объ отпускѣ; совѣтникъ канцеляріи отказалъ. Само собой разумѣется, что все это сопровождалось весьма крупнымъ разговоромъ, котораго мы здѣсь приводить не станемъ, чтобы не удлинять нашего очерка.

Получивъ отказъ въ отпускѣ отъ канцеляріи, Ломоносовъ обратился къ главноначальствовавшему тогда въ Петербургѣ М. Голицыну. Попытка удалась, и паспортъ на проѣздъ въ Москву былъ полученъ изъ сенатской конторы.

Чтобы была понятна эта смѣлость личнаго обращенія къ государынѣ, замѣтимъ здѣсь, что императрица не разъ показывала ему знаки своего благоволенія. Еще въ 1750 г. нашъ ученый, вмѣстѣ съ Шуваловымъ былъ принятъ ею въ Царскомъ Селѣ, и она при этомъ оказала «Высочайшую Монаршескую милость». Въ чемъ эта послѣдняя заключалась—до сихъ поръ нѣтъ основательныхъ указаній. Затѣмъ въ 1751 г., въ мартѣ мѣсяцѣ, исполнилось давнишнее желаніе Ломоносова имѣть чинъ. Собственноручнымъ указомъ императрица произвела Ломоносоа въ коллежскіе совѣтники съ жалованьемъ по 1200 рублей.

Мозаичный образъ, который нашъ академикъ поднесъ государынѣ былъ принятъ съ выраженіемъ благодарности.

Все это ободряло его, да кромѣ того онъ былъ увѣренъ, что его покровитель и другъ И. Шуваловъ замолвитъ за него доброе словечко.

Разсчетъ оказался вѣрнымъ, и поѣздка въ Москву увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. 15 марта 53 года, состоялось именное повелѣніе «.....дать ему Ломоносову, для работъ на фабрикѣ въ Копорскомъ уѣздѣ—изъ Коважской мызы отъ деревни Шишкиной 136, изъ деревни Калищъ 29, изъ деревни Усть-Рудицъ 12, отъ мызы Горья Валдой изъ деревни Перекули и Липовой 34—всего 211 душъ со всѣми къ нимъ принадлежащими по описнымъ книгамъ землями»... Въ высочайшей грамотѣ на пожалованіе этихъ крестьянъ выражалось обнадеживаніе Ломоносова, что эта фабрика не будетъ отнята ни у него, ни у его потомковъ, если она будетъ содержаться въ добромъ порядкѣ. До сихъ

поръ пожалованныя Ломоносову дачи находятся во владѣніи его потомковъ по женской линіи — Н. М. Орлова и гг. Раевскихъ.

Обрадованный Ломоносовъ сочинилъ такую «Надпись на оказаніе Высочайшей милости Ея Величества 1753 года»:

Монархиня, Твоя прещедрая рука
Обиліе намъ льетъ и радость, какъ рѣка;
Сильнѣе, нежели ключей кастальскихъ токи,
Стремленіе къ стихамъ и духъ даетъ высокій.
О, радостный восторгъ; куда я полечу?
Но большее языкъ богатство словъ являетъ,
Когда умѣренно веселіе бываетъ:
Веселіе мое безмѣрно, — я молчу.

Замѣчательно, что тотъ-же самый И. Шуваловъ, который оказалъ Ломоносову сильную поддержку въ его просьбѣ передъ императрицею, убѣждалъ его не покидать занятій науками ради фабрики и вообще совѣтовалъ ему быть въ поступкахъ своихъ осторожнымъ.

Мы не станемъ распространяться здѣсь о дальнѣйшей судьбѣ его стеклянныхъ фабрикъ. Скажемъ только, что Ломоносову, въ концѣ концовъ, удалось получить отъ правительства крупный заказъ. Ему поручено было украсить восемью мозаичными картинами многосложный и роскошный памятникъ Петру Великому; монументъ предполагалось поставить въ Петропавловскомъ соборѣ.

Одну изъ картинъ, изображавшую полтавскій бой, нашему академику удалось вполнѣ окончить и вѣроятно сдать. «Но куда и когда она была сдана, кто былъ судьею выполненія и каковъ былъ отзывъ, неизвѣстно» — замѣчаетъ Билярскій. Подъ вліяніемъ указаннаго крупнаго заказа, — съ 1761 г. Ломоносовъ сталъ получать за эти работы по 13.460 рублей въ годъ, — фабрика его оставила стеклянное производство и занялась исключительно мазаичнымъ дѣломъ. Вторая картина, представлявшая взятіе Азова. за смертію нашего ученаго, осталась недоконченной, — куда она дѣвалась, остается также неизвѣстнымъ.

1753 годъ памятенъ въ жизни Ломоносова еще и тѣмъ, что въ этомъ году онъ написалъ наиболѣе замѣчательную изъ своихъ работъ: «Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ».

Лишь только въ 1752 году пришли въ Петербургъ извѣстія объ открытіи Франклиномъ воздушнаго электричества, академикъ Рихманъ и Ломоносовъ стали заниматься этимъ вопросомъ. Рихманъ произвелъ цѣлый рядъ новыхъ опытовъ, которыми, на ряду съ лич-

ными наблюденіями, Ломоносовъ воспользовался для составленія новой теоріи, объясняющей воздушныя электрическія явленія.

Оба ученыхъ намѣревались познакомить общество со своими трудами на публичномъ актѣ 53 года. Но Рихмана 26 іюля 1753 года убило громомъ. Счастливая случайность спасла Ломоносова отъ такой-же печальной участи. Въ письмѣ о смерти товарища къ И. Шувалову нашъ академикъ пишетъ: «что я нынѣ къ вашему превосходительству пишу за чудо почитайте, для того, что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь живъ-ли я, или мертвъ. Я вижу, что г. профессора Рихмана громомъ убило въ тѣхъ-же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ въ то-же самое время». Дальнѣйшее содержаніе письма подтверждаетъ эти слова. Замѣчательно, что пораженный несчастнымъ случаемъ Ломоносовъ больше всего боится, чтобы смерть Рихмана не была перетолкована въ русскомъ обществѣ, какъ убѣдительное свидѣтельство вреда отъ наукъ для Россіи. Ломоносовъ съ увлеченіемъ говоритъ, что Рихманъ умеръ прекрасной смертью, исполняя свой долгъ и стоя на посту. который указала ему наука; затѣмъ нашъ ученый положительно умоляетъ Шувалова обезпечить несчастную вдову. чтобы она могла сына своего, маленькаго Рихмана, воспитать и обучить, «чтобы и онъ такой-же былъ любитель наукъ, какъ его отецъ».

Послѣ всевозможныхъ препятствій, которыя ставила Ломоносову канцелярія, а затѣмъ и академики-товарищи, М. В. удалось прочитать свою рѣчь на публичномъ актѣ. Его «Слово» было отпечатано потомъ на латинскомъ и русскомъ языкѣ, но осталось опять-таки почти незамѣченнымъ со стороны ученаго міра Европы. Причину этого слѣдутъ искать въ томъ, что рѣчь его была напечатана въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ и притомъ въ такомъ отдаленномъ городѣ, какимъ являлся въ то время Петербургъ; кромѣ того ученые не имѣли привычки слѣдить за актовыми рѣчами, такъ какъ онѣ предлагались для публики и обыкновенно новыхъ открытій въ себѣ не содержали.

Тѣмъ не менѣе «Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ» представляетъ на столько геніальный и глубокій трудъ нашего ученаго, что даетъ намъ полное право поставить имя Ломоносова рядомъ съ именемъ знаменитаго Франклина.

Вотъ что говоритъ по этому поводу профессоръ московскаго университета Н. А. Любимовъ въ своей рѣчи «Ломоносовъ, какъ физикъ»: «Ломоносовъ жадно слѣдилъ за движеніемъ науки и вскорѣ послѣ того, какъ узналъ объ открытіи Франклина, рѣшился самъ

повторить его опыты и составилъ цѣлую теорію воздушныхъ электрическихъ явленій, которая во многихъ пунктахъ сходится съ теоріей Франклина, а во многихъ превышаетъ ее. Замѣчательно, что Ломоносовъ составилъ свои теоретическіе взгляды на атмосферныя электрическія явленія, еще не читая классическихъ «Писемъ Франклина», которыя попались ему подъ руку, когда уже большая часть «Слова объ электричествѣ», была готова. Со свойственною ему воспріимчивостью Ломоносовъ угадалъ,—въ чемъ состоятъ главные вопросы въ области этого предмета, и составилъ теорію, которая можетъ быть превышаетъ всѣ современныя ему понятія о воздушномъ электричествѣ... Ломоносовъ относитъ сѣверное сіяніе къ числу электрическихъ явленій атмосферы. Онъ объясняетъ это явленіе электричествомъ, возбуждаемымъ въ воздухѣ полярныхъ странъ отъ погруженія верхняго холоднаго воздуха въ нижній и скопляющимся въ самыхъ высшихъ слояхъ атмосферы, гдѣ оно свѣтится, какъ въ пространствѣ, въ которомъ разрѣженъ воздухъ. Теорія сѣвернаго сіянія составлена Ломоносовымъ независимо отъ подобной-же теоріи Франклина, которая имъ кратко выражена въ «письмахъ»... Ломоносовъ относитъ хвосты кометъ и зодіакальный свѣтъ также къ электрическимъ явленіямъ. Въ его эпоху многіе ученые (въ числѣ прочихъ Меранъ и Эйлеръ) видѣли въ сѣверномъ сіяніи связь съ зодіакальнымъ свѣтомъ и хвостами кометъ. Но ихъ объясненія сѣвернаго сіянія ниже объясненій Ломоносова».

Профессоръ Спасскій, въ своей рѣчи «Объ успѣхахъ метеорологіи замѣчаетъ между прочимъ: «Изложенная во всей подробности Ломоносовымъ смѣлая теорія погруженія верхняго холоднаго воздуха въ нижній осталась неизвѣстною западнымъ ученымъ. При объясненіи важности въ метеорологическихъ явленіяхъ такъ называемыхъ восходящихъ потоковъ воздуха, вся честь приписывается Соссюру по той причинѣ, что Соссюръ изложилъ ее на основаніи непосредственныхъ своихъ наблюденій. Ломоносовъ въ основаніи своей теоріи совершенно вѣренъ природѣ и, еще прежде Соссюра, указалъ на значеніе этихъ потоковъ»...

Не такъ сочувственно отнеслись къ этой работѣ академическіе сотоварищи Ломоносова. Въ засѣданіи 26 октября, академики Гришовъ, Браунъ и Поповъ подали письменныя «сумнительства», которыя они находили въ рѣчи Ломоносова. Оказывается, что они совсѣмъ не вѣрили теоріи электрическихъ явленій Ломоносова, и говорили, что и до него Франклинъ, Эйлеръ, Кейль, Моньеръ объясняли электричествомъ происхожденіе феноменовъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ «Словѣ». Короче говоря, этимъ академикамъ хотѣлось намекнуть,

что работа нашего ученаго не самостоятельна и заимствована у Франклина. Понятно, что это обвиненіе оскорбило и возбудило Ломоносова до послѣдней степени. Шумахеръ тоже сталъ на сторону вышепоименованныхъ академиковъ и отложилъ публичный актъ. Тогда Ломоносовъ обратился къ помощи И. Шувалова и вмѣстѣ съ нимъ сталъ дѣйствовать на президента.

Лишь только «Слово» вышло въ свѣтъ, какъ Шумахеръ отправилъ это сочиненіе къ Эйлеру, Гейнзіусу и Крафту, бывшимъ, какъ извѣстно, почетными членами нашей Академіи. Эйлеръ прислалъ отзывъ, въ которомъ писалъ, что прочелъ новую работу съ величайшимъ удовольствіемъ и нашелъ объясненія Ломоносова остроумными и вѣроподобными; тутъ знаменитый математикъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ распространяется о счастливыхъ дарованіяхъ нашего ученаго. Понятно, что не такого отвѣта ждалъ Шумахеръ съ компаніей. Имъ всѣмъ гораздо болѣе понравились отвѣты Гейнзіуса и Крафта, усердныхъ сторонниковъ Шумахера. Они нашли злополучную работу по мысли недурной, но вовсе не новой, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказали нѣкоторыя сомнѣнія и опроверженія на доказательства нашего академика. Шумахеръ былъ въ восторгѣ и поторопился переслать ихъ письма президенту, чтобы поколебать высокое мнѣніе графа К. Разумовскаго объ ученыхъ заслугахъ Ломоносова.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что иноземцы-академики очень недолюбливали нашего ученаго и постарались сколько могли, повредить его славѣ. Въ 1754 году начали появляться въ заграничныхъ журналахъ крайне пристрастные критическіе разборы статей Ломоносова, помѣщенные въ «Новыхъ Комментаріяхъ». Затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, нѣмецкій магистръ Іоганнъ-Христофъ Арнольдъ выступилъ съ диссертаціей, опровергающей ломоносовскую гипотезу теплоты. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ записокъ, нашъ академикъ прямо сказалъ, что давній врагъ его, исторіографъ Мюллеръ, подучалъ писать заграницей неодобрительныя критики на его сочиненія. Въ этомъ утвержденіи Ломоносова, несомнѣнно, заключается доля истины. Иначе зачѣмъ-же было и Шумахеру и Мюллеру пересылать, какъ можно скорѣе, всѣ статьи Ломоносова къ заграничнымъ ученымъ, причемъ обыкновенно добавлялось, что авторъ статей хвастается своими новыми открытіями. Но этого иноземнымъ академикамъ было мало, они обратились къ иностраннымъ стихоплетамъ и просили ихъ писать сатиры на Ломоносова. Одна изъ нихъ сохранилась до нашихъ дней.

Возмущенный Ломоносовъ написалъ антикритику на разборъ лейпцигскаго журнала его теоріи теплоты и отослалъ ее къ Эйлеру.

Этотъ ученый отвѣчалъ письмомъ, въ которомъ описавъ наглость и недобросовѣстность подобныхъ критиковъ, говоритъ: «наша (берлинская) академія сама испытала это: ея мемуары критиковались подобными писателями, между которыми первенствуетъ лейпцигскій профессоръ Кестнеръ. какъ-бы руководящій всѣми литературными извѣстіями Лейпцига, Геттингена и Гамбурга... Кто смотритъ на вещи не поверхностно и знаетъ имъ цѣну, тотъ не долженъ принимать къ сердцу сужденія, столь пустыя и противныя очевидности.

Ломоносовъ, чрезвычайно обрадованный этимъ письмомъ, позволилъ себѣ большую безтактность, въ которой ему пришлось потомъ немало раскаяваться: онъ напечаталъ письмо Эйлера. Ломоносовъ забылъ при этомъ даже спросить Эйлера, желаетъ-ли онъ огласки своего частнаго письма. Понятно, что этотъ поступокъ вызвалъ справедливое негодованіе знаменитаго геометра, который вскорѣ послѣ этого писалъ Шумахеру: «Впередъ, когда мнѣ случится писать такимъ людямъ, буду осторожнѣе и отложу въ сторону всякую откровенность».

Но не будемъ слишкомъ строги къ Ломоносову и напомнимъ читателю, что въ это время самолюбіе его было раздражено также и литературными врагами.

При дворѣ Елизаветы въ описанную эпоху уже образовались двѣ партіи. Одна изъ нихъ «болѣе многочисленная и сильная, держалась такъ называвшагося тогда стараго двора, который находился вполнѣ въ распоряженіи Шуваловыхъ; другая менѣе значительная, состояла изъ приверженцевъ великой княгини Екатерины Алексѣевны и считала своими покровителями графовъ Разумовскихъ»,—говоритъ Пекарскій. Шуваловы покровительствовали Ломоносову, а Разумовскіе «держали въ милости» Сумарокова. Поименованные писатели имѣли каждый своихъ почитателей, которые также враждовали между собой, какъ и ихъ главари. Шуваловъ, будучи уже старикомъ, разсказывалъ съ циничной откровенностью, какъ онъ потѣшался, стравливая Ломоносова съ Сумароковымъ. Эти литературныя ссоры, сопровождаемыя эпиграммами и сатирами, доставляли немалое удовольствіе знатнымъ любителямъ изящной словесности, и они старались еще болѣе подзадорить горячихъ и самолюбивыхъ писателей.

Къ чести Ломоносова нельзя не упомянуть, что если онъ и пользовался покровительствомъ Шувалова и другихъ, то никогда не низкопоклонствовалъ передъ ними и не позволялъ себѣ, унижаясь передъ ними, унижать и то искусство, которому служилъ. Прямая, честная, широкая и страстная натура не позволяла ему ронять такимъ поведеніемъ свое человѣческое достоинство.

Въ угоду знатнымъ покровителямъ онъ не только не измѣнялъ

своимъ убѣжденіямъ, но и не дѣлалъ имъ даже уступокъ. Въ этомъ отношеніи крайне характеренъ тотъ отпоръ, который онъ далъ Шувалову, когда этотъ послѣдній, вѣроятно чувствуя за собою долю вины, вздумалъ мирить нашего поэта съ Сумароковымъ. Ломоносовъ отвѣчалъ письмомъ: «Никто въ жизни меня больше не изобидѣлъ, какъ Ваше Высокопревосходительство. Призвали Вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть, какое-нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ... Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! т. е. сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ человѣкомъ, отъ коего всѣ бѣгаютъ, и Вы сами не рады. Ваше Высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ... Не только у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей, дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ не отниметъ».

Съ такою смѣлостью и твердостью, опираясь всегда на чистоту своихъ намѣреній и правдивость своихъ убѣжденій, Ломоносовъ дѣйствовалъ и писалъ всегда, не отступая ни передъ какими препятствіями и совсѣмъ не разбирая, къ кому обращалась рѣчь его. Читая нѣкоторыя изъ его писемъ, иногда просто поражаешься ихъ смѣлостью, которая почти граничитъ съ дерзостью и нахальствомъ. Но это было не болѣе, какъ выраженіе жара его страстной души, не смягченной никакимъ воспитаніемъ.

ГЛАВА VI.

Новая комиссія. — Участіе Ломоносова въ учрежденіи Московскаго университета.—Коммиссія для сочиненія новаго регламента.—«Всенижайшее мнѣніе о исправленіи Санктпетербургской Академіи наукъ». — Столкновеніе съ Тепловымъ. — Выговоръ Ломоносову. — Прошеніе Государынѣ.—Ломоносовъ завѣдуетъ учебными и учеными частями Академіи.—Большой атласъ Россійской имперіи.— Новые регламенты для гимназіи и университета.—Гимназія и университетъ отданы въ «единственное смотрѣніе» Ломоносова.—Ученое предпріятіе. — Новый журналъ.– Русская грамматика.—Теорія свѣта. — Обвиненіе Ломоносова въ кощунствѣ и оскорбленіяхъ духовенства.—«Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли».—«Разсужденіе о большой точности морского пути».—Атмосфера вокругъ Венеры.—«О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа».

Дѣятельность Ломоносова за послѣднія десять лѣтъ его жизни прошла главнымъ образомъ въ постоянныхъ стараніяхъ его устроить нашу Академію и учебныя учрежденія при ней.

Въ 1754 году, вслѣдствіе сообщеній нашего академика И. Шувалову, графъ К. Разумовскій обратилъ вниманіе на множество второстепенныхъ служащихъ при Академіи, большинство изъ которыхъ не приносило ей никакой пользы. Президентъ поручилъ совѣтнику Шумахеру вмѣстѣ съ Ломоносовымъ, Мюлеромъ и Штелиномъ разсмотрѣть, нѣтъ-ли среди «находящихся нынѣ—на лицо въ штатѣ, такъ и сверхъ штата служителей, въ которыхъ искусства, пользы и дальней или никакой нужды признано не будетъ и безъ которыхъ во исправленіе коихъ-либо дѣлъ обойтиться можно; также нѣтъ-ли и такихъ, которые хотя и въ штатѣ есть, но или должности своей не отправляютъ за какими-либо собственными пороками или и способности къ тому не имѣютъ,—такихъ всѣхъ съ суммы академической сбавить, а надобныхъ только оставить».

Ломоносовъ принялся за это дѣло съ обычной своей энергіей, но все-таки весь трудъ комитета остался безъ послѣдствій. Нашъ академикъ писалъ Шувалову: «иной боится отрѣшить... чтобы не раздражить какого-нибудь знатнаго господина: иной говоритъ, что онъ бѣденъ. Однако прошу меня извинить—не могу всѣхъ пристрастей и всѣхъ обстоятельствъ изобразитъ. Словомъ: съ одного конца Академію хотятъ починивать, а съ другого портятъ... окончаніе сего дѣла ясно покажетъ, и я никогда по чистой моей совѣсти не останусь лживымъ человѣкомъ». Коммиссія представила свой докладъ президенту, но этотъ послѣдній почему-то оставилъ его безъ вниманія.

Въ томъ-же году Ломоносовъ принималъ дѣятельное участіе въ развитіи и осуществленіи плодотворной мысли—учредить въ Москвѣ первый университетъ. Теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это высшее учебное заведеніе обязано своимъ возникновеніемъ стараніямъ Ломоносова, который и внушилъ Шувалову мысль взяться за это дѣло.* Вѣроятнѣе всего, что весь проектъ университета, поданный въ сенатъ Шуваловымъ, былъ составленъ однимъ нашимъ ученымъ. По крайней мѣрѣ въ этотъ проектъ вошли цѣликомъ многіе параграфы изъ письма Ломоносова, гдѣ онъ излагалъ свое мнѣніе объ устроеніи Московскаго университета и обѣщалъ прислать черезъ 5 дней подробный планъ его. Императрица Елизавета утвердила проектъ университета 12 января 1755 года.

Упомянемъ здѣсь добрымъ словомъ—стараніе Ломоносова, чтобы указанный проектъ былъ составленъ какъ можно шире и съ теченіемъ времени не требовалъ-бы передѣлокъ. «Главное мое основаніе, сообщенное вашему превосходительству, весьма помнить должно, чтобы планъ университета служилъ во всѣ будущіе годы. Того

ради, несмотря на то, что у насъ нынѣ нѣтъ довольства людей ученыхъ, положить въ планѣ профессоровъ и жалованныхъ студентовъ довольное число. Сначала можно приняться тѣми, сколько найдутся. Со временемъ комплектъ наберется. Остальную съ порожнихъ мѣстъ сумму полезнѣе употребить на собраніе университетской библіотеки, нежели сдѣлавъ нынѣ скудный и узкій планъ по скудости ученыхъ, послѣ, какъ размножатся, оный снова передѣлывать и просить о прибавкѣ суммы».

Въ томъ-же году, съ увлеченіемъ и жаромъ, котораго не могли охладить даже зрѣлый возрастъ и болѣзни, Ломоносовъ велъ упорную борьбу со своими врагами, благодаря чему его ученыя и литературныя занятія отступали на второй планъ. Тогда была учреждена коммиссія для сочиненія новаго уложенія, причемъ Таубертъ, по распоряженію сената, обязывался представить въ эту коммиссію «о всѣхъ недостаткахъ и излишествахъ» въ Академіи. Таубертъ составилъ свои предложенія, которыя находилъ полезными для улучшенія состоянія ученаго учрежденія и отдалъ ихъ на обсужденіе академическаго собранія.

Ломоносовъ въ свою очередъ намѣревался составить проектъ исправленія Академіи. Неизвѣстно, сдѣлалъ-ли онъ что-нибудь цѣльное въ этомъ отношеніи. Но и по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ можно судить, какова должна быть Академія по его мысли. Изъ этихъ документовъ наиболѣе заслуживали вниманія его «Всенижайшее мнѣніе о исправленіи С.-Петербургской Академіи наукъ». Все «мнѣніе» переполнено чрезвычайно мѣткими указаніями на недостатки академическаго регламента, на ничтожные успѣхи учениковъ въ академической гимназіи, на причины малочисленности студентовъ и гимназистовъ. Съ особенной силой онъ возстаетъ противъ запрещенія учиться при Академіи записаннымъ въ подушный окладъ, причемъ ссылается на европейскія государства.

»А у насъ въ Россіи, при самомъ наукъ начинаніи, уже сей источникъ регламентомъ по 24 пункту запрещенъ, гдѣ положенныхъ въ подушный окладъ въ университетъ принимать запрещается. Будто-бы сорокъ алтынъ толь великая и казнѣ тяжелая была сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго россіянина и лучше выписывать! Довольно-бъ и того выключенія, чтобъ не принимать дѣтей холопскихъ».

Въ академическихъ засѣданіяхъ дѣло не дошло до разсмотрѣнія предложеній Ломоносова: въ первомъ же засѣданіи онъ жестоко поругался съ Тепловымъ. Мюллеръ, ненавидѣвшій нашего академика

всѣми силами своей души, не замедлилъ донести объ этомъ президенту, причемъ заявлялъ, что Тепловъ и Шумахеръ оставили собраніе, а онъ, Мюллеръ, проситъ уволить его отъ присутствія, не желая и опасаясь говорить о какомъ-либо дѣлѣ съ Ломоносовымъ.

Эта ссора повлекла за собою письменный выговоръ Ломоносову отъ президента, который приказывалъ объявить ему свое неудовольствіе въ канцеляріи черезъ секретаря. Возмущенный Ломоносовъ подалъ прошеніе государынѣ и просилъ объ избавленіи его «отъ Теплова ига». Прошеніе возъимѣло дѣйствіе, президенту пришлось уничтожить свой выговоръ и снова допустить Ломоносова присутствовать въ академическихъ собраніяхъ.

Вслѣдъ за этимъ нашъ ученый составилъ обширную записку, въ которой отдѣлалъ своихъ враговъ, какъ говорится, «на чисто» и тамъ-же предлагалъ свое мнѣніе, каковъ долженъ быть новый уставъ Академіи. Эта записка, замѣчательная по своему языку, пылкому и убѣдительному, заключала въ себѣ, въ описаніи академическихъ штатовъ, новую должность—вице-президента Академіи, которую, судя по многимъ фактамъ, онъ прочилъ себѣ. Однако его записка, на которую Ломоносовъ смотрѣлъ очень серьезно, какъ видно изъ вступленія къ ней, также не достигла своей цѣли.

Нашему ученому поручено было составить похвальное слово Петру Великому. Эти занятія, вмѣстѣ съ хлопотами по изданію второго тома своихъ сочиненій и русской граматики, на ряду съ многочисленными обычными работами, отвлекли Ломоносова нѣсколько въ сторону и борьба съ врагами временно затихла.

13-го февраля 1757 года, Ломоносовъ, еще въ 55 году отказавшійся отъ каѳедры химіи, добился-таки непосредственнаго участія въ управленіи академическими дѣлами. Президентъ, вѣроятно откликаясь на ходатайство И. Шувалова, сдѣлалъ, подъ предлогомъ дряхлости и старости Шумахера, распоряженіе, которымъ повелѣвалось коллежскому совѣтнику и профессору Ломоносову, вмѣстѣ съ Шумахеромъ и Таубертомъ, присутствовать въ академической канцеляріи и вмѣстѣ съ ними подписывать всѣ текущія дѣла.

Присутствіе нашего академика въ канцеляріи навело страхъ на его сочленовъ. Шумахеръ не произносилъ ни одного слова, а Таубертъ «высказывался несмѣющимъ противорѣчить тому, что предлагалъ Ломоносовъ». Въ новомъ своемъ положеніи нашъ академикъ сталъ распоряжаться весьма самостоятельно, чтобы не сказать болѣе, и далъ своимъ врагамъ почувствовать свою власть. Но все-таки всѣ его распоряженіи имѣли своимъ основаніемъ искреннее желаніе при-

нести пользу Академіи и всей Россіи. Мюллеръ поторопился жаловаться на него президенту, но эти доносы закончились выговоромъ знаменитому исторіографу.

7-го января 58 года нашъ академикъ представилъ президенту записку о неудовлетворительномъ состояніи академіи и о мѣрахъ къ улучшенію ея. Графъ Разумовскій въ отвѣтъ на это представленіе назначилъ Ломоносова завѣдывать всею ученою и учебными частями Академіи.

Тогда-же Штелину были поручены художества. а Тауберту типографія, книжная торговля и мастерскія.

Ломоносовъ немедленно обратилъ особенное вниманіе на увеличеніе числа учениковъ гимназіи и студентовъ университета, хлопоталъ и объ улучшеніи ихъ содержанія. Вскорѣ послѣ этого нашему академику поручено было завѣдывать географическимъ департаментомъ. Тогда Ломоносовъ энергично приступилъ къ составленію большого атласа Россійской имперіи.

26-го мая 59 года онъ потребовалъ отъ синода подробный списокъ всѣмъ синодальнымъ строеніямъ, церквямъ, монастырямъ, объ ихъ устройствѣ и положеніи, «а сверхъ того присланы были изъ монастырей съ историческихъ описаній о времени построенія оныхъ для сочиняющейся россійской исторіи копіи». Въ сенатъ-же Ломоносовъ подалъ ходатайство о содѣйствіи для полученія свѣдѣній о городахъ, ихъ положеніи, устройствѣ, экономическомъ состояніи, торговлѣ, промыслахъ, заводахъ, фабрикахъ и т. д. Причемъ опять-таки не забывалось и объ интересахъ исторіи: ученый просилъ присылать копіи съ лѣтописей.

Сенатъ отпечаталъ 30 запросовъ на одномъ листѣ и разослалъ по всѣмъ городамъ. Съ 19-го января 60 года стали поступать отвѣты на запросы; разборкой и приведеніемъ въ порядокъ этихъ свѣдѣній занимался студентъ Илья Абрамовъ. Но Ломоносову не суждено было ими воспользоваться.

Въ то-же время онъ не переставалъ заботиться о приведеніи въ порядокъ гимназіи и университета и наконецъ составилъ для нихъ новые регламенты. Разсмотрѣніе ихъ было поручено Мюллеру, Фишеру, Брауну и Модераху. Мюллеръ отозвался, что имъ ранѣе были составлены регламенты для университета и гимназіи. Браунъ и Модерахъ сдѣлали нѣкоторыя весьма основательныя замѣчанія, которыя Ломоносовъ нашелъ справедливыми и достойными вниманія. Мнѣніе же Фишера было отраженіемъ взгляда Тауберта и сводилось къ тому, чтобы не принимать въ гимназію дѣтей, принад-

лежащихъ къ податному сословію, и чтобы число гимназистовъ и студентовъ было гораздо меньше того, который Ломоносовъ указывалъ въ своемъ проектѣ. Нашъ ученый находилъ необходимымъ, чтобы въ гимназіи было 60 учениковъ, а въ университетѣ 30. Фишеръ вмѣстѣ съ Таубертомъ спрашивали: «куда столько гимназистовъ и студентовъ? Куда ихъ дѣвать и употреблять будетъ?» М. В. на это справедливо возражалъ, что въ Россіи нѣтъ ни лекарей, ни аптекарей, ни механиковъ, ни адвокатовъ «и ниже своихъ профессоровъ въ самой Академіи и въ другихъ мѣстахъ».

Въ это время Таубертъ начинаетъ пріобрѣтать значеніе въ канцеляріи, такъ какъ его тесть Шумахеръ сталъ слишкомъ старъ и дряхлъ и, за болѣзнью, часто по нѣсколько недѣль не заглядывалъ въ Академію. Но очевидно, что престарѣлый правитель канцеляріи продолжалъ руководить Таубертомъ и побуждалъ его ставить всевозможныя препятствія Ломоносову въ его стараніяхъ провести новый регламентъ. Деньги на содержаніе гимназіи и университета выдавались «съ великимъ затрудненіемъ», ученики находились въ самомъ жалкомъ положеніи, «такъ что иногда Ломоносову до слезъ доходило, ибо, видя бѣдныхъ гимназистовъ босыхъ, не могъ выпросить у Тауберта денегъ... Таковые поступки понудили Ломоносова просить президента, чтобы университетъ и гимназія отданы были ему въ единственное смотрѣніе и сумму по новому стату на оба сіи учрежденія отдѣлять особливо, съ тѣмъ чтобы канцелярія (сирѣчь прочіе чины) чинила ему всякое вспоможеніе».

Графъ К. Разумовскій, послѣ разсмотрѣнія въ академическомъ засѣданіи предложеній Ломоносова, распорядился объ утвержденіи вышеупомянутой просьбы.

Послѣ такого распоряженія Ломоносовъ счелъ себя въ правѣ составить въ академической канцеляріи опредѣленіе, которымъ академики Фишеръ, Браунъ, Эпинусъ, Котельниковъ и адъюнктъ Корицкій обязывались начать чтенія лекцій при университетѣ по 4 раза въ недѣлю. 14 февраля 60 г. вышли правила для университета, за подписаніемъ гр. Разумовскаго и Ломоносова. Этими правилами учреждались три факультета: юридическій, медицинскій и философскій и назначался особый проректоръ университета, избираемый изъ числа академиковъ. Кромѣ того предполагалось давать ученыя степени и исходатайствовать формуляръ съ пунктами «университетской привилегіи». На содержаніе университета и гимназіи опредѣлено было расходовать 15 тысячъ. Особымъ разъясненіемъ сумму эту опредѣлялось выдавать на учебныя заведенія отдѣльно отъ

общихъ денегъ на Академію. Храненіе и расходованіе этихъ 15 тысячъ рублей поручалось Ломоносову.

Но все это не могло удовлетворить нашего академика. и онъ продолжалъ хлопотать о привилегіи для университета.

«Мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вожделенное теченіе гимназію и университетъ, откуда могутъ произойти многочисленные Ломоносовы»—такъ опредѣлилъ онъ свое пламенное желаніе добиться завѣтной цѣли въ письмѣ къ И. Шувалову, на содѣйствіе котораго онъ сильно разсчитывалъ.

Но всѣ хлопоты нашего академика ни въ 60, ни въ 61 году, когда онъ обратился за содѣйствіемъ къ другому почитателю его таланта—канцлеру графу М. Воронцову, не увѣнчались успѣхомъ.

Изъ другихъ занятій Ломоносова, въ качествѣ совѣтника академической канцеляріи, мы упомянемъ здѣсь объ ученомъ предпріятіи, которое нашъ ученый дважды пытался осуществить. Ломоносовъ предложилъ послать способнаго живописца во всѣ древніе русскіе города, «чтобъ съ имѣющихся въ церквахъ изображеній государскихъ иконописною и фресковою работою, на стѣнахъ или гробницахъ состоящихъ, снять точныя копіи величиною и подобіемъ, на бумагѣ водяными красками... А сіе учинить для того: 1) дабы отъ съѣдающаго времени отнять лики и память нашихъ владѣтелей и сохранить для поздѣйшихъ потомковъ; 2) чтобы показать и въ другихъ государствахъ россійскіе древности и тщаніе предковъ нашихъ; ибо выданныя прежде всего въ печать родословные грыдированные листы не токмо весьма недостаточны, но и никакого сходства между собою въ лицахъ не имѣютъ; 3) чтобъ санктпетербургская академія художествъ имѣла случай употребить свое искусство, какъ бы изобразить ихъ надлежащею живописью въ приличныхъ положеніяхъ со стариннаго манеру, не теряя подлиннаго подобія, а чтобы учащіеся живописному и рѣзному художеству, смотря на работу мастеровъ по таковымъ перемѣнамъ къ изображеніямъ привыкли»...

Это предложеніе Ломоносовъ повторилъ еще разъ 16 октября 1760 года и добился таки того, что оно было принято. Синодъ разослалъ по епархіямъ указъ, которымъ назначенный канцеляріей учитель рисованія Андрей Грековъ допускался къ снятію указанныхъ изображеній по церквамъ. Но, какъ разсказываетъ Ломоносовъ, Таубертъ и тутъ постарался затормазить дѣло, о неосуществленіи котораго въ то время приходится пожалѣть теперь всѣмъ любителямъ русской старины и археологамъ. Грековъ назначенъ былъ учителемъ рисованія къ великому князю Павлу Петровичу,—вмѣсто него по-

чему-то никто не былъ посланъ и такимъ образомъ дѣйствительно прекрасное предложеніе Ломоносова осталось невыполненнымъ и забылось.

Чтобы охарактеризовать вполнѣ дѣятельность нашего академика за періодъ съ 54 по 61 годъ, намъ приходится упомянуть здѣсь о его литературныхъ и научныхъ занятіяхъ.

3-го января 54 года Ломоносовъ въ письмѣ къ Шувалову высказалъ свой взглядъ, что весьма полезно было бы Академіи издавать русскій періодическій журналъ, въ которомъ-бы помѣщались въ доступной для любителей чтенія формѣ статьи академиковъ.

Въ концѣ года графъ К. Разумовскій разрѣшилъ Академіи издавать этотъ учено-литературный журналъ, подъ названіемъ «Санктпетербурскихъ академическихъ примѣчаній», а веденіе его поручалось личному врагу Ломоносова—конференцъ-секретарю Мюллеру. Вѣроятно, именно это обстоятельство было причиной того, что нашъ писатель сталъ относиться къ этому изданію съ первыхъ-же дней его существованія весьма враждебно. Тутъ у Ломоносова проявилась какая-то жадность къ дѣлу,—ему какъ будто хотѣлось всѣ занятія Академіи вмѣстить въ одномъ своемъ лицѣ, а между тѣмъ у него работы была цѣлая пропасть и онъ самъ сталъ отказываться, какъ мы видѣли уже отъ нѣкоторыхъ возложенныхъ на него порученій. По настоянію М. В., вышепоименованный журналъ сталъ выходитъ подъ названіемъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій».

Въ 55 году, по настоянію Ломоносова, приступлено было къ печатанію второго тома собранія его сочиненій. Но вскорѣ онъ преподнесъ въ рукописи свою россійскую грамматику великому князю Павлу Петровичу, и тогда же было приказано отпечатать ее прежде 2-го тома сочиненій нашего поэта.

Въ январѣ мѣсяцѣ 57 года грамматика вышла въ свѣтъ. Она выдержала 14 изданій, изъ которыхъ два послѣднія были сдѣланы Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности нашей Академіи въ 1855 г., въ память столѣтія этого труда Ломоносова.

Нашъ академикъ смотрѣлъ на свое произведеніе не болѣе, какъ на опытъ. Въ предисловіи онъ замѣчалъ, что «ни на единомъ языкѣ совершенной грамматики никто не сдѣлалъ»; свою-же онъ находилъ также неполной и несовершенной, но считалъ необходимымъ сдѣлать въ этомъ направленіи первый шагъ, «что будетъ другими послѣ него легче дѣлать». Этотъ трудъ Ломоносова не можетъ претендовать на полную самостоятельность,—подкладкой для него послужила грамматика Смотритскаго, а отчасти и Ададурова.

1 іюля 56 года Ломоносовъ въ публичномъ собраніи Академіи прочиталъ рѣчь: «Слово о происхожденіи свѣта, новую теорію о цвѣтахъ представляющее». Здѣсь онъ выступилъ противникомъ такъ называемой гипотезы истеченія, придуманный для объясненія свѣтовыхъ явленій Ньютономъ. Въ основѣ ломоносовской теоріи лежалъ эфиръ, правда, нѣсколько другого строенія, чѣмъ тотъ, которымъ въ настоящее время объясняются всѣ явленія свѣта. По мнѣнію Ломоносова, эфиръ состоитъ изъ шариковъ троякой величины; поверхности ихъ изрѣзаны неровностями, которыми они, подобно зубчатымъ колесамъ, зацѣпляются другъ за друга и приводятся въ движеніе. При движеніи зыблющемся происходитъ свѣтовое явленіе, при коловратномъ—тепловое. Конечно, всѣ эти представленія кажутся теперь весьма грубыми, но въ то время физическія теоріи всѣхъ знаменитыхъ ученыхъ отличались еще большей грубостью. Во всякомъ случаѣ, эта работа Ломоносова заставляетъ каждаго признать за нимъ замѣчательное остроуміе и въ высшей степени послѣдовательную логику.

6-го марта 57 года синодъ подалъ императрицѣ всеподданнѣйшій докладъ, которымъ Ломоносовъ за «гимнъ бородѣ» обвинялся въ кощунствѣ, «въ явныхъ духовному чину ругательствахъ, такъ какъ поставилъ безразумныхъ козлятъ далеко почтеннѣйшими, нежели поповъ». Синодъ просилъ, чтобы государыня приказала публично сжечь «соблазнительные и ругательные пашквили», а Ломоносова для надлежащаго увѣщанія и исправленія отослать въ синодъ.

Но весьма набожная императрица не подвергла Ломоносова никакой отвѣтственности. Тогда выступилъ защитникомъ осмѣянныхъ бородъ Тредіаковскій. Онъ написалъ стихотвореніе «Переодѣтая борода, или гимнъ пьяной головѣ». Стихотвореніе сопровождалось письмомъ, въ которомъ просили Ломоносова напечатать «Переодѣтую бороду» въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ». Тредіаковскій въ этой сатирѣ изобразилъ Ломоносова грубымъ пьяницею и намекалъ, что людей, дерзающихъ осмѣивать предметы всеобщаго уваженія, слѣдовало-бы сжигать въ срубахъ. Но такой совѣтъ даже въ тѣ времена былъ встрѣченъ нѣкоторыми съ негодованіемъ, и на Тредіаковскаго посыпались сатирическія стихотворенія.

Тредіаковскій не удовольствовался стихотвореніемъ и пустилъ по рукамъ письмо, опять таки якобы изъ Холмогоръ отъ нѣкоего Зубницкаго. Здѣсь Ломоносовъ изображенъ слишкомъ уже грубыми чертами: «Лучшаго ничего нельзя ожидать отъ безбожнаго сумасброда и пьяницы! Не довольно того, что сей негодный ярыга, ходя по раз-

нымъ домамъ и компаніямъ, въ разговоры употребляетъ всякія насмѣшки и ругательства благочествному закону нашему; что презираетъ уставы онаго, и все то ни во что вмѣняетъ, что добрые люди, родившіеся въ христіанствѣ, за святое и спасительное почитаютъ, не довольно и того, что онъ безъ разбору на весь духовный чинъ вездѣ, какъ песъ, лаетъ: онъ еще и письменныя противу тайнствъ вѣры нашея и святыни закона глумленія и ругательства употребить отважился». И Тредіаковскій самымъ серьезнымъ образомъ доказываетъ, что «Гимнъ бородѣ» есть не что иное, какъ сплошное богохульство и кощунство. Затѣмъ онъ изображаетъ Ломоносова посягающимъ на всѣ авторитеты самохваломъ, причиняющимъ государству одинъ вредъ и убытокъ.

Конечно, Ломоносовъ не остался въ долгу и жестоко осмѣялъ своего завистливаго врага.

Въ началѣ сентября 57 года вышелъ изъ печати его новый трудъ: «Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли». Ломоносовъ прочиталъ эту рѣчь въ публичномъ академическомъ собраніи 6-го сентября. Въ ней нашъ академикъ первый высказалъ мысль, что каменный уголь произошелъ изъ торфяника при участіи подземнаго огня. «Замѣчанія Ломоносова относительно излагаемаго предмета,— говоритъ профес. Щуровскій,—принадлежатъ къ числу самыхъ драгоцѣнныхъ. Перечитывая ихъ, съ трудомъ вѣришь, что обо всемъ этомъ говорилось за сто лѣтъ до нашего времени». Теоріи Ломоносова не достаетъ только одного предположенія, что наша планета первоначально представляла огненно-жидкую массу, которая съ теченіемъ времени стала остывать и покрылась твердой корой. Классификація видовъ землетрясенія, высказанная въ его рѣчи, до сихъ поръ господствуетъ въ наукѣ.

Въ томъ-же новаторскомъ духѣ написано и его «Разсужденіе о большей точности морского пути». Здѣсь особенно замѣчательна последняя глава «о предсказаніи погодъ, а особливо вѣтровъ». Ломоносовъ настаивалъ на необходимости учрежденія въ разныхъ частяхъ свѣта самопишущихъ метеорологическихъ обсерваторій. «Такимъ образомъ онъ предвидѣлъ и предсказалъ все, что нынѣ думаютъ и дѣлаютъ метеорологи»,—замѣчаетъ г. Перевощиковъ.

26-го мая 1761 года Ломоносовъ наблюдалъ прохожденіе Венеры черезъ дискъ солнца. Эти наблюденія привели Ломоносова къ заключенію, что вокругъ названной планеты существуетъ атмосфера. Только черезъ тридцать лѣтъ послѣ этого, Гершеръ и Шретерь пришли въ своемъ спорѣ къ соглашенію и признали существованіе ат-

мосферы около Венеры. Впослѣдствіи это мнѣніе было подтверждено знаменитымъ Араго.

Въ томъ-же году, 1-го ноября, въ день рожденія И. Шувалова, Ломоносовъ поднесъ ему одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній своего пера. Это было большое письмо, въ которомъ нашъ ученый собралъ всѣ свои «старыя мысли, простирающіяся къ приращенію общественной пользы». Все оно написано на одну тему «о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа», и Ломоносовъ находитъ, что взгляды высказываемые имъ здѣсь, могли-бы быть подведены подъ слѣдующія главы: «1) О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа . 2) О истребленіи праздности. 3) О исправленіи нравовъ и о большемъ народа просвѣщеніи. 4) О исправленіи земледѣлія. 5) О исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ.6) О лучшихъ пользахъ купечества. 7) О лучшей государственной экономіи. 8) О сохраненіи военнаго искусства во время долговременнаго мира».

Причинами умаленія народонаселенія Ломоносовъ выставляетъ во 1-хъ, браки между лицами несоотвѣтствующихъ лѣтъ, а также насильственные; во 2-хъ запрещеніе жениться болѣе трехъ разъ: въ 3-хъ насильственное постриженіе въ монахи вдовыхъ молодыхъ священниковъ и дьяконовъ и вообще поступленіе въ монашество молодыхъ людей обоего пола. Для сохраненія жизни младенцевъ, рожденныхъ внѣ брака, ученый предлагалъ устраивать «богадѣленные дома», которые принимали-бы и воспитывали-бы подобныхъ дѣтей. Для отвращенія большой смертности Ломоносовъ рекомендуетъ составить общедоступный лечебникъ, размножить лекарей и *русскія* аптеки и этимъ уничтожить суевѣрное леченіе волшебствомъ и чародѣйствомъ. Особенною яркостью красокъ блещетъ описаніе излишествъ, которымъ русскій народъ предается въ большіе праздники.

Дальнѣйшія мѣры, которыми авторъ надѣялся задержать уменьшеніе численности русскаго народа, сводились къ искорененію дракъ, разбоевъ, къ возвращенію множества бѣглыхъ изъ-за границы, къ призыву иностранныхъ поселенцевъ и т. д. Вообще это письмо затрогиваетъ цѣлую массу важныхъ вопросовъ, которые и понынѣ остаются нерѣшенными. Ширина взгляда вмѣстѣ съ глубокимъ знаніемъ своего народа, искреннее убѣжденіе въ правотѣ своего мнѣнія и могучій, блестящій и горячій языкъ, какимъ написано все письмо,— заставляютъ признать это произведеніе однимъ изъ наиболѣе выдающихся во всей русской литературѣ XVIII столѣтія.

Въ XIX столѣтіи этотъ знаменитый трактатъ вытерпѣлъ многочисленныя мытарства, навлекая гоненія на издателей и цензоровъ, осмѣливавшихся пропускать его въ печать, хотя и съ многочисленными урѣзками. Только въ 1871 году, т. е. почти черезъ 110 лѣтъ, письмо Ломоносова впервые было напечатано безъ пропусковъ въ третьемъ выпускѣ «Бесѣдъ въ общесвѣ любителей россійской словесности».

ГЛАВА VII.

Новая императрица.—Ломоносовъ забытъ.—Его прошеніе объ отставкѣ.—Болѣзнь.—Оскорбительное распоряженіе президента.—Ломоносовъ въ отставкѣ.—Возвращеніе въ Академію. — Критика проекта императрицы. — Ломоносовъ—статскій совѣтникъ. — «Краткое описаніе разныхъ путешествій». — Снаряженіе экспедиціи.—Ея участь.—Шлецеръ.—Послѣднія попытки провести новый регламентъ.—Екатерина II посѣщаетъ Ломоносова.—Болѣзнь и кончина его.—Похороны.—Памятникъ Ломоносову.—Заключеніе.

Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II положеніе Ломоносова сильно поколебалось. Новая государыня смотрѣла на Шуваловыхъ и Воронцова, какъ на лицъ, наиболѣе причинившихъ ей непріятностей. Ломоносовъ стоялъ въ числѣ сторонниковъ ихъ и пользовался ихъ благорасположеніемъ. Объ этомъ несомнѣнно Екатерина II отлично знала.

Нашъ поэтъ черезъ нѣсколько дней послѣ переворота написалъ торжественную оду въ честь новой императрицы, причемъ порицалъ дѣянія Петра III. Но это стехотвореніе не достигло цѣли, и все первое время царствованія Ломоносовъ оставался забытымъ. Вокругъ него сыпались щодрою рукою чины и денежныя награды. Тепловъ получилъ 20.000 рублей единовременно и чинъ дѣйствительнаго статскаго севѣтника; теперь онъ являлся первымъ дѣльцомъ въ кабинетѣ императрицы и сочинялъ всѣ манифесты и распоряженія ея. Таубертъ былъ произведенъ тоже въ дѣйствительные статскіе совѣтники; даже не былъ забытъ Елагинъ, тотъ самый, который подъ именемъ Балабана фигурировалъ въ сатирическихъ стихахъ Ломоносова. Самолюбіе нашего ученаго было всѣмъ этимъ сильно затронуто.

Первое время онъ сказывался больнымъ, но не вытерпѣлъ, когда Таубертъ распорядился, чтобы въ канцеляріи чинить исполненіе по дѣламъ безъ подписи нашего академика: Ломоносовъ подалъ проше-

ніе на высочайшее имя. Здѣсь онъ прежде всего въ сжатыхъ, но сильныхъ чертахъ описалъ свои труды на пользу наукъ и по устроенію гимназіи, университета и географическаго департамента; затѣмъ онъ выставилъ слабость здоровья, «ломъ въ ногахъ и раны», какъ слѣдствіе его безпрерывныхъ занятій; не взирая на всѣ эти труды и ревностную службу, онъ оставался 12 лѣтъ въ одномъ и томъ-же чинѣ, тогда какъ его сотоварищи были произведены и опередили его; въ заключеніе Ломоносовъ, ссылаясь на слабость здоровья, просилъ императрицу совсѣмъ уволить его отъ службы, произведя однако въ чинъ статскаго совѣтника и назначивъ ему пожизненную пенсію въ 1800 рублей.

При прошеніи онъ приложилъ списокъ лицъ, которыя обошли его чиномъ. Ясно, что Ломоносову хотѣлось получить именно это повышеніе, а вовсе не выходить въ отставку.

Удовлетвореніемъ просьбы нашего ученаго медлили. Онъ обратился за содѣйствіемъ къ Ѳедору Орлову, который просилъ за него у своего брата Григорія.

Но несмотря на всѣ эти хлопоты, весь 1762 годъ Ломоносовъ оставался забытымъ. Къ оскорбленному самолюбію присоединилась болѣзнь, приковавшая его къ постели.

63-ій годъ начался для нашего академика съ новой непріятности для него. Управленіе географическимъ департаментомъ, по распоряженію графа Разумовскаго, было передано исторіографу Мюллеру. Такое рѣшеніе мотивировалось тѣмъ, что «отъ географическаго департамента уже нѣсколько лѣтъ почти ничего новаго къ поправленію россійской географіи на свѣтъ не произведено», чему причиной было «нераченіе опредѣленныхъ при ономъ географическомъ департаментѣ; ибо, вмѣсто того, чтобы соединенными силами трудиться къ общей пользѣ, одинъ другому всякія препятствія дѣлаетъ». Ломоносовъ не подчинился приказанію президента и представилъ подробный списокъ всего того, что сдѣлано было названнымъ департаментомъ за время его управленія.

Изъ этого столкновенія Ломоносовъ вышелъ побѣдителемъ, такъ что приказаніе президента не было приведено въ исполненіе, и нашъ ученый управлялъ географическимъ департаментомъ до конца жизни.

Тѣмъ не менѣе тонъ представленій нашего писателя президенту послѣ этого значительно измѣнился. Теперь вмѣсто угрозъ, какъ бывало прежде, въ его донесеніяхъ появились нижайшія просьбы «съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ».

За то въ сношеніяхъ съ академиками Ломоносовъ продолжалъ

держать себя заносчиво и подчасъ очень грубо. Всѣ эти ссоры и пререканія повели за собой приказъ президента, который рекомендовалъ членамъ канцеляріи оставить споры и приступить къ дѣлу. Вскорѣ послѣ этого, а именно 2-го мая 63 г., Екатерина II подписала указъ объ отставкѣ нашего академика съ производствомъ его въ статскіе совѣтники и съ половиннымъ по смерть его жалованьемъ.

Ломоносовъ узналъ объ этомъ указѣ только 15-го мая.

Въ тотъ же день онъ отказавшись подписывать бумаги, уѣхалъ изъ Петербурга въ свои помѣстья. Всѣ враги его, а особливо знаменитый Мюллеръ, стали ликовать; но имъ не пришлось долго радоваться. Вслѣдствіе какихъ-то до сихъ поръ неразъясненныхъ причинъ, Екатерина II отмѣнила указъ объ отставкѣ Ломоносова, и онъ вскорѣ опять появился въ академической канцеляріи, причемъ конечно снова начались обычныя препирательства.

Нашъ академикъ вострянулъ духомъ. 14 іюля Тепловъ объявилъ въ канцеляріи высочайшее повелѣніе о немедленномъ составленіи картъ съ обозначеніемъ всѣхъ произведеній, которыми отличается та или другая мѣстность Россіи, причемъ всѣ измѣненія, могущія послѣдовать, должны были ежегодно вноситься въ карты. Ломоносовъ весьма мѣтко и убѣдительно доказалъ всю неосуществимость такого проекта и, несмотря на то, что въ немъ высказывалась воля императрицы, зло осмѣялъ его. Дѣло завершилось тѣмъ, что государыя поручила составленіе подобныхъ картъ самому Ломоносову. Тогда онъ потребовалъ черезъ сенатъ изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ свѣдѣній, необходимыхъ для составленія ландкартъ. Чтобы избѣжать многочисленности ихъ, онъ предложилъ составлять «экономическій лексиконъ россійскихъ продуктовъ». Все это. приходится замѣтить, было немногимъ болѣе практично, чѣмъ проектъ Екатерины II.

Но дѣятельность Ломоносова всетаки понравилась государынѣ и она 20 декабря 1763 года пожаловала его въ статскіе совѣтники, съ жалованьемъ 1875 руб. въ годъ.

За 3 мѣсяца до этого М. В. поднесъ юному генералъ-адмиралу свое новое произведеніе: «Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ восточную Индію». Это сочиненіе повлекло за собою, 14 мая 64 года, высочайшее повелѣніе о снаряженіи экспедиціи для розысканія пути въ Индію. Дѣло было задумано на широкихъ основаніяхъ: на экспедицію ассигновали 20.000 рублей и всѣмъ участ-

никамъ ея обѣщаны были награды, чины и пенсіи вдовамъ въ случаѣ смерти.

Ломоносовъ являлся душою задуманнаго предпріятія; всѣ его предложенія и совѣты принимались безпрекословно. Нашъ ученый составилъ «примѣрную инструкцію морскимъ командующимъ офицерамъ, отправляющимся къ поисканію пути на востокъ Сѣвернымъ Сибирскимъ океаномъ». Далѣе онъ хлопоталъ, чтобы каждый корабль былъ снабженъ всѣми необходимыми физическими и астрономическими инструментами, заботился объ обученіи штурмановъ умѣнью обращаться съ ними и дѣлать точныя наблюденія... Словомъ, ни одна мелочь не была забыта Ломоносовымъ. Но ему не суждено было довести снаряженіе этой экспедиціи до конца.

Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько недѣль послѣ его смерти, а именно 9 мая 65 г., начальникъ экспедиціи Василій Чичаговъ вышелъ съ тремя судами въ море изъ Архангельска. Однако ни эта первая, ни слѣдующая затѣмъ, въ 66 году, вторая попытка пробиться сквозь безпрерывные льды не увѣнчалась успѣхомъ, и Чичагову пришлось воротиться въ Архангельскъ.

Но эти неудачи еще ничего не доказали, и, вѣроятнѣе всего, въ недалекомъ будущемъ организуются новыя экспедиціи въ Полярное море. Въ 1871 году была отправлена германская экспедиція къ сибирскимъ рѣкамъ. Она дала поводъ г. М. Сидорову вспомнить о забытомъ предложеніи нашего ученаго: «Ломоносовъ, въ проектѣ полярной экспедиціи, составленномъ въ 1763 году, указывалъ свободный и единственно возможный путь къ достиженію полюса между островами Шпицбергеномъ и Новою землю. Къ тому-же пришли англійскіе и нѣмецкіе авторитеты... Открытіе свободнаго полярнаго моря до 79° с. ш., въ сентябрѣ 1871 г. Пайэромъ практически на дѣлѣ опровдало ученыя предположенія Ломоносова. И такъ, только черезъ 108 лѣтъ, г. Пайэръ, наткнувшись на указанный Ломоносовымъ путь, открылъ міру, съ какимъ глубокимъ знаніемъ Ледовитаго океана составленъ былъ Ломоносовскій проектъ».

Среди событій послѣднихъ лѣтъ жизни нашего академика наиболѣе выступаютъ борьба съ Таубертомъ изъ за адъюнкта Шлецера и вторичное стараніе добиться утвержденія новаго регламента для университета.

Шлецеръ, прослуживъ въ Академіи четыре года адъюнктомъ исторіи, сталъ требовать себѣ должность профессора, причемъ указывалъ на предложеніе Геттингенскаго университета занять въ немъ кафедру.

Въ доказательство своихъ занятій, Шлецеръ представилъ два плана: первый — «Мысли о способѣ разработки древней русской исторіи»; при этомъ онъ предлагалъ написать исторію, прилагая свой способъ, по собраніямъ и сочиненіямъ Мюллера, Ломоносова и Татищева; второй планъ — составить популярныя руководства по исторіи, географіи и статистикѣ. Понятно, что ни Мюллеру, ни Ломоносову не могло нравиться, чтобы молодой ученый работалъ надъ матеріалами, имм собираемыми и издаваемыми. Слѣдуетъ замѣтить, что Шлецеръ былъ самаго неуживчиваго и сварливаго характера и въ то-же время крайне высокаго мнѣнія о самомъ себѣ и своихъ знаніяхъ. Самолюбіе Ломоносова было задѣто, и онъ поднялъ цѣлое гоненіе на молодого ученаго. Академикъ писалъ, что у Шлецера нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній въ россійскихъ древностяхъ, что похвалы иноземцевъ въ этомъ случаѣ ничего не значатъ, такъ какъ они сами не свѣдущи въ томъ, за что хвалятъ, что наконецъ въ Академіи нѣтъ мѣста профессора по кафедрѣ исторіи, и что онъ самъ пишетъ русскую исторію.

Дѣйствительно, Ломоносовъ еще въ 58 г. написалъ первый выпускъ Россійской исторіи, которая стала печататься въ 63 г., а вышла въ свѣтъ послѣ его смерти въ 66 г., кромѣ того въ 60 году вышелъ его «Краткій россійскій лѣтописецъ». Во время-же борьбы со Шлецеромъ нашъ академикъ приготовлялъ второй выпускъ своей исторіи.

Когда Шлецеръ сталъ собираться уѣзжать заграницу, Ломоносовъ, относившійся съ большой подозрительностью къ занятіямъ молодого ученаго, подалъ донесеніе въ сенатъ, что у Шлецера есть русскія рукописи, изданіе которыхъ предосудительно для Россіи. Шлецера сейчасъ-же задержали, не выдавали ему паспорта, обыскивали и т. д. Все это тянулось до тѣхъ поръ, пока не вмѣшалась въ дѣло сама Екатерина II, которая именнымъ указомъ назначила Шлецера профессоромъ Академіи и въ тоже время разрѣшила ему свободный доступъ ко всѣмъ древнимъ спискамъ въ библіотекахъ.

Преобразовательныя мѣры императрицы относительно воспитанія дѣтей и учрежденія для нихъ учебныхъ заведеній побудили и графа Разумовскаго дать распоряженіе канцеляріи, чтобы Ломоносовъ и Таубертъ «обще или, если не согласятся, то порознь, приглася каждому къ себѣ изъ г. г. профессоровъ, кого пожелаютъ, учинить проекты, во первыхъ, на какомъ основаніи академическому ученому корпусу по нынѣшнему состоянію и впредь быть должно, а потомъ и прочимъ департаментамъ порознь, токмо бъ располагаемая сумма не превосходила апробованнаго штата»...

Ломоносовъ, радуясь, что наконецъ-то исполнятся его завѣтныя мечты, взялся за это дѣло съ обычной своей настойчивостью и горячностью. Изъ подъ пера его посыпались опять проекты, которые немногимъ отличались отъ составленныхъ имъ 10 лѣтъ тому назадъ. Всѣ силы нашего ученаго были направлены на то, чтобы сдѣлать изъ Академіи вполнѣ русское учрежденіе и избавить ученое общество отъ гнета канцеляріи.

Но и на этотъ разъ старанія Ломоносова не увѣнчались успѣхомъ. Хотя проекты нашего ученаго никогда не были осуществлены полностью, но всетаки нѣкоторыя изъ нихъ были послѣ смерти его приняты.

Когда директоромъ Академіи Наукъ явился графъ Владиміръ Орловъ, академическая канцелярія была тотчасъ-же уничтожена, управленіе ученымъ обществомъ передано членамъ его и всѣ заведенія по части художествъ и ремеселъ устранены изъ Академіи.

Въ этомъ безспорно слѣдуетъ видѣть одну изъ крупныхъ заслугъ Ломоносова передъ русскимъ обществомъ.

Послѣдніе два года нашъ знаменитый писатель все чаще и чаще сталъ недомогать. Иногда по нѣсколько недѣль подъ-рядъ онъ не выходилъ изъ дому. 7 іюня 64 г. императрица, узнавъ о болѣзни Ломоносова, посѣтила его на дому вмѣстѣ съ княгиней Дашковой и нѣкоторыми изъ придворныхъ. Не велѣвъ докладывать о своемъ пріѣздѣ, императрица прямо прошла въ его кабинетъ, гдѣ и застала Ломоносова сидящимъ у своего письменнаго стола въ глубокой задумчивости. Императрица видѣла, что силы великаго человѣка падаютъ, и старалась ободрить его. Она приглашала его къ себѣ обѣдать и увѣряла, что у нея щи будутъ такія же горячія, какъ подаетъ ему его хозяйка. Ломоносовъ отблагодарилъ государыню за ея визитъ восторженными стихами, которые и преподнесъ ей при ея отъѣздѣ изъ его дома.

Но влить бодрость и энергію въ душу Ломоносова этому визиту не удалось на долго.

Въ концѣ марта мѣсяца 65 года нашъ академикъ простудился и слегъ окончательно въ постель. Онъ умеръ 4 апрѣля 1765 года, на второй день пасхи, около 5 часовъ пополудни, встрѣтивъ смерть со спокойствіемъ истиннаго философа. За нѣсколько дней до своей смерти Ломоносовъ говорилъ Я. Штелину: «другъ, я вижу, что долженъ умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть; жалѣю только о томъ, что не могъ совершить всего того, что предпринялъ для пользы отечества, для приращенія наукъ и для славы Академіи

и теперь при концѣ жизни моей долженъ видѣть, что всѣ мои полезныя намѣренія изчезнутъ вмѣстѣ со мною». За два дня до своей кончины онъ пріобщался и испустилъ духъ во время совершенія надъ нимъ обряда соборованія, послѣ прощанія въ полномъ разумѣ, какъ съ своею женою и дочерью, такъ и съ прочими присутствующими»,—писалъ Таубертъ въ письмѣ къ Мюллеру.

Похороны Ломоносова были совершены съ большою торжественностью, при огромномъ стеченіи народа, сенаторовъ и вельможъ. М. В. былъ погребенъ 8 апрѣля, на кладбищѣ Александро-Невскаго монастыря.

Спустя болѣе года послѣ этого, канцлеръ графъ Воронцовъ поставилъ на могилѣ нашего великаго соотечественника памятникъ изъ каррарскаго мрамора. На немъ высѣчена надпись на латинскомъ и русскомъ языкѣ, которую поручено было составить Штелину.

Оглядываясь назадъ, на всю бурную и многосложную жизнь М. В. Ломоносова, мы не можемъ не упомянуть еще разъ, что каждый шагъ его дѣятельности былъ запечатленъ пламенной любовью къ отечеству и искреннимъ желаніемъ успѣха русской наукѣ. Правда, ученыя работы Ломоносова не повели къ великимъ открытіямъ, производящимъ перевороты въ наукѣ. Но тѣмъ не менѣе все сдѣланное имъ для нея, для русскаго слова и нашей литературы на столько значительно, что величественный образъ мощнаго борца за процвѣтаніе наукъ въ Россіи и народнаго просвѣщенія навсегда останется памятнымъ и дорогимъ для каждаго русскаго. Въ 1865 году въ день столѣтней годовщины Ломоносова наше общество съумѣло достойнымъ образомъ помянуть эту общественную сторону въ дѣятельности энергичнаго и настойчиваго продолжателя идей Петра Великаго.

Популярно-научныя книги.

Философія Г. Спенсера въ сокр. изложеніи *Г. Коллинса.* Пер. *П. Мокіевскаго.* Ц. **2** р.

Рабочій вопросъ. *Ф. А. Ланге.* Переводъ съ нѣмецкаго Ц. **75** к.

Законы подражанія. *Тарда.* Ц. **1** р. **50** к.

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмедингена.* Ц. **60** к.

На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмедингена.* Части 1 и 2-я Ц. кажд. **50** к.

Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы.* Съ 35 рис, Ц. **1** р.

Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдама.* съ 7 рис. Ц. **40** к.

Предсказаніе погоды. *Г. Далле.* Перев. съ франц. съ 40 рис. Ц. **1** р. **25** к

Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Пер. съ франц. Популяр. излож. ученія Дарвина. Ц. **60** к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора) *А. Брема* со мног. рис. Ц. **2** р.

Первобытные люди. *Дебьера.* Съ многими рисунками Ц. **1** р.

Фабричная гигіена *В. В. Святловскаго.* 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р.

Огородничество. Практич. наставл. для народн. учителей. *Шубелера.* Съ 137 рис. Ц. **60** к.

Который часъ? *И. Вавилова.* Руководс. для новѣрки часовъ безъ часовщика и для устройст. солнеч. час. Съ 13 рис. **30** к.

Психологія вниманія. Д-ра *Рибо.* 2 изд. Ц. **40** к.

Записки желудка. Пер. съ 10 анг. изд. **50** к.

Ручной трудъ. *Графиньи.* Руководство къ домашн. занят. ремеслами съ 400 рис. Ц. **1** р. **50** к. Въ папкѣ **1** р. **75** к. Въ переплетѣ—**2** р.

Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрич. очерки *Д-ра Реньяра.* Съ 110 рис. Ц. **1** р. **75** к.

Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона.* 7-е изд. Съ 100 рис. ц. 70 к.

Электрическое освѣщеніе. Сост. *В. Чиколевъ* Съ 151 рис. Ц. **2** р. **50** к.

О безопасности электрич. освѣщенія. *В. Чиколева.* Съ 6-ю рис. Ц. **25** к.

Электрич. и магнетизмъ. *А. Гано.* и *Ж. Маневрье.* 340 рис. Ц. **1** р. **50** к.

Главнѣйш. приложенія электрич. *Э. Госпиталье.* Съ 115 р. 2-е изд. Ц. **2** р. **50** к.

Психологія великихъ людей. Проф. *Жоли.* Пер. съ франц. 2-е изд. Ц. **1** р.

Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Пер. съ франц. *Ф. Павленкова.* 2-е изд. Ц. **2** р. **50** к.

Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера.* Пер. съ франц. Ц. **1** р. **50** к.

Вредныя полевыя насѣкомыя. Состав. *Иверсенъ.* Съ 43 рис. Ц. **80** к.

Эйфелева башня. Состав. *Г. Тисандье.* Съ 34 рисун. Ц. **50** к.

Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Бар. *Н. Корфа.* Ц. **10** к.

Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго.* Съ 73 рис. 2-е изд. Ц. **60** к.

Азбука домоводства и домашн. гигіены. Состав. *М. Клима.* Пер. *Н. Корфъ.* Ц. **75** к.

Гигіена семьи. *Гебера.* Ц. **50** к.

Гигіена женщины. *М. Тило.* Ц. **40** к.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Экстазы человѣка.** *П. Мантегацца.* Въ 2-хъ частяхъ ц. 1 р. 50 к.; 2) **Психологія вниманія.** Д-ра *Рибо*, ц. 40 к.; 3) **Берегите легкія!** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис., ц. 75 к.; 4) **Современные психопаты,** д-ра *А; Кюллера*, ц. 1 р 50 к.; 5) **Предсказаніе погоды.** *А. Далле*, съ рис., ц. 1 р. 25 к. 6) **Физіологія души.** *А. Герцена*, ц. 1 р. **Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли*, 2-е изд., ц. 1 р., 8) **Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера.* Общедоступное изложеніе идей Дарвина, ц. 60 к.; 9) **Міръ грезъ.** Д-ра *Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи, ц. 1 р. 10) **Первобытные люди** *Дебьера.* Со мног. рис., ц. 1 р. 11) **Законы подражанія.** *Тарда*, ц. 1 р. 50 к.; 12) **Геніальность и помѣшательство.** *Ц. Ломброзо.* Съ портр. автора и нѣскольк рис. 2-е изд., ц. 1 р. 13) **Общедоступная астрономія.** *К. Фламмаріона.* Съ 100 рис., 2-е изд. 70 к. 14) **Гигіена семьи** *Гебера*, ц. 50 к. 15) **Бактеріи** и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы.* Съ 35 рис., 1 р

Справочныя книги и указатели.

Энциклопедическій словарь. *Ф. Павленкова.* Справочная книга по всѣмъ отраслямъ знанія, свыше 300 столбцовъ текста 2607 рис., въ томъ числѣ 895 портретовъ и 112 географ. картъ. 4-е пересмотрен. изданіе., ц. въ коленкоровомъ переплетѣ 3 р.

Словарь иностранныхъ словъ вошедшихъ въ составъ русск. языка *Его же.* 3-е изд., ц. 1 р.

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *Альмедингена*, ц. 60 к.

На всякій случай. Научно-практическіе совѣты сельск. хозяевамъ. *Альмедингена.* Въ 2-хъ частяхъ. Ц. каждой части 50 к.

Который часъ? *Вавилова.* Популяр. руководство для провѣрки всякихъ обыкновен. и для устр. солнечн. часовъ, 2-е изд. Съ 13 рис. 30 к.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, исторія, соціологія и законовѣдѣніе.

Долой оружіе. Антивоенный романъ *Б. Зутнеръ,* цѣна 80 к.

Вѣчный миръ и разоруженіе. *М. А. Энгельгардта,* ц. 25 к.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. Politicos'a. Съ 16 портрет., ц. 1 р.

Очерки самоуправленія (земскаго, городского и сельскаго). *С. Приклонскаго,* ц. 2 р.

Одинъ въ полѣ не воинъ Романъ *Ф. Шпильгагена,* ц. 1 р. 25 к.

Прогрессъ какъ эволюція жестокости. *М. А. Энгельгардта,* ц. 75 к.

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки *И. Тимошенкове,* ц. 1 р.

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки *А. Бхтіарова.* ц. 1 р. 50 к.

Исторія книги на Руси. *А. Бахтіарова.* Со мног. рис. Ц. 1 р. 50 к.

Организація свободы и общественный долгъ. *А Пренса,* ц. 80 к.

Соціальное развитіе. *В. Кидда.* Съ предисловіемъ проф. *Вейсмана,* ц. 75 к.

Общественный организмъ. *Р. Вормса.* Перев. подъ ред. проф. *А. Трачевскаго,* ц. 75 к.

Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. *А. Сабатье,* 2-е изд., ц. 50 к.

Общественный прогрессъ и регрессъ. *Г. Греефа,* Перев. *Г. Паперна,* п. 1 р. 50 к.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ *Э. Беллами.* 6-е изд., ц. 75 к.

Крушеніе цивилизаціи. Соціологическій романъ *Э. Буажильбера,* ц. 1 р.

Прогрессивная нравственность. Проф. *Фаулера.* Переводъ съ англ., подъ ред. *Владиміра Соловьева,* ц. 40 к.

Популярно юридическая библіотека *Я. В. Абрамова:*—№ 3. Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ.—№ 4. Аренда и наемъ имуществъ.—№ 10. Усыновленіе. Цѣна каждой книжки 25 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ, общепонятно изложенные и объясненные. Составилъ *Фармаковскій.* 4-е изд., ц. 1 р. 25 к.

Въ трущобахъ Англіи. *Бутса,* ц. 1 р.

Забота. Романъ. *Зудермана,* ц. 60 к.

Лабулэ. Принцъ-Пудель. Полн. перев. *П. Казановича,* ц. 50 к.

Стелла. Астрономическій романъ. *Его же,* ц. 50 к.

Философія Шопенгауэра. *Т. Рибо,* 50 к.

Происхоженіе семьи, собственности и государства. *Ф. Энгельса,* ц. 40 к.

Іезуиты, ихъ исторія, организація и практическая дѣятельность. *Ж. Губера,* 1 р.

Философія исторіи, въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. *Х. Раппопорта,* ц. 75 к.

Развитіе народнаго хозяйства въ западной Европѣ. *М. Ковалевскаго,* ц. 75 к.

Исторія французской революціи. *Лависса* и *Рамбо,* ц. 1 р. 50 к.

Литература XIX вѣка въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. *Г. Брандеса.* **Англійская литература,** ц. 75 к. **Нѣмецкая литература,** ц. 1 р.

Литературное развитіе различныхъ племенъ и народовъ. *Ш. Летурно,* ц. 1 р. 50 к.

Прогрессъ нравственности. Изслѣдованіе. *Ш. Летурно.* ц. 1 р.

Эволюція общихъ идей. *Т. Рибо,* ц. 60 к.

Исторія первобытныхъ людей. *Э. Клодда,* со 88 рис. Переводъ *М. Энгельгардта,* ц. 40 к.

Психическіе факторы цивилизаціи. *Л. Уорда.* Пер. съ англ. *Л. Давыдова.* Цѣна 80 коп.

Итоги XIX вѣка. *Д. Нордена.* Переводъ съ нѣмецкаго *Э. Зауэръ,* ц. 40 к.

Исторія религіи. Профес. *Мензиса.* 2-е изд., п. 1 р.

Исторія культуры. *Липперта.* 7-е изд., ц. 1 р. 60 к.

Повѣсти и разсказы Н. В. Яковлевой. Автора „Обруситeлей". Болѣе 400 стр., ц. 1 р. 25 к.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Проф. *Гольцендорфа,* ц. 75 к.

15 к.